

УДК 294.321

ББК 86.35-2

Классика тибетского буддизма

ISBN 978-5-6048717-1-3

Dharmabooks.ru 014bo01/2024

Традиция ламдре

Тибетские сказания школы Сакья

Переводы с тибетского:

Джамьянг Кьенце Вангчук. История устных наставлений.

Кунга Палден и Лотер Вангпо. Ослепительное сияние сотни благословений.

© Dharmabooks.ru 2024

Джамьянг Кьенце Вангчук

Всеобъемлющее объяснение драгоценного учения ламдре

Я припадаю к стопам и всегда принимаю прибежище в моём святом духовном отце, великом ваджрадхаре, Лоселе Гьяцо Дракпа Гьялцене Палсангпо¹ — несравненном в доброте и являющем собой суть всех будд прошлого, настоящего и будущего. Молю, благослови потоки ума всех живых существ, таких как я!

Обширное объяснение драгоценного учения ламдре — несравненного пути, пройденного всеми сугатами трёх времён — включает три основных раздела: история устных наставлений, предназначенная для [зарождения] уверенности и подтверждающая достоверность источника; как объяснять и изучать Дхарму; как приносить пользу другим вслед за достижением совершенства в практике.

История устных наставлений

Здесь две темы: история появления устных наставлений на святой земле Индии; и как устные наставления распространились в Тибете.

История появления устных наставлений на святой земле Индии

Здесь две темы: приход Будды, нашего Учителя; и появление превосходной Дхармы.

Приход Будды, нашего учителя

Говоря в общем, бывают светлые кальпы, а бывают тёмные. Будды приходят в первые, но не во вторые. И в первых есть кальпы зарождения, кальпы пребывания и кальпы разрушения. Из этих, лишь в срединные кальпы пребывания приходят будды, но не в первые и не в последние. В срединные кальпы, в те, когда продолжительность жизни возрастает до восьмидесяти тысяч лет, люди живут долго и весьма счастливо, так что помыслов о неудовлетворённости у них не зарождается. Поэтому такие люди не подходят для обучения Дхарме, и будды не приходят. Не появляются они и во времена сокращения продолжительности жизни. Будды приходят в любое время, когда люди живут от ста лет и до восьмидесяти тысяч. К примеру, светлая кальпа может порой возникнуть посреди множества тёмных подобно вспышке

молнии в крошечной тьме окутанной ливнем летней ночи. Так учил мой наставник.

И далее, в начале этой настоящей кальпы в океане распустились золотые лотосы, числом в тысячу и два. Узрев в этом добрый знак, боги провозгласили: «Чудесно! Благая кальпа!» Согласно этому, на основании сказанного в различных сутрах о данной «благой кальпе», или «кальпе, когда видели тысячу лотосов», было сделано много предсказаний о том, что появится тысяча будд, что появится тысяча будд и два бодхисаттвы, и так далее.

Как бы то ни было, бессчётные кальпы назад наш теперешний учитель, царь Шакьев, в течение трёх неисчислимых кальп завершил накопление собраний² и уже тогда явил совершенное состояние будды. Тем не менее, ради воспитания учеников посредством двенадцати деяний в те времена, когда жизнь длится сотню лет, он продемонстрировал достижение совершенного пробуждения на ваджрасане в царстве Магадха.

Ради блага учеников, склонных к низшим учениям, Будда повернул колесо Дхармы шравакаяны; ради учеников, устремлённых к обширному, он повернул колесо Дхармы причинной парамитаяны; а для наивысших учеников, расположенных к глубокому, он повернул колесо Дхармы четырёх классов тантр ваджраяны. Наставив высших и низших учеников в соответствующих путях и плодах, пребывая под сенью двух деревьев сал, он в завершение явил совершенный уход в нирвану.

Появление превосходной Дхармы

Здесь три темы: распространение превосходной Дхармы вообще, происхождение девяти циклов пути в частности и происхождение драгоценного учения.

Распространение превосходной Дхармы вообще

Итак, из-за кармы своих учеников учитель удалился в медитативное равновесие в дхармадхату, однако изложенная им превосходная Дхарма осталась в этом мире на долгое время и тем самым принесла живым существам невообразимое благо и счастье. О пребывающей Дхарме сказано:

Превосходная Дхарма учителя
Существует в двух ипостасях,
Суть которых писание и постижение.³

Таким образом, Дхарма обладает двумя аспектами. О первом из них в «Сутре, испрошенной Сыном Богов» сказано:

Вся Дхарма заключена в двух: Слове Будды и трактатах.

Таким образом, Дхарма — это высказанные Буддой красноречивые слова и великие трактаты, где комментируется их смысл.

Сколько времени будет существовать Дхарма? Есть разные точки зрения. Одна из них такова, что Дхарма существует десять периодов по пятьсот лет. В течение трёх пятисотлетних периодов плода, многие люди достигают плодов, таких как четыре плода шраваков: вступления в поток, однократного возвращения, невозвращения и архатства. В течение трёх пятисотлетних периодов практики усердно практикуются три тренировки⁴. В течение трёх пятисотлетних периодов писаний по преимуществу занимаются изучением и объяснением винаи, сутры и абхидхармы. Последние же пятьсот лет — период приверженности только знакам, и остаётся лишь подобие буддийского учения. Так учил мой наставник.

Таким образом, большинство великих духовных проводников — включая самого совершенного Будду, достигших четырёх плодов шраваков, великих бодхисаттв махаяны, таких махасиддхов как Сараха, Нагарджуна, Вирупа, Тилопа и Наропа, также шесть украшений и превосходную пару — явились на святую землю Индии. Поэтому это называется первоначальным распространением Дхармы на святой земле.

В специальных изложениях, составленных последователями собственно ламдре, сперва рассказывается об истории тибетской традиции. Но откуда эта традиция пришла в Тибет? Подобно тому, как горные реки берут своё начало от белоснежного ледника, «она была получена от того сведущего и реализованного наставника из святой земли». Соответственно, об индийских истоках учений можно узнать из содержащихся в Книге писаний почитаемого владыки Дракпа

Гьялцена. Однако обычно следуют сочинению Нгорчена Дорджечанга, которое согласуется с общей историей распространения Дхармы. Так учил мой наставник.

Происхождение девяти циклов пути в частности

Таким образом, как было сказано, большинство тех сведущих и реализованных наставников, что явились на святую землю Индии, сердцем своей практики сделали единственно несравненную ваджраяну. Если обобщить все системы пути ваджраяны, их можно представить в виде шести ключевых положений. Если же извлечь суть практики этих шести, то её можно включить в девять великих циклов пути.

По мнению великого ламы и его предшественников, девять циклов пути были изложены восемью учителями. Но лучше придерживаться мнения Владыки Дорджечанга⁵, который, тщательно проанализировав этот вопрос, заключает, что учителей было девять. Так учил мой наставник.

Каждый из девяти циклов объясняется посредством четырёх тем: каким учителем он был изложен, на какую тантру он опирается, какой трактат был составлен на основе этой тантры и каковы руководства по практике согласно этому трактату.

Путь и плод

Сидя в собрании, наставник Ваджрасанапада одновременно узрел в видении лики восьмидесяти четырёх махасиддхов и после этого составил хвалу, в которой сказано:

Он обратил вспять великую реку
И за пиво взял в заложники Солнце.
Я кланяюсь тому наставнику,
Известному под именем Вирупа.⁶

Объектом этого восхваления является Владыка Йогинов Вирупа. Вообще, в Индии было два обладателя имени Вирупа: один из них известен как Восточный Вирупа, и также этот почитаемый владыка. Первый составил практики Варахи с отсечённой головой и был наставником Сукхасиддхи и прочих. Последний же прославился как

почитаемый и могущественный владыка Вирупа. Он составил коренной трактат «Ваджрные строки», который вообще опирается на все тантры непревзойдённой йоги, в частности на трилогию тантр (коренную и объяснительные тантры Хеваджры), а из них в особенности на двухчастную коренную тантру. Руководство по соответствующей практике — это наставления драгоценного учения ламдре.

Наставления, полученные у ступы

В форме монаха он обрёл достижение,
И лесная богиня поднесла ему нектар.
Я кланяюсь этому наставнику,
Известному под именем Нагарджунаса⁷.

Учитель Нагарджуна составил трактат «Комментарий на бодхичитту», основываясь на разделе о бодхичитте в коренной тантре Гухьясамаджи и на «Пробуждении Вайрочаны». Соответствующая практика известна под названием Наставлений, полученных у ступы, потому что Арьядэва, лучший из его учеников, достиг окончательного понимания природы ума перед ступой.

Постижение вместиорождённого

Домби-херука и Шрипарам Домбипа оба жили в Индии. К первому из них обращена следующая хвала:

Развернув свой коврик, он пересёк Гангу
И обрёл достижение верхом на тигре.
Я кланяюсь этому наставнику,
Известному под именем Домби-херука⁸.

Домби-херука составил трактат «Постижение вместиорождённого», основанный на трилогии тантр Шри Хеваджры. Соответствующая практика изложена в руководстве «Трёхчастное вместиорождённое».

Полный путь посредством мудры

Этот наставник — второй из числа трёх Индрабхути, живших в стране Уддияна.

В царском роду Уддияны
Достижение обрели и брат, и сестра.
Я кланяюсь этому наставнику,
Известному под именем Индрабхути.⁹

Индрабхути составил трактат «Ступени достоинств в посвящении», который основывается на тантре «Капля мудрости», которая соотносится с Хеваджрой. Соответствующая практика — это Полный путь посредством супруги-мудры.

Девять глубоких средств

В стране Уддияна было три обладателя имени Падмаваджра. Перечисляя их согласно последовательности их появления, старшим из них был Анангаваджра, средним — махасиддха Сароруха, а младшим — Падмасамбхава из Уддияны. Так учил мой наставник. О среднем, Сарорухе, сказано:

Хотя принадлежал касте чандра, он обрёл достижение,
И жил вместе с лotosовой госпожой.
Я кланяюсь этому наставнику,
Известному под именем Сарорухаваджра.¹⁰

Сароруха составил трактаты «Метод достижения Сарорухи»¹¹ и «Подобно язычку пламени светильника», которые основываются на двухчастной коренной тантре. Соответствующая практика известна под названием Девяти глубоких средств.

Непостижимое

В теле крестьянина касты тхару,
Он обрёл достижение вместе с супругой.
Я кланяюсь этому наставнику,
Известному под именем Куддала.¹²

Куддала составил трактат о полном пути посредством пяти аспектов непостижимого, основанный на тантре «Сампута». Соответствующая практика изложена в «Непостижимом»¹³.

Полный путь свирепого пламени

В Индии было много обладателей имени Кришна или Канха, таких как Канха Решительного Поведения, Кришначарьяваджра, Кришнасамаяваджра, Кришнашантибхадра.¹⁴ Здесь же говорится о Кришначарине:

Нарушив указание наставника и осуществляя поведение,
Он стал совершенным буддой в промежуточном состоянии.
Я кланяюсь этому наставнику,
Известному под именем Кришначарин.¹⁵

Кришначарин на символическом языке дакини составил трактат «Четыре ступени», который известен как «Олапати»¹⁶ и опирается на коренную и объяснительную тантры Чакрасамвары. Соответствующая практика изложена в руководстве под названием Полный путь свирепого пламени.

Распрявление искривлённого

Он отбросил аскезу и осуществлял поведение,
Применял взгляды и обрёл достижение.
Я кланяюсь этому наставнику,
Известному под именем Кришнаваджра.¹⁷

Объектом этого восхваления является Кришна Утсита Бессмертный, составивший трактат «Строфа о введении ветров в центральный канал»¹⁸, который основывается на всех материнских тантрах. Соответствующая практика известна как Распрявление искривлённого.

Неписанная махамудра

Он был из царского рода, путешествовал на луче солнца,
Использовал целебные пилюли, мазь для глаз и способность двигаться

под землёй.

Я кланяюсь этому наставнику,

Известному под именем Вагишвара.¹⁹

Этот сведущий и реализованный наставник составил трактаты «Прояснение четвёртого», «Семь ветвей» и «Драгоценная реальность», основанные на тантре Шри Хеваджры и пророчестве почитаемой богини Тары. Соответствующая практика известна как Неписанная махамудра. Так учил мой наставник.

Происхождение драгоценного учения

Здесь две темы: житие Владыки Йогинов, корня этой традиции, и рассказ о последователях Владыки Йогинов.

Житие Владыки Йогинов

Здесь две темы: когда он жил и его жизнеописание.

Когда он жил

В «Коренной тантре Манджушри» сказано:

Спустя четыре столетия
После моего, Татхагаты, ухода
Появится монах по имени Нага.

И далее, до слов:

Он проживёт шестьсот лет.²⁰

Таким образом, Нагарджуна явился спустя четыреста лет после ухода нашего Учителя Шакьямуни в нирвану. Он прожил в этом мире, на континенте Джамбудвипа, шестьсот человеческих лет, и на склоне его жизни его учеником стал Арьядэва. Как объясняется, Владыка Йогинов был учеником Арьядэвы.

Асанга пришёл спустя девятьсот лет после ухода Учителя в нирвану. Сказано:

Он проживёт сто лет и ещё пятьдесят.²¹

Таким образом, Асанга, как сказано, прожил полтора века. При этом утверждается, что Владыка Йогинов был учеником Асанги, а учеником Владыки Йогинов был настоятель Шантаракшита. Отсюда, если вкратце, следует, что Владыка Йогинов явился спустя приблизительно тысячу двадцать лет после ухода Учителя в нирвану.

Его жизнеописание

В указанное время на востоке Индии, в великом городе Бекшасе, Владыка Йогинов родился сыном царя Сергьи Кхорлочена, который, в

свою очередь, приходился сыном царю Мукхьючену. Когда его показали астрологу-брамину, тот предрёк, что он будет прояснять учение посредством могущества. И ему было дано имя Нгюлгьи Кхорлочен.

Когда Владыка Йогинов вырос, он принял посвящение в монашество у настоятеля Винаядевы и учителя Джаякирти в храме Сомапуре на востоке. Полагаясь на своего учителя, он учился до тех пор, пока не стал совершенно сведущим во всех областях знания. Он построил в том монастыре небольшой каменный храм, наполнил его символами трёх драгоценностей и учредил в нём постоянное выполнение подношений ради очищения омрачений его отца и матери. Он радовал настоятеля, учителя и сангху великолепными пиршествами и прекрасным служением. Когда же пришло время, он завершил свои дела в том месте и отправился в достославный монастырь Наланда, где превосходная Дхарма тогда весьма процветала.

В Наланде Владыка Йогинов получил полное монашеское посвящение от настоятеля Дхармамитры, и затем обучался превосходным учениям махаяны и хинаяны в огромном количестве. Поскольку Владыка Йогинов очень радовал настоятеля, тот учил его всему без ограничений. Помимо прочего, Дхармамитра в качестве тайной Дхармы, предназначенной для него одного, сказал ему: «Вообще, для быстрого достижения состояния будды необходима ваджраяна. А из учений ваджраяны особо глубокое и быстрое — Чакрасамвара». Дхармамитра в полной мере наставил его приводящим к созреванию посвящением и освобождающим руководством. Говоря коротко, он обрёл известность как великий знаток Шри Дхармапала (Славный Защитник Дхармы).

Спустя некоторое время настоятель отошёл в нирвану. Свою последнюю волю он выразил следующим образом: «Этот Шри Дхармапала чрезвычайно сведущ и в учёности ничем не отличается от меня. Я передаю ему свой пост в этом монастыре. Относитесь к нему так же, как прежде вы относились ко мне!»

Когда тело настоятеля было подвергнуто кремации, оно полностью обратилось в реликвии и изображения божеств. Все монахи и покровители сангхи, включая и царя, преисполнились от этого ещё большей веры, чем у них была ранее. Согласно желанию покойного настоятеля, следующим настоятелем Наланды был провозглашён

учитель Шри Дхармапала, и все почтили его, склонившись к нему макушками своих голов.

Днём учитель Шри Дхармапала осуществлял обширные дела во благо учения, такие как дарование объяснений, участие в диспутах и составление текстов Дхармы махаяны и хинаяны. По ночам же он развивал однонаправленное медитативное сосредоточение на Чакрасамваре, как наставил его Дхармамитра. Таким образом он жил, пока не достиг возраста около семидесяти лет.

Шри Дхармапала питал надежду: «Раз я усердно медитирую на таком пути как этот, не появятся ли благие знаки достижения?» Но у него не было даже благоприятных снов, и вдобавок к нему вернулись все его старые болезни в сопровождении множества новых. Он испытывал невыносимую телесную боль и душевные страдания, его мучили всевозможные вредоносные существа, такие как кровожадные духи и демоны-ракшасы. Во сне он также видел много дурного: огонь, пылавший снизу некой долины, и ниспадавшую сверху воду, молнии, град, комья земли и осколки льда; своего наставника, йидама, ваджрных братьев и прочих с иссечёнными лицами, отрезанными носами, вывалившимися глазами и кровью, истекавшей из разверстых ран; и так далее.

Шри Дхармапала пал духом и подумал: «Я так много занимался, но не добился даже благого сновидения. Проявляются одни только дурные знаки. Означать это может лишь то, что в этой жизни у меня нет совершенно никакой связи с ваджраяной. Поэтому теперь я буду проводить время лишь в изучении и объяснении общей колесницы, а никаких практик тайной мантры выполнять больше не буду».

Вечером двадцать второго дня четвёртого весеннего месяца он выбросил свои чётки в отхожее место, а тайную мантру из головы.

В действительности, когда происходили эти события, учитель Шри Дхармапала привёл к завершению путь накопления и осуществил большую часть пути применения. Когда же его ветры и ум собрались в кша, ма и так далее ниже пупка, он вплотную приблизился к достижению пути видения. Полученные им ранее от настоятеля устные наставления, имели несколько неясную форму. Так учил мой наставник.

Как бы то ни было, на заре ему во сне явилась почитаемая Ваджра Найратмья в образе обычной женщины синего цвета,

прекрасной на вид, чарующей, убранной шелками и множеством драгоценных украшений. Она сказала ему: «Сын семьи! Нехорошо совершать такой дурной поступок, когда ты уже обретаешь достижение. Не бывает будд с большим или меньшим состраданием, но именно я — то божество, с которым тебя связывает созданная тобой карма. Поэтому я благословлю тебя, но прежде извлеки свои чётки из отхожего места, омой их благовонной водой и вернись к практике!»

Богиня исчезла, и Шри Дхармапала проснулся. С великой радостью он выполнил её повеление, и вечером двадцать третьего дня ему была воочию явлена мандала пятнадцати богинь Ваджра Найратмьи. Он получил посвящение в этой великой явленной мандале, и в потоке его ума родилась изначальная осознанность посвящения, свободная от концептуализации изначальная осознанность пути видения.

И далее, поскольку он полностью получил четыре посвящения в великой явленной мандале, поток посвящения был не пресечённым. Поскольку при посвящении он реализовал изначальную осознанность первого бхуми пути видения, не было ухудшения в передаче благословений.

Шри Дхармапала понял, что переживания, которые ранее лишали его покоя, отражали страдания каналов, страдания ветров и ту кардинальную перестройку ума, которую повлекло за собой расслабление узлов на каналах при первом собирании сущностных компонентов, когда он был ведом по пути видами тепла и знаками ветров и свирепого пламени. Он также понял, что явления ракшасов и кровожадных духов возникли от зависимо возникших связей собирания ветров и ума в ма, кша и так далее ниже пупка.

Он понял, что огонь, пылавший снизу долины, ниспадавшая сверху долины вода и прочее — возникли в его сновидениях по причине зависимо возникших связей пылания снизу свирепого пламени и нисхождения сверху бодхичитты, когда он был ведом по пути каплями блаженства-пустоты при среднем собирании сущностных компонентов. И он также понял, что град, осколки льда и прочее привиделись ему вследствие притекания и истекания капель по тонким каналам.

Когда же при последнем собирании сущностных компонентов Шри Дхармапала был ведом по пути подлинной изначальной

осознанностью, были отторгнуты все его прежние страстные привязанности, на что и указывали иссечённые лица наставника, йидама и прочих. Но, поскольку ранее Шри Дхармапале не было даровано соответствующих устных наставлений превосходного наставника, он принял все эти проявления опыта за недостатки, от которых следовало избавиться. Однако теперь, опираясь на устные наставления Ваджра Найратмьи, он распознал всё это как медитативное сосредоточение и естественным образом освободился от всех помех и препятствий. Поскольку те три собирания сущностных компонентов произошли в потоке его ума без нарушения последовательности, порядок устных наставлений не был нарушен.

Опираясь на эти устные наставления, Шри Дхармапала окончательно осознал, что почитаемая Ваджра Найратмья есть совокупная сущность всех будд. Он подумал: «Явись мне теперь даже все будды трёх времён, это ничего не добавило бы к тому, что уже имею». В нём родилась нерушимая вера, и его ум насытился преданностью. Так он обрёл четыре устных передачи²².

Держась потока этой изначальной осознанности, он каждый день преодолевал по бхуми и спустя шесть дней стал великим бодхисаттвой шестого бхуми.

После этого, чтобы выполнить благодарственные подношения наставнику и йидаму, а также ради совершенствования своей реализации, Шри Дхармапала отдал распоряжения надёжному товарищу и тайно получил предметы самаи, включая пиво и мясо. Когда он выполнял ритуальное пиршество, среди монахов прошёл слух о том, что настоятель взял с собой пиво и мясо, и несколько монахов решили пойти и разобраться, что происходит.

Они заглянули сквозь щель двери помещения настоятеля, и те из них, кто обладал чистой кармой, узрели учителя выполнявшим медитативное сосредоточение почитаемого отца Хеваджры в окружении восьми женщин, а когда он находился в медитативном сосредоточении почитаемой матери Найратмьи, женщин в его окружении было четырнадцать.²³ Те монахи, чья карма была несколько загрязнённой, видели его вкушавшим пиво и мясо в окружении восьми или четырнадцати светильников и так далее.

Все они преисполнились сомнений, но, поскольку Шри Дхармапала был великим настоятелем, прославленным как луна и

солнце, а они были его учениками, никто из них не дерзнул высказаться открыто. Чтобы избежать вреда для учения и опровергнуть неверие в умах, когда все стали хулить его, Шри Дхармапала признал себя нечестивцем, и, открыто демонстрируя неподобающее поведение, преподнёс трём драгоценностям все свои монашеские атрибуты, такие как монашеская одежда и чаша для подаяния. Оставшись в одной лишь хлопковой повязке на бёдрах, он воскликнул: «Я голый грешник, Вирупа!» — И, немедленно покинув монастырь, он украл у торговцев несколько цветочных гирлянд и украсил ими своё тело. Поскольку в Индии низшие касты питаются репой, он выпросил немного репы у торговцев и ещё сколько-то репы украл, а затем частью набил себе рот, а часть засунул себе подмышки. Вся сангха была шокирована и приступила к выполнению ритуала изгнания из монастыря. В связи с этим, когда бьют в гонг, то человек, если попросит снова принять его, ещё может вернуться позже. Но когда бьют в двусторонний барабан под названием падаха, после этого никакое возвращение уже невозможно. В данном случае было использовано и то, и другое, и, таким образом, Вирупу изгнали. Тогда он спел песню:

Увы, о прекрасная сангха!
Я назвал себя гадким,
И вот вы ударили в гонг,
И ударили вы в барабан,
И из сангхи я изгнан.
Сангхе трудно понять,
Что мой ум не запятнан,
Подобно луне.
Когда пресекают утечку
От органов чувств —
Их это пугает.
Вирупа напьётся пива
И солнце захватит в плен.
Синий лотос не покрыт водой,
Когда распускается.
Так что Вирупе известно многое.²⁴

После этого, отправившись в сторону Варанаси, Вирупа пришёл к берегу Ганги. «Ты очень чистая, — сказал он реке, — а я дурной человек. Если я коснусь твоих вод, то могу осквернить их. Лучше тебе подвинуться, пока я не перейду на тот берег!»

Ганга расступилась, и учитель перешёл её по открывшемуся пути. Тогда монахи поняли, что он обрёл достижение. Они просили прощения и умоляли его остаться. Но Вирупа ответил: «Вообще, порядок в этом мире таков, что, когда вместе собирается много достойных людей, они вправе прогнать от себя дурного. Вы же, будучи сборищем нечестивцев, прогнали меня, хотя я был благ. Это неправильно. Но всё же это было сделано ради учения. И в дальнейшем, если среди вас будут появляться люди, которые будут вредить учению, изгоняйте их!» Монахов он простил, но остаться не согласился.

В лесу недалеко от Варанаси Вирупа прожил, как говорят некоторые, шесть лет, а как говорят иные, шесть месяцев, поэтому определённо, что, по меньшей мере, шесть месяцев. Как бы то ни было, он пребывал лишь в медитативном сосредоточении, совершенно равнодушный к пище, одежде и прочему. И, поскольку он ничем не укрывал своего тела от солнца и ветра, от их постоянного воздействия облик его стал весьма пугающим.

Пастухи и другие люди видели его, и о нём прошёл слух. Слух этот достиг ушей Говиндачанды, или Свирепого Пастуха, который царствовал в то время в Варанаси и был приверженцем небуддийской религии. «Если это небуддийский йогин, — провозгласил царь, — то, поскольку он находится в трудном положении, его надлежит пригласить к нам и всячески почитать. Если же он буддийский йогин, тогда это может навредить народу Варанаси, и от него нужно будет избавиться. Поэтому выясните, кто он такой!»

Царские министры посетили учителя, но сколько они ни изучали его, не могли понять, [кто перед ними]. Поэтому они решили: «Пусть его проверит сам царь. Отведём этого человека к царю!»

И из чащи леса Вирупу повели во дворец. По дороге он непрестанно отправлял себе в рот всяческих мелких существ, таких как бабочки и жучки.

«Какой дурной человек!» — восклицали при виде этого жители Варанаси.

Но и когда съеденные Вирупой насекомые невредимыми вылетали из его рта, люди всё равно восклицали: «Какой дурной человек!»

И тогда Вирупа спел песню:

Я столько убил,
И они говорят: «Он плохой!»
Я всех воскресил,
И они говорят: «Он плохой!»
Не знаю что и делать!²⁵

Когда Вирупа был представлен царю, какие бы вопросы царь не задавал ему, Вирупа хранил молчание. Тогда царь разгневался и воскликнул: «У него нет ни единого знака Ишвары, поэтому это не небуддийский йогин. А раз он буддийский йогин, скуйте ему железными цепями руки и ноги, да бросьте его в реку!»

Так и сделали. Но не успели ещё вернуться те, кто топил учителя в реке, как тот уже снова стоял перед царём. Когда это было проделано многократно, царь сказал: «Как видно, он владеет искусством подчинения воды. В таком случае, пусть умрёт, исколотый клинками!»

И палачи кололи Вирупу всевозможным оружием, но достигли не большего успеха, чем если бы пытались зарезать скалу. Тогда они вырыли глубокую яму, посадили в неё учителя, залили его расплавленным металлом, забросали кусками железа, навалили сверху земли и затем пустили стадо слонов, чтобы те потоптались на том месте. Но ещё прежде, чем палачи вернулись, он уже снова стоял перед царём, совершенно невредимый. Тогда царь преисполнился веры и попросил у Вирупы прощения. И после этого Вирупа обратил в ваджраяну весь Варанаси вместе с окрестными землями.

Затем, по дороге на юг Индии Вирупа пришёл к берегу Ганги и обратился к лодочнику:

— Перевези меня.

— Нет здесь такого порядка, чтобы перевозить через реку бесплатно, — ответил лодочник. — Мне нужна плата.

— Я готов уплатить тебе этой рекой, — сказал на это Вирупа. — Ты бы предпочёл её узкой или широкой?

— Для нужд царской армии и для таких дел, как полив сахарного тростника, лучше, конечно, широкая река, — ответил лодочник. — Но для тех людей, которые обитают по берегам реки в травяных хижинах и постоянно боятся, что их дома будут затоплены, узкая река предпочтительнее.

Тогда Вирупа указал пальцем на Гангу, и та вышла из берегов, так что выстроенные неподалёку травяные хижины почти полностью ушли под воду. Когда местные жители, полные ужаса и смятения, прибежали узнать, что происходит, лодочник закричал: «Всё это натворил тот йогин!»

Услышав это, люди вместе с правившим там царём Чалабхадрой и его свитой преподнесли Вирупе золото, драгоценности, лошадей, скот, зерно и многое другое и вознесли ему молитвы. Одним щелчком пальцев учитель вернул реку в её обычное русло, вернув также и покой обитателям травяных хижин.

И когда затем Вирупа передал лодочнику поднесённые ему ценности, прошлая карма лодочника пробудилась, и он подумал: «Если я встретил такого йогина, на что мне теперь все эти богатства?» И он последовал за Вирупой, став его слугой. А что касается ценностей, то ничего из них не испортилось и не потерялось, но всё в полной сохранности вернулось к дарителям. Таким образом, река Ганга была вторично обращена вспять, и Вирупа пропел в честь этого ещё одну песню.²⁶ А лодочник тот прославился как Домби-херука, ученик, подходящий для ведения мгновенным путём наделённого удачей.

Оба они, учитель и ученик, отправились затем в местность под названием Дакинипата на юге Индии и там попросили пива у торговли пивом по имени Камарупасиддхи, то есть Достижение Желанной Формы.

— А чем вы заплатите? — спросила она.

— Мы заплатим, когда напьёмся, — сказал Вирупа.

Она не поверила. Тогда Вирупа прочертил линию вдоль края падавшей тени и сказал:

— Как только тень перейдёт эту черту, мы заплатим.

Они выпили всё пиво, которое у неё было, а затем постепенно и все запасы пива восемнадцати окрестных кварталов, но тень за это время не сдвинулась ни на волосок, а все солнечные и водяные часы остановились по всему царству. Люди и животные страдали, лишённые сна. Царь, пожелав узнать, что стряслось, выяснил, что это Владыка Йогинов демонстрирует таким образом своё могущество. Тогда он попросил Вирупу отпустить солнце, но тот ответил: «Мне нечем заплатить за пиво!» Царь сам рассчитался за выпитое пиво, и, когда Вирупа отпустил солнце, оно в то же мгновение закатилось за горизонт. Всё это заняло около двух дней и ещё половины ночи.

Таким образом, Вирупа дважды обратил вспять Гангу и удерживал в заложниках само солнце. Слава его гремела теперь повсеместно.

После этого ради Канхи — ученика, пригодного для продвижения постепенным путём — они отправились в местность Бхимесара на юге Индии с целью укротить её. В ту пору там правил небуддийский царь по имени Нарapati, то есть Повелитель Людей, который держал при себе пятьсот длинноволосых садху, отправлявших служение. Предыдущим царём Бхимасеной там было возведено фаллическое изваяние Ишвары, которому при всяком случае приносились жертвы, и каждый раз при этом бывали убиты десятки тысяч козлов и буйволов.

Прибыв в туда, Вирупа принялся декламировать на санскрите ведические гимны и провозгласил их множество, от чего царь был в восторге и воскликнул: «Трудно найти теперь столь сведущего человека! Хорошо бы ему стать во главе моих длинноволосых садху!»

Таким образом, царь предложил Вирупе стать придворным жрецом, и тот согласился. Однако, когда длинноволосые садху простирались перед образом Ишвары, подносили ему цветы и так далее, Вирупа извлекал из своих длинных волос текст тантры «Хеваджра» в двух частях или «Восьмитысячной праджняпарамиты» и затем простирался перед ним и делал подношения ему. Длинноволосые садху донесли об этом царю, но тот не поверил им и сказал: «Возможно ли, чтобы столь сведущий человек, в совершенстве изучивший Веды, не поклонился и не выполнил бы подношений Ишваре? Вы, верно, просто завидуете ему!»

Но садху снова и снова приходили жаловаться на Вирупу, так что в конце концов царь засомневался. Однажды он явился к своим садху, чтобы простираться и совершать подношения вместе с ними; Вирупа же по своему обыкновению стал простираться и выполнять подношения тексту. Тогда царь спросил его:

— Отчего бы и тебе не простереться перед образом Ишвары?

— Он не выдержит моего простирания, — ответил Вирупа.

Но царь стал настаивал:

— Нет в мире желания более великого бога, чем этот. А раз так, то, как он может не выдержать простирания? Ну ка выполняй!

«Что я могу поделаться с этим коронованным нечестивцем? — сказал учитель образу. — Крепись, о Ишвара!»

Вслед за этим, почтительно сложив ладони, Вирупа произнёс: «Намо буддая!» — и верхняя треть фаллического изваяния треснула. Когда он произнёс: «Дхармая!» — трещина распространилась и на вторую треть. Когда же он произнёс: «Сангхая!» — трещина дошла донизу, и изваяние развалилось на две половины. Полные ужаса, царь и его свита пали к ногам Вирупы и стали умолять его восстановить изваяние. Он сделал это, но на голову восстановленного изваяния поместил выполненный из чёрного камня образ Махакаруники²⁷, сказав: «Если уберёте его, изваяние разрушится вновь. Но до тех пор, пока он будет оставаться на месте, с изваянием также ничего не случится».

Затем он покинул их, и тогда один из тех пятисот длинноволосых садху преисполнился отвращения к делам и воззрениям небуддистов. Достоинства Владыки Йогинов очаровали его ум, и он последовал за ним. Это был Восточный Канха, и именно таких как он определяют как «тех, кто ещё не вступил в буддийское учение, но желает вступить». Так учил мой наставник.

После этого Вирупа и двое его учеников отправились дальше на юг и прибыли в местность, где царём по имени Дземги было воздвигнуто медное изваяние Ишвары с тремя головами и шестью руками высотой около восьмидесяти локтей. Оно носило название Тамбрапратима, и перед ним при всяком случае совершались подношения мясом и кровью многих тысяч убитых существ.

Множество небуддистов совершали там подношения, и, когда Вирупа с учениками протиснулись внутрь, им сказали:

— Вы получите свою долю снаружи. Здесь для вас места нет, не подходите!

Учитель ответил:

— Если для нас нет места, тогда ты пойдёшь с нами, — и пнул ногой камень, так что тот попал в изваяние.

Освящение изваяния в небуддийской традиции было тем самым нарушено, и оно заковывало за учителем, сделав при этом порядка семи шагов, а оказавшись снаружи, рухнуло лицом вниз. Небуддисты при виде этого затрепетали в ужасе и пали к ногам Вирупы. Когда же они стали умолять его вернуть образ на место, он много раз пригрозил им: «Если отныне вы будете совершать подношения только тремя белыми, рисом и тому подобным и прекратите отнимать ради этого жизни, я возвращу его на место. Но если вы ослушаетесь, я уведу его прочь!» Все согласились с условиями Вирупы, и тогда он возвратил изваяние на место.

По мере их странствий, о Вирупе стал распространяться слух, что он уничтожает все небуддийские изваяния на своём пути. Опасаясь Вирупы, небуддисты теперь на каждый почитавшийся ими образ помещали сверху буддийский образ, тем самым исправляя изъяны своей веры. Увидев это, Вирупа обрадовался при мысли, что даже его имя могло осуществлять надлежащие дела во благо учения.

На голову одного из небуддийских изваяний была помещена статуя почитаемой богини Тары. Когда Вирупа принялся обходить её, она поворачивала голову, следуя за ним взглядом, от чего стала известной как «Тара с поворачивающимся лицом». Чтобы утвердить её на том месте, учитель поднёс ей цветок, и тогда Тара стала нераздельной с головой изваяния, на котором стояла. После ухода учителя из той местности небуддисты собирались убрать Тару с того места, но сделать этого уже не смогли. Так учил мой наставник.

Потом они отправились ещё дальше на юг, где вблизи самовозникшего каменного образа богини Чандики, известного под названием Сахаджадеви, жило множество небуддийских йогинь. Всякого, кто к ним являлся, они отводили в свой храм, где пришельцу

пронзал горло самовозникший трезубец. Плоть и кровь умерщвлённой жертвы использовались затем для ритуального пиршества.

Когда Вирупа прибыл туда, чтобы положить этому конец, йогини очень обрадовались и сказали: «Заходите, пожалуйста!» Учитель сказал своим спутникам: «Задержите дыхание, оставайтесь здесь и ни с кем не разговаривайте», — и пошёл к йогиням.

— Позови своих двух друзей, — сказали йогини, когда он вошёл.

— Позовите их сами, — ответил он.

Они так и сделали, но ответа не получили. Когда же они принялись тыкать учеников Вирупы указательными пальцами в животы, из тех вывалились экскременты. «Да они уже разлагаются!» — воскликнули йогини и оставили их.

Когда учитель вступил в храм, находившийся там трезубец стал вибрировать и звенеть. Хлопнув по нему ладонью, Вирупа обратил его в прах. Тогда со своего места поднялось каменное изваяние, но Вирупа и его хлопнул по темени. В то же мгновение изваяние уронило голову на грудь, а йогини обессилели, и горлом у них хлынула кровь.

— Разве буддисты не обладают великим состраданием? — заголосили они. — Не поступай так с нами!

— Я поступаю так именно потому, что обладаю великим состраданием, — ответил Вирупа.

На голову того изваяния он поместил ступу, а йогинь обратил в буддизм, и они стали буддийскими йогинями.

Вслед за этим Вирупа благословил того лодочника, что последовал за ним, когда была обращена вспять Ганга, и тогда этот лодочник стал великим героем шестого бхуми, равным в реализации самому Вирупе. Его он отправил подчинять зловредного небуддийского царя Дехару, который жил во дворце Камкана в городе Нацок Драден в местности Радха на востоке Индии. Прибыв туда верхом на лесном тигре-людоеде, с ядовитыми змеями в качестве удил, уздечки и прочих частей сбруи, потрясая огромной ядовитой змеей и тому подобным, этот махасиддха Домби-херука подчинил царя и обратил всех жителей Радхи в ваджраяну. Так учил мой наставник.

Тем временем Владыка Йогинов и Канха, второй его ученик, отправились к ущелью Девикота, что на юго-востоке Индии, где

выполнили простирания и обхождение у образа Кхасарпаны Локешвары, приглашённого из Поталы практиком-мирянином Чакьи Джинпаченом, также известным как учитель Аджитагуптамитра. Когда Вирупа рассказал о своих делах во благо учения, начиная от самого пострига в монахи и заканчивая подчинением Сахаджадеви, Махакаруника заговорил:

— Сын семьи! Твоего могущества хватило бы и на то, чтобы обратить в прах саму гору Меру. Но, поскольку многообразия кармы живых существ не охватить умом, ты должен пробудить в себе великое сострадание и не наводить более такого страха на небуддистов.

Вирупа ответил:

— В западной стороне при всяком случае убивают тысячи живых существ, ради подношений богу по имени Соманатха²⁸. Я сперва усмирю его, а после этого стану поступать так, как велит мне Великий Сострадательный.

Тогда Махакаруника повелел:

— Если так, то тебе следует подчинить его искусными средствами. Не используй для этого решительных действий!

Наставник и ученик отправились усмирять Соманатху, и тот, прозрев это при помощи своей ущербной сверхъестественной способности, вышел встретить их на дороге, приняв для этого вид двух чистых браминов, бёдра которых были обёрнуты оленьими шкурами, а в руках они несли такие очищающие предметы как трава куша и подобное.

— Куда вы идёте, йогины? — спросил Соманатха, когда они встретились на дороге, хотя ответ и был ему известен.

Учитель тоже узнал его и сказал:

— Я собираюсь уничтожить Соманатху.

— Если у вас, буддистов, есть великое сострадание, как же ты собираешься его уничтожить?

— Именно это я и использую, чтобы погубить его.

— Но его здесь нет! Он отправился на восточный континент Видеху.

— Я и туда доберусь и всё равно погублю его, — отвечал Вирупа. — На другой континент или в мир брахмы — я догоню его и уничтожу.

Преисполненный ужаса, Соманатха тут же явил свой истинный облик и воскликнул:

— Это я и есть Сомнатха! Молю, пощади меня!

— Что ж, — ответил Вирупа. — В таком случае ты должен возвести монастырь, выстроить там буддийский храм, над дверью этого храма изобразить меня, и чтобы подношения осуществлялись только рисом, выпечкой и тому подобным, но не убийством живых существ. Сперва пусть выполняются подношения символам трёх драгоценностей, затем мне, а что останется, уже может быть поднесено тебе. Если будет так я разрешу тебе остаться. Но если ты не исполнишь этих указаний, я обращу тебя в пыль!

Соманатха согласился и сам молил учителя оставаться ради служения, пока существуют солнце и луна. Учитель согласился и на это.

После этого Сомнатха явился во сне царю Чандрадеве, который правил в местности Тишала на западе Индии, перечислил ему всё, что наказал Вирупа, и пообещал, что если тот в течение трёх месяцев всего этого не исполнит, то от его свиты и царства ничего не останется. Напуганный, царь выполнил всё, что ему было ему приказано. «Кто же такой этот Владыка Йогинов Вирупа, перед которым трепещет сам Махешвара?» — недоумевал он. Царь и его свита встретили Вирупу очень торжественно и с большим почётом.

В четверти дневного пути от Соманатхи есть местность под названием Гуджарат — пленительная, несказанно приятная, полная прекрасных деревьев, журчащих ручьёв, лугов и тому подобного. Туда и отправился Вирупа. Согласно его указаниям, там был выстроен храм и почиталась также сангха числом около сотни человек, а животные — козлы, буйволы и прочие — чьи жизни были таким образом продлены — могли гулять там, где пожелают, и никто не мог вредить им.

После этого Вирупа даровал Канхе, своему ученику, «Ваджрные строки». И, поскольку Канха ещё не был равен ему в реализации, он также благословил его реализацией, равной его собственной. Затем он отослал Канху, дав ему следующие три задания: укротить зловредного небуддийского царя на востоке Индии, позаботиться об учителе Дамарупе и принести из западной страны Уддияны пять циклов писания, на которые можно было опираться при изучении «Ваджрных строк».

Следуя велению Авалокитешвары, Вирупа до поры до времени прекратил решительные действия на континенте Джамбудвипа и, как сказано, слился с каменным образом, о котором говорят, что это и есть сам учитель. Как бы то ни было, форма этой фигуры такова, что правая её рука сложена в мудру удержания солнца, а в левой, выполняющей мудру дарования высшего достижения, у неё лежит камень, от соприкосновения с которым всякая вещь обращается в золото. Размером этот камень подобен среднему плоду миробалана.

Образ этот обладает чудесными свойствами. Даже малые дети, если они преисполнены почтения, могут совершить подношение, украсив голову этой статуи гирляндами. Но с дурными намерениями, каким бы высоким ростом человек не обладал, дотянуться до головы этой статуи он не сможет. А перед образом стоит каменная капала, которая никогда не переполняется. Даже если опрокинуть в неё сотню тысяч бочек пива, ни капли не перельётся через её край. Также рядом неизменно присутствуют двое: немой, который является проявлением Ваджрапани, и проявление Ваджраварахи — женщина, которую временами видят как немую, а в других случаях как прокажённую.

Говорят, что однажды некий бедствовавший монах (хотя другие утверждают, что то был брамин) взмолился перед этой статуей, и тогда Вирупа отдал ему свой камень, обращающий в золото всё, к чему прикасается. Монах добыл много золота, но затем об этом прослышал царь и пожелал получить чудесный камень себе. «Этот камень не мой, — ответил монах. — Он принадлежит Владыке Йогинов. Так что я сперва вложу камень ему в руку, а потом можешь его забрать».

Но едва монах вложил камень в ладонь статуи, как та сомкнулась в кулак, не позволив жадному царю получить сокровище. Царь разгневался и хотел было вовсе отломать руку с волшебным камнем, но, когда он попытался это сделать, у него хлынула горлом кровь, и он умер на месте. С тех пор на кулаке появилась лишь небольшая трещинка, через которую можно просунуть тонкую металлическую проволочку. И золото, добытое от просовывания проволоки в эту трещинку, используют для подношений.

Небуддисты называют этот образ Пуньяхарой, то есть Воруящим Заслуги, потому что он отнимает заслуги у Махешвары, и, если не совершать перед ним подношений, в мире случится много неблагоприятного. Поэтому они очень прилежно выполняют

подношения статуе. Что же касается буддистов, то они также совершают подношения этому образу, но почитают его как Баланатху, то есть Владыку Могущества.

Если сказать коротко обо всех существующих на Джамбудвипе образах, то Кхасарпана в Девикоте считается наилучшим для постоянных подношений, Махабодхи — для специальных подношений; но ни тот, ни другой не превосходят Соманатху ни в связи с постоянными, ни в связи со специальными подношениями.

Так почитаемый Владыка Йогинов распространял учение на Джамбудвипе посредством решительных действий, и затем явил твердыню состояния ваджрадхары, или тринадцатого бхуми. И до сегодняшнего дня он остаётся в Соманатхе, где выполняет служение Кумару Картикее²⁹.

Вирупа, как известно, трижды приходил на этот континент для решительных действий. Во второй раз он прославился в Индии под именем йогина Сарупы или Сиропы. Он укротил безумного слона Ньима Чарву, который разрушал леса, города и деревни, затем взобрался на этого слона, и больше никто его не видел — он исчез без следа, будто радуга.

В третий раз он явился, чтобы восстановить разрушенное изваяние в Бхимесаре. Сказано, что он уже приходил; и также сказано, что он придёт вновь. Так учил мой наставник.

Коротко говоря, сколько ни появлялось на святой земле Индии могучих, сведущих и достигших реализации наставников, ни один из них не совершал ради учения таких подвигов посредством решительных действий. Поэтому посредством решительных действий учение поддержал махасиддха Вирупа, посредством диспутов — прославленный Дхармакирти, а посредством могущества царь Дхармы Ашока. Слава этих трёх равна славе луны и солнца.

Что касается царя, то его дела во благо учения были такими. Некто известный под прозвищем Пандита в Синих Одеждах выдумал извращённое учение и собрал множество последователей. Укротить его не мог никто. И тогда царь Ашока сделался его покровителем и призвал к себе его самого и также всю его свиту и слуг. Он поселил их в большом шеллаковом доме, который затем окружил множеством

воинов и сжёг в огне, так что не осталось даже названия того злого учения. Так объяснял мне учитель.

Вкратце, «Коренная тантра Манджушри» содержит пророчество, которое начинается словами:

Имеющий слог дха

И прилежно исполняющий обеты...³⁰

Обычно это считают пророчеством о славном Дхармакирти; однако, по мнению Дрогми-лоцавы и его последователей, это пророчество о Владыке Йогинов. Фраза «имеющий слог дха и прилежно исполняющий обеты» указывает на слово Дхарма — первую часть имени Дхармапала. Там же ещё сказано «известный на юге», а о Дхармакирти нет никаких историй, рассказывающих о подчинении им небуддистов на юге, тогда как почитаемый владыка Вирупа в основном подчинял небуддистов своими решительными действиями именно там. И ещё сказано:

Прилежно исполняющий обеты,
Он также овладеет мантрой.

Овладеть мантрой означает обрести высшее достижение махамудры, но нет никаких сведений, показывающих ясно, что Дхармакирти овладел мантрой. Поэтому можно считать доказанным, что это пророчество о почитаемом владыке Вирупе. Так учил мой наставник.

Рассказ о последователях Владыки Йогинов

Восточного Канху, который здесь уже упоминался, также называют Канхой Решительных Действий, потому что, как и почитаемый владыка Вирупа, этот учитель в совершенстве овладел решительными действиями. А поскольку он родился в местности под названием Карна, иначе его называют также Карнапой. Он достиг реализации шестого бхуми. Вначале он занимался медитацией на горе Уджаянта, а вслед за этим, согласно повелению Владыки Йогинов, принёс из западной страны Уддияны пять циклов писания — фрагменты коренной тантры Хеваджры в пятистах тысячах строк —

которые выступали опорными текстами для «Ваджрных строк», но на тибетский язык, насколько можно судить, не переводились. Так учил мой наставник.

Был ещё в восточной Индии царь, близкий к падению в нижние миры из-за привязанности, которую он питал к своим жёнам. Увидев в этом царе ученика, Канха забрался во дворец, где находился царский гарем. Царь, узнав об этом, страшно разгневался и приказал немедленно казнить Канху. Но когда палачи вошли во дворец, учитель оказался снаружи дворца. А когда они вышли наружу, он снова оказался внутри. Тогда дворец был окружён воинами, и в то же время множество воинов вошло внутрь. Тут учитель из одного стал сотней, из сотни — тысячей, а из тысячи — невообразимым числом. Царь и его свита исполнились веры и приняли Ваджраяну.

Подобным же образом Канха укротил царя Магадхи, который после этого стал известен как Дхампа или Дамарупа. Как было предсказано Владыкой Йогинов, Канха наставил его посредством четырёх устных передач. Тайным именем Канхи Решительных Действий было Падмаваджра. Так учил мой наставник.

Когда махасиддха Дхампа выполнял решительные действия, он держал в руке сделанный из черепной кости барабан дамару и занимался этим во всех двадцати четырёх святых местах и у тридцати двух святынь, потрясая и стуча в него. Потому его и называли Дамарупой. Чтобы укротить зловредного небуддийского царя, Дамарупа привёл к нему из джунглей тигра-людоеда, а затем внезапно схватил царя за пучок волос на голове, закинул его на одно плечо, тигра закинул на другое и принялся бегать так взад-вперёд. Когда все пришли в ужас и стали умолять Дамарупу прекратить и отпустить царя, тот ответил: «Если откажетесь от своих небуддийских воззрений, отпущу его. А если нет — скормлю тигру!» Царь и его свита были чрезвычайно этим уstraшены, оставили свою небуддийскую веру и приняли ваджраяну.

Согласно предсказанию Восточного Канхи, Дамарупа укротил также царя Магадхи, по имени Сенге Нампар Ценпа и наставил его четырьмя устными передачами. Как утверждается, тайным именем Дамарупы было Буддаваджра. Так учил мой наставник.

Учеником Дамарупы был великий царь Магадхи Сенге Нампар Ценпа. Обретя наставления махасиддхи Дамарупы, он оставил своё

царствование, словно пыль, и с тех пор проводил время на городских улицах, играя с детьми. Таким образом он осуществлял поведение отвержения двойственности, в силу чего и был назван Авадхутипой, а тайное его имя было Асамаваджра.

Преемником Авадхутипы стал Владыка Гаядхара³¹, который родился в Бенгалии, на востоке Индии при правлении царя Чандарупакши. Он происходил из касты придворных писцов, называемой каястха, и носил имя Гаядхара, которое — поскольку *гая* означает «идти», идут же сверху облака, а снизу наги — может означать «держатель облаков» или «держатель нагов». Таково мнение наших предков, таких как Дрогми.

Гаядхара был чрезвычайно сведущ во всех областях знания. В ту пору, когда он служил царю писарем, Авадхутипа (как было предсказано Дамарупой) прислал ему письмо, где говорилось: «Ты годишься, чтобы стать моим учеником. Приходи ко мне». Гаядхара с радостью пошёл, и Авадхутипа наставил его посредством четырёх устных передач.

Таким образом, от Владыки Йогинов и до Гаядхары, каждый предшествующий учитель линии преемственности предсказывал следующего, и наставления всякий раз передавались не более чем одному человеку. Поэтому, хотя драгоценное учение и было известно в Индии, известность его не была широкой. Это учение было бережно хранимой тайной, о которой даже сведущие и реализованные наставники в большинстве своём ничего не знали.

И хотя всеми сведущими и реализованными наставниками Владыка Йогинов признаётся подлинным учителем, и на него ссылаются в таких работах, как «Собрание деяний»³² и комментарий на составленное Вирапрабхасварой собрание песен восьмидесяти четырёх махасиддхов³³, даже эти и авторы, судя по всему, не относятся к числу тех, кто получил от него тайные наставления. Так учил мой наставник.

Как устные наставления распространились в Тибете

Здесь три темы: распространение превосходной Дхармы вообще, распространение девяти циклов пути в частности и история драгоценного учения.

Распространение превосходной Дхармы вообще

Сперва здесь в Тибете не было ни единого человека. В области Нгари жили птицы и звери, такие как орлы и львы, в Центральном Тибете и Цанге — такие животные как дикие ослы, олени и антилопы, в Кхаме — обезьяны, тигры, леопарды, медведи, слоны и прочие. Этой землёй владели всевозможные демоны и такие существа, как двенадцать масангов — не демоны, но и не люди. Не принимая благого и не отвергая нечестивого, они вредили друг другу, ели плоть своих собственных родичей и пили их кровь. Совершая лишь недобродетель, после смерти они тотчас же отправлялись в низшие миры, подобно тому, как песок высыпается из перевернутого кожаного мешка.

В сострадании своём глава всех мудрецов Шакьямуни улыбнулся и повелительно взглянул на Авалокитешвару, побуждая его укротить тех существ, и так же побудил Тару, чтобы она оказала ему в этом помощь. Поэтому они обратили своё внимание на Тибет.

И тогда в первый осенний месяц года птицы всем обезьянам приснился один и тот же сон. Им снилось, что кто-то говорит: «В месяц лошади все ракшасы в стране ракшасов упились крови и погрузились в сон. В месяц ястреба они пробудятся, прибудут в Тибет и пожрут здесь всех обезьян».

По пробуждении обезьяны стали рассказывать друг другу об этом сне и обнаружили, что им всем приснилось одно и то же. Устрашившись, они доложили об этом своему царю, Хануманатхе. Тот сказал: «Вообще, в снах нет определённости; но, если всем существам одного вида в одно и то же время снится то же самое, в этом должна быть правда. Мы должны найти способ предотвратить предсказанное. И сделать это необходимо сейчас, покуда ракшасы спят. Потом мы уже ничего не сможем сделать».

Подумав, обезьяны решили поджечь хвост царя Хануманатхи, чтобы он подпалил им верхнюю часть жилища ракшасов. После этого они собирались выстроить из своих тел пирамиду, чтобы помочь царю Хануманатхе спуститься с крыши, потушить хвост и так далее. Но,

поскольку обезьяны — само непостоянство, как только царь Хануманатха поджёг жилище ракшасов, они тут же разбежались прочь, словно их и не было. Некому было помочь Хануманатхе спуститься вниз и потушить хвост. Пришлось ему прыгать, и поломал он себе руки и ноги. Неспособный даже погасить огонь на своём хвосте, он лежал, испытывая великие мучения, и тогда перед ним явился благородный Авалокитешвара и спросил: «Что с тобой случилось, Хануманатха?»

Когда Хануманатха рассказал свою историю, Авалокитешвара научил его, что природа всей сансары есть страдание, дал пять основополагающих обетов мирянина и отправил обратно в Тибет со словами: «Теперь иди и медитируй».

Хануманатха поселился на скалах в Самье Чимпху и там медитировал. Однажды к нему пришла горная ракшаси и сказала:

— Надо тебе жить со мной!

Не желая соглашаться, Хануманатха ответил ей:

— Я мирской последователь Махакаруники. Не годится, чтобы я так поступал.

— Если мы не сойдёмся, — сказала ему ракшаси, — мне придётся жить с демоном-ракшасом, и от нашей связи родится ещё пять сотен маленьких демонов. Все вместе мы причиним вред множеству существ, и я отправлюсь в ады. Если же и этого не произойдёт, тогда я убью себя.

Царь обезьян почувствовал к ней сострадание.

— В таком случае, — сказал он ей, — я спрошу совета у Благородного. Жди здесь!

В один прыжок Хануманатха достиг Поталы. Когда он рассказал Благородному о случившемся, тот дал ему пророчество, сказав так: «Чудесно! Не отказывай ей! Превосходное учение распространится благодаря твоим детям и потомкам твоих детей».

Так же одним прыжком Хануманатха вернулся в Тибет. От брака с горной демоницей-ракшаси у него родилось пять сыновей, подобных ему обликом, но без хвоста. Их отнесли в лес под названием Маджа Цокчен и там оставили. Когда эти сыновья выросли, от их соединения с самками обезьян в течение года родилось около пятисот детей. Поскольку этим пятистам было почти нечего есть, и они были очень несчастны, они отправились в Поталу и стали жаловаться

Авалокитешваре. Тот дал им пять злаков — ячмень и прочие — и сказал: «Я даю вам это. А в будущем потомки ваших детей будут наслаждаться пятью драгоценными субстанциями». И рассеял в тибетской земле золото и остальное.

Высаженные в Сотханге, что в центре Ярлунга, злаки возшли превосходным образом. Обезьяны с удовольствием поедали их и постепенно размножились. А поскольку их духовные формы имели вид яков, лошадей, овец и оленей, то в силу зависимого возникновения большинство людей также рождается с лицом, подобным их духу. Так, соответственно облику духа, появились первые четыре великих клана людей: пара Донг и Тонг и пара Се и Мю. От Се отделился клан Аша, от Мю — клан Дру, так что всего стало шесть великих кланов людей. В дальнейшем от тех произошло множество других, которые заполнили весь Тибет.

И далее, поскольку праотец тибетцев был обезьяной, в характере всех тибетских мужчин много неустойчивости, непостоянства. Так, например, им трудно сдерживать себя, чтобы просто смотреть на чью-либо вещь и подобное, не трогая это руками. А поскольку праматерью тибетцев была горная демоница-ракшаси, все тибетские женщины очень злобны и имеют дурной характер.

Коротко говоря, жители Тибета происходят от этих двух — обезьяны, проявления Махакаруники, и горной демоницы-ракшаси, проявления Тары. Если же говорить подробнее, то, как сказано в комментарии на «Восхваление несравненно благородного»³⁴, некогда в Тибете нашёл своё пристанище царь Рупини, и впоследствии эту землю населили его потомки. Хотя это действительно имело место, и также среди предков тибетцев были китайцы, монголы и другие, тем не менее, главным образом, тибетцы происходят от обезьяны и горной демоницы-ракшаси. Так учил мой наставник.

Хотя люди в результате этого и заселили Тибет, царей и прочего у тибетцев долгое время не было. Они жили как хотели, отдельными общинами. Но случилось так, что у индийского царя Пандавы родился сын, украшенный великими знаками — такими как подобные птичьим подвижные нижние веки и перепонки между пальцев. Когда его показали предсказателю, тот сказал: «Этот мальчик либо победит всех недругов, либо овладеет царством своего отца».

Царь решил, что это уж слишком, и мальчика отдали на воспитание супругам из числа его подданных, которые были горцами и не знали об истинном происхождении ребёнка. По мере того, как царевич рос, у него проявлялись различные замечательные качества. Он не доедал остатков от трапезы своих приёмных родителей, леса защищали его от жары и ветра, птицы, обезьяны и другие существа подносили ему фрукты и прочее, а всякое место, где он находился, бывало окружено сиянием.

Когда вырос, он стал спрашивать: «Чей я сын?» А узнав правду, погрузился в угнетённое состояние и стал бесцельно странствовать по лесам и горам. Сперва он пришёл к склонам Ярла Шампо, а затем оттуда отправился на гору Шелдрак. В ту ночь многие пасшие свой скот пастухи ясно видели, как на гору сошло сияние. А на следующий день множество тибетцев, во главе которых стояли двенадцать сведущих, таких как Тхоклха Бонпо, пришли к той горе, чтобы совершить подношения богам.

«Ваши подношения богам хороши! — сказали им пастухи. — Пройшей ночью божество приняло форму света и сошло на берег того озера, где очищаются и подносят можжевельник».

Когда выполнявшие подношения богам пошли туда, на берегу они обнаружили юношу, украшенного великими знаками и обладающего природой света. «Откуда ты?» — спросили они. Он указал на небо. «Он и вправду сошёл с неба. Предложим ему стать нашим повелителем!» — решили тибетцы. Сложив вместе мотыги, лопаты и прочее, что у них было, и скрепив их, они сделали ему трон. А поскольку они привезли его в Тибет на собственных плечах, то его, первого царя Тибета, и знают под именем Ньятри Ценпо, то есть «повелитель, возведённый на трон на загривках».

И далее, в двадцать пятом колене династии в Тибет под именем Лха Тхотхори Ньяншала явилось проявление Благородного Самантабхадры. При нём на крышу царского дворца, словно бы принесённый утренними лучами, опустился драгоценный ларец, внутри которого обнаружили «Чинтаманидхарани Ушнишавималы», «Печать мудры» в шкатулке, записанную с четырьмя золотыми слогами ом, «Сто ритуалов отречения и осуществления», хрустальную ступу и прочее.

Некоторые говорят, что царём Мангпо Дже, потомком благочестивого индийского царя Ашоки, этот ларец некогда был прикреплен к вершине стяга победы, и царь будто бы совершал подношения этому ларцу. Но однажды поднялся великий ветер, сорвал ларец и перенёс его в Тибет.

Однако другие говорят, что в Тибет приходили Настоятель Бодхисаттва и пандит Лиджин, но, поскольку тогда в Тибете ещё не было ни письменности, ни прочего, они не смогли распространить там учение. Бодхисаттву Шантаракшиту знали в то время под именем Буддхиракшиты, а Лиджина — как Литхесе. Что же касается ларца, то его они вложили в руки царя, сказав ему: «В будущем твои потомки смогут постичь его значение», — и после этого вернулись в Индию.

Как бы то ни было, хотя ни царь, ни его свита не поняли, что это такое, поскольку от одного лишь появления ларца тибетцы пережили неопишуемые счастье и радость, ларцу было дано название Чудесная Тайна, и ему они стали совершать подношения священными возлияниями и бирюзой. Поэтому считается, что превосходная Дхарма восходит ко времени этого царя.

Спустя ещё пять поколений пришёл царь Сонгцен Гампо, который был проявлением Благородного Авалокитешвары. Его непальская супруга, китайская супруга и другие принесли в Тибет много изображений, таких как изваяния Владык Акшобхьяваджры и Шакьямуни. Тхёнми Самбхота вместе с пандитом Лиджином перевели «Сто ритуалов отречения и осуществления» и так далее. Для привезённых образов царь воздвиг храм Раса Трулнанг и, кроме того, воздвиг много храмов для укрощения границ, укрощения вне границ и так далее, таким образом широко распространяя обычай придерживаться десяти добродетелей. Однако, поскольку в то время ещё не было монахов и прочего, то есть корня учения, считается, что превосходная Дхарма тогда только вошла в обычай. Так учил мой наставник.

Спустя ещё пять поколений пришёл царь Трисонг Децен, который был проявлением Манджушри. Он пригласил многих учителей, таких как индийский Пандит Бодхисаттва и Гуру Падмасамбхава, а также воздвиг неизменный и самопроявленный храм Самье. При нём многие стали монахами (включая первых семерых) и переводчиками. Сто восемь великих переводчиков, тысяча восемь

малых и прочие, работая над текстами, перевели невообразимое множество превосходных учений махаяны и хинаяны. Было учреждено множество центров для изучения и объяснения Дхармы и для медитации. Коротко говоря, поскольку учение было явлено в Тибете во всей полноте, [правление] этого царя считается [временем] распространения и процветания превосходной Дхармы. Так учил мой наставник.

Следующим был царь Сеналек, также известный как Джингьон, который построил храм в Карчунге и осуществлял обширную деятельность во благо учения.

И, также, правитель Три Ралпачен, о котором сказано в пророчестве: «В городе под названием Доджок появится покровитель по имени Ралпачен», — правил двумя третями всей Джамбудвипы. Он воздвиг храм Ушанг До и пригласил многих индийских пандитов, таких как Джинамитра. Переводчики, среди которых были Ка, Чок, Шанг и многие другие, перевели при нём множество учений, не переведённых прежде. В уже переведённых текстах для лучшего их понимания была унифицирована терминология, поскольку до этого в разных областях Тибета их переводили по-разному. И многие другие замечательные дела во благо учения были сделаны этим царём. Его правление знаменует собой окончание того периода, который называют временем раннего распространения учения. Так учил мой наставник.

Когда этот царь скончался, царствовать стал человек по имени Лангдарма или Дарма Удум. Первые несколько лет он правил согласно Дхарме, однако затем его сердцем овладел злой дух. Почти все символы трёх драгоценностей были отправлены в Индию, изваяние владыки Шакьямуни спрятано в песчаных дюнах. У некоторых монахов были отняты их одежды, у других — жизни. Одних использовали как приступку, чтобы взбираться на лошадь, другим давали шаманские тамбурины и отправляли охотиться на диких зверей.

В то время в скалах Йерпы жил, занимаясь медитацией, Лхалунг Палгьи Дордже, проявление бодхисаттвы Ваджрапани. Увидев монахов, охотившихся на диких зверей, он спросил, почему они этим занимаются. Те ответили, что учение было изгнано нечестивым царём, послушаться которого они не в силах.

Согласно предречённому богиней Ремати, Палгьи Дордже вымазал углём свою белую лошадь, накидку, пику и прочее, так что они стали чёрными, а затем отправился в Самье. Там он встретил служанку, носившую воду, и через неё передал просьбу об аудиенции у царя; но ему ответили: «Царь сейчас в роще Лава. Можешь поговорить с ним там».

В роще Лава царь Лангдарма, отдыхая после игры в шахматы, читал надпись на обелиске. Явившись к нему, Палгьи Дордже, как сказано, сделал вид, будто собирается выполнить простираие, но затем достал пику или, как говорят иные, лук, и нанёс царю смертельную рану. Умирая, тот произнёс: «Ты или опоздал на три года, или на три года поторопился». После этого Палгьи Дордже добела вычистил от угольной пыли свою лошадь, накидку и пику и скрылся, крикнув: «Я бог по имени Намтхел Карпо!»

Время было уже позднее, так что хотя Палгьи Дордже и преследовали, поймать его не смогли. Ночь он провёл в Огьял Тханге, а следующим днём прибыл в Йерпа. Там в пещере он вывернул свою накидку из ястребиной кожи и надел её наизнанку. Затем, связав лапы голубю, он стал гонять его по пещере, так что тот своими крыльями отряс со стен много пыли и копоты. На эту пыль Палгьи Дордже пустил жучков, которых до того держал в кулаке. Когда погоня достигла его укрытия, преследователи увидели, что земля покрыта голубиными перьями, в которых уже завелось много насекомых. И все попались на эту уловку, кроме одного человека, который задержался, подошёл к Палгьи Дордже и положил руку на его сердце. Обнаружив, что оно бьётся, он сказал: «Вот он — убийца царя, вурдалак по имени Лхалунг Палгьи Дордже! Но что толку мне добавлять свою соль в общую пищу?» И он также ушёл. Поскольку в Йерпа нельзя было оставаться, Палгьи Дордже бежал в Кхам. Таким образом, этот бодхисаттва положил конец жизни нечестивого царя, но учение уже было в большом упадке, и восстановить его он не смог.

В то время в Чувори жили трое, которых звали Цанг, Йо и Мар. Но им также нельзя было долее там оставаться, поэтому они погрузили учения по винае и прочему на спину белой ослицы и бежали. Сперва они отправились в Монголию, но из-за различия языков им не удалось распространить там буддийское учение. Позднее они остановились в Кхаме, в пещере, то ли в Дентик Шел, то ли в Аньен Шел.

Случилось так, что в бодхисаттве из религии бонпо, пробудилась связь с его прошлым духовным семейством, и он, пожелав вступить в учение, попросил об этом тех трёх. Цанг, Йо и Мар показали ему «Сто притч о деяниях» и прочее и предложили обдумать, способен ли он жить так. Вера его была велика. И тогда Лхалунга Палгьи Дордже позвали для посвящения того человека в монахи³⁵. Однако он ответил: «Поскольку я совершил убийство, положив конец жизни нечестивого царя, то не могу быть участником посвящения. Но я поищу того, кто сможет».

Для собрания нашлось два китайских монаха, и полное посвящение было даровано. Монах получил имя Гева Рапсал, то есть Сияющая Добродетель. Позднее, поскольку реализация его была очень высокой, его стали называть Гонгпа Рапсал, Сияющая Реализация. Так учил мой наставник.

Тогда же из Центрального Тибета и Цанга в Кхам прибыло около пяти или десяти человек, которые пожелали принять обеты. Позднее они вернулись обратно и устроили себе отдельные монашеские жилища и прочее. Но, поскольку учение было в большом упадке, объясняли его очень плохо. Всё ограничивалось словами: такой-то текст, записанный чёрными чернилами, служил, видимо, для объяснения такого-то коренного текста, записанного красными чернилами. И практику удавалось выполнять лишь с очень большими затруднениями. Хотя Чом Рал³⁶ и называет это время средним периодом распространения учения, в нашей традиции о нём говорят как об извлечении углей учения из восточного Тибета и относят к периоду позднего распространения.

Что же касается того, как угли учения были извлечены из западного Тибета, после смерти царя Ландармы единственным претендентом на трон остался его маленький сын, и некоторое время царя в Тибете вообще не было. Впоследствии царство было поделено между Юмтеном и Осунгом. Сыновья Осунга, Таши Цекпа Пал и Кьиде Ньима Гон, отправились в западный Тибет. Первый остановился в Лхаце, второй же остановился в Гуге и породил двух сыновей — Сонге и Кхоре. Сонге принял постриг и получил имя Лха Лама Еше О. Это он был тем благочестивым царём, о котором говорится в

пророчестве:

В царстве ледяных гор
В семье, называемой царской,
Появится тот, кого назовут Еще О.

Еще О щедро наделил золотом семерых умных мальчиков, семь их слуг, помощников этих семерых слуг и так далее, а затем отправил их в Индию, чтобы они изучили там Дхарму. Однако почти все они столкнулись с препятствиями, и лишь двое принесли Тибету пользу: великий переводчик Ринчен Сангпо³⁷ и малый переводчик Лекпе Шераб. Ринчен Сангпо достиг совершенства в знаниях, пригласил трёх пандитов, имена которых содержали слово *кара*, и прочих, и вместе они перевели бессчётные числом тексты Дхармы сутр и ваджраяны.

Сверх того, Лама Джангчуб О пригласил Джово Лхачика³⁸, и тот обучал ритуалам там, где не было ритуалов для живых, благим практикам, где не было благих практик для умерших, посвящению, где не было посвящения заслуг, и так далее.

А Шангшунг Гьялве Шераб получил обеты от пандита Дхармапалы, овладел практикой и объяснением. С течением времени изученное им распространилось и стало известно как традиция западного Тибета. И так далее.

Говоря коротко, учение было в полной мере переведено множеством переводчиков и пандитов, которые распространяли его и укоренили посредством изучения и объяснения. Так учил мой наставник.

Распространение девяти циклов пути в частности

Эти девять циклов пути подобны избранной сути всех практик ваджраяны, появившихся, таким образом, в Тибете. Кто принёс их? Хотя Пацап-лоцава³⁹, позже Гё-лоцава и также прочие приносили в Тибет некоторые учения девяти циклов, в полноте ими обладал только почитаемый владыка Дрогми. Драгоценное учение ламдре, Полный путь свирепого пламени, Распрявление искривлённого, а также Путь Падмаваджры⁴⁰ этот почитаемый владыка получил от владыки Гаядхары. Непостижимое, Наставления, полученные у ступы и

Постижение вместиорождённого он получил от махасиддхи Вираваджры; Путь Индрабхути — от Праджнягупты, пандита из Уддияны, а Неписанное — от пандита Амогхаваджры. Вкратце, поскольку эти четыре сведущих наставника, обладавшие могуществом и реализацией, были довольны почитаемым владыкой Дрогми и полностью передали ему девять циклов пути, почитаемый владыка, таким образом, обладал величайшими устными наставлениями ваджраяны.

Распространение драгоценного учения

Здесь три темы: первоначальное открытие традиции владыкой Гаядхарой, дальнейшее распространение традиции владыкой Дрогми и его учениками и окончательное распространение и развитие традиции почитаемыми владыками Сакья, отцом и сыновьями.

Первоначальное открытие традиции владыкой Гаядхарой

Махасиддха Авадхутипа пророчествовал владыке Гаядхаре: «Передай эти наставления монаху-ваджрадхаре, живущему на берегу реки Лохиты. Он будет обладать пророчеством и благословением благородного Авалокитешвары и будет наставником царя».

Постигнув, что этот достойный ученик находится в Тибете, Гаядхара отправился в Тибет, чтобы отыскать его, и сначала повстречал переводчика из Пуранга по имени Шону Шераб. Получив от Гаядхары некоторые наставления, переводчик исполнился веры и попросил его о дальнейшем обучении, на что Гаядхара ответил: «У меня есть весьма важное дело в Центральном Тибете, так что теперь я отправлюсь туда. Но я вернусь сюда снова и дам тебе наставления, которых ты жаждешь». Они договорились, что Гаядхара вернётся через три месяца, а переводчик же поднесёт ему пятьдесят унций золота и тогда сможет получить Дхарму полностью. После этого Гаядхара не спеша отправился на поиски Дрогми.

Как раз в то время Дрогми оказывали почёт трое божественных и почитаемых братьев из Лхаце. Однажды ночью, находясь в затворничестве в горах Лхаце, в той самой пещере, которую теперь называют пещерой Гаядхары, Дрогми узрел пророческий сон, какого ему никогда ещё не приходилось видеть.

Приснилось ему, что он находится в трёхэтажном доме, а по небу к нему летит чёрный человек — ужасный видом и огромный, словно гора. Со словами: «Я прибыл с юга», — этот человек изверг из своего рта льва, белого, как раковина. Тот изверг из своего рта золотую ваджру, а из сердцевины ваджры возник золотой сосуд, полный влаги. Этот сосуд растворился в теле Дрогми, и в то же мгновение в потоке его ума родилась непостижимая изначальная осознанность великого блаженства. Затем от его тела отделились три сферы света, и трёхэтажный дом был полностью освещён ими. Потом всё растворилось в свете и исчезло в теле самого Дрогми. Тело его, также

растаяло в свете и исчезло вплоть до двух ступней. А ступни исчезли, как радуга в небе, и из такого состояния он проснулся.

Этот сон называют «запечатанным сном Дрогми». Его не записывали, но передавали и толковали изустно, и лишь в тех случаях, когда давалось драгоценное учение. Так учил мой наставник.

Как только Дрогми проснулся, он услышал у своей двери звук рожка нищего. Поскольку Дрогми очень любил индийских йогов, он послал человека, чтобы тот отпер дверь и посмотрел, кто пришёл. Вернувшись, слуга сказал: «Там нищий индус в красных одеждах. Он утверждает, что прибыл из Индии, чтобы что-то вам дать, требует встречи и говорит, что вы должны богато одарить его».

Дрогми написал на санскрите записку: «Поскольку я в строгом затворничестве, повидаться мы не сможем, и ничего ценного у меня нет. Но ты можешь поесть». Вместе с этой запиской нищему вынесли превосходной еды и питья, но тот страшно разгневался и не пожелал даже взглянуть на них. Тогда Дрогми всё-таки вышел и спросил о причине такого гнева. Гаядхара ответил:

— Ты глубоко оскорбил меня своими ужасными словами!

— Как же так, — воскликнул Дрогми. — Ведь я передал тебе только, что у меня нет ничего ценного, и предложил пищу!

— Ничего подобного! — ответил Гаядхара. — Ты сказал вот что.

Подняв правую ногу к пупку, вытянув левую, и сжав себе грудь руками, Гаядхара провозгласил: «Возьми свою чёрную руку, сказал ты мне, и так далее». Когда же они вместе написали на земле слова Дрогми и разобрали их по правилам грамматики, то действительно оказалось, что правильный перевод таков: «Возьми свою чёрную руку, прикрой задницу и убирайся».

Дрогми разразился рыданиями и в отчаянии воскликнул:

— Я столько лет прожил в Индии, знал восьмерых пандитов, но даже этого не смог сказать правильно!

— Не стоит горевать об этом, — сказал пандит. — Грамматика обширна, как океан, и никто не знает её полностью. Все мелкие тонкости знать не обязательно. Даже я сам их не знаю. Что же до твоих познаний, то и они редкость. Так что в сравнении с другими переводчиками ты великий знаток.

Когда они приступили к обсуждению Дхармы, Дрогми понял, что Гаядхара владеет учениями ваджраяны, в особенности учениями

материнских тантр, в частности «Хеваджры», и в их числе — устными наставлениями Владыки Йогоинов. Вспомнив пророчество Кхасарпаны⁴¹, Дрогми возрадовался и припал к ногам Гаядхары.

Сперва они к большому обоюдному удовольствию рассмотрели тему отношений учителя и ученика посредством «Пятидесяти строф о гуру»⁴². В качестве первоначальной связи в Дхарме Дрогми получил гуру-йогу Амогхасиддхи, и, поднеся около десяти унций золота попросил некоторых дальнейших наставлений. После этого он молил Гаядхару о драгоценном учении.

Гаядхара ответил: «Я условился с переводчиком в Пуранге, что ещё вернусь к нему, так что сперва мне нужно будет посетить Пуранг. Затем я использую золото, в частности то, которое получу от этого переводчика, чтобы устроить ритуальные пиршества в святых местах Индии ради собирания накоплений, а также для подношений и почитания наставников. Кроме того, мне понадобятся некоторые индийские тексты. Поэтому я вскоре отправлюсь в Индию. Но не позднее, чем через три года, я вернусь сюда и тогда полностью передам тебе наставления. За объяснение тантр ты должен будешь поднести мне сотню унций золота, а за устные наставления — четыре сотни. Собери их к тому времени!»

Такой устный договор заключили учитель и ученик.

Вскоре прибыл Пуранг-лоцава с пятью спутниками и пятью лошадьми. Они позвали Гаядхару, и он отбыл. Поскольку в то время владыка Гаядхара носил красные одежды, его знали как Почтенного Нищего в Красном, или как Учителя в Красной Накидке; но это не тот же самый человек, что в традиции Максорма. Так учил мой наставник.

Некоторое время Гаядхара оставался у Пуранг-лоцавы, а после этого отправился в Индию.

Между тем, владыку Дрогми пригласили к себе в Намтханг Карпо, что в Падро, супруги-кочевники — богатые, но бездетные люди. Когда Дрогми находился в затворничестве в горах Мангсанг, Гаядхара, проведя в Индии около пяти месяцев, вновь направился в Тибет. Следуя по дороге, проходящей через Дромо, он отправил Дрогми такое письмо: «Пандит идёт. Выходи встречать!»

Великий наставник Дрогми послал Гаядхаре ответ с нарочным, в котором заверял, что в течение двух месяцев непременно прибудет, чтобы приветствовать его, и затем радостно поспешил обратно в

Лхаце. Там он попросил о содействии трёх божественных и почитаемых братьев, а также прочих, так что удалось собрать много вещей, годных для почитания пандита: зонт, трон, паланкин, изделия тонкой работы для подношений. Покончив с этим, учитель и около тридцати его учеников отправились [встречать Гаядхару].

Вместе с Гаядхарой они сперва направились в южное Латё в западном Цанге. Поскольку и переводчик, и пандит пользовались большой известностью, многие пришли выразить им своё почтение. И, поскольку при этом [им было поднесено] много золота, они затем посетили также северное Латё в западном Цанге, а после этого по перевалу Герпху прибыли в Лхаце. О том, как оттуда они неспешно двинулись в Мугулунг, и как Гаядхара давал устные наставления и прочее, ниже будет рассказано подробно.

Ради собирания накоплений и прочего Гаядхара снова вернулся в Индию и там использовал золото, полученное от великого Дрогми.

Позже Гаядхара вновь посетил [Тибет] по приглашению Гё-лоцавы. Гё был учеником наставника Дрогми, но со временем отношения между ними испортились, и тогда Гё стал стараться навредить великому наставнику. Нередко он даже позволял себе выпады в сторону владыки Гаядхары, говоря о нём, например, так: «И что это за пандит? Всего лишь нищий бродяга, жадный до золота и едва читающий на санскрите!»

Решив превзойти Дрогми и Гаядхару, Гё-лоцава стал расспрашивать, кто самый сведущий из пандитов. Поскольку великий пандит Майтрипа был весьма известен, Гё решил пригласить его. Наполнив золотом внутренность человеческого черепа, он нанёс на него множество рисунков индиго и красной охрой, а затем отправился в путь, и по дороге все принимали его за тибетского демона, не пытаясь чинить ему препятствий. Прибыв в Дромо, Гё увидел пандита, которого несли в паланкине.

— Кто ты? — спросил его Гё.

И тот ответил:

— Я Майтрипа.

Чрезвычайно обрадовавшись, Гё пригласил пандита [в Тибет]. И благодаря тому, что Се Монлам Шераб⁴³ был готов ценой собственной

жизни защищать жизнь своего наставника, на обратном пути они также не встретили препятствий.

Но когда они прибыли, пандита стали узнавать его старые ученики. Они говорили: «О, Гаядхара приехал!» Тогда Гё воскликнул:

— Владыка! Ты обманул меня!

— Разве не Дхарму ты ищешь? — ответил на это Гаядхара. — Я знаю Дхарму лучше Майтрипы.

Отправлять Гаядхару обратно было бы затруднительно, и Гё пришлось пригласить его остаться. [В результате] Гё остался доволен наставлениями, и его просьбы о некоторых учениях на этом завершились. Гаядхара передал много учений — в первую очередь, наставлений по Гухьясамадже в традиции Арьи и комментарии на эту тантру. Это и прочее они перевели.⁴⁴

Однажды их обоих, переводчика и пандита, пригласил к себе Сур Шакджунг⁴⁵, и, пока они были в Шонге, Дрогми пришёл к ним, чтобы встретиться с Гаядхарой. Гаядхара чрезвычайно этому обрадовался и тут же пожелал, чтобы даруемые им учения переводил Дрогми. Гё не мог стерпеть этого и сказал:

— Лучше бы нам переводить по очереди.

Пандит ответил на это:

— Я забочусь о твоей пользе. Дрогми значительно превосходит тебя в мастерстве перевода, так что, если ты будешь переводить, Дрогми найдёт у тебя много ошибок, и о тебе станут говорить дурно. Но если ты не боишься этого, то можешь хоть всё переводить сам.

Так что Гё, по всей видимости, переводил несколько хуже. Так учил мой наставник.

Когда Гаядхара и Гё перебрались в Цонгду Гурмо, владыка Дрогми вновь посетил их и сказал Гаядхаре:

— Владыка! Ты нарушил своё обещание!⁴⁶

Гаядхара ответил ему:

— Говоря так, ты нарушишь свои собственные обеты. Гё настолько удовлетворён писаниями, что и речи не заводит об устных наставлениях.

После этого Гаядхара в тайне от всех остальных передал Дрогми посвящение Хеваджры. Утром Гё узнал об этом и стал высказывать Гаядхаре своё недовольство. Тот ответил: «Получить лишь воду из

моего сосуда — это лучше, чем полностью получить четыре посвящения от кого-то ещё», — и дал ему воды из сосуда. [После этого] он отругал Гё, сказав ему:

— Прежде ты приходился Дрогми учеником, и нехорошо, чтобы теперь ты соперничал с ним. И разве ты не говорил дурно обо мне самом — будто я еле читаю на санскрите и так далее?

— Это всё же не от неуважения к тебе, — ответил Гё. — Говоря так, я надеялся навредить Дрогми.

После этого он поднёс Гаядхаре много золота, раскаялся и очень сокрушался [о своём поведении]. Так учил мой наставник.

Во время этого путешествия Гаядхара был известен в Тибете как князь Трингьи Шукчен. Утверждается, что именно к нему в «Восхвалении восьмидесяти четырёх махасиддхов» обращена следующая хвала:

Он был из царского рода.
Сведущий во всех областях знания,
Он искоренил сомнения,
Вопросив божество на небе.
Я кланяюсь тому наставнику,
Известному под именем Трингьи Шукчен.⁴⁷

Гё поднёс много золота и прочего, и после этого Гаядхара вернулся в Индию.

Позднее он был снова приглашён в Тибет Гьиджо-лоцавой Даве Озером. Поскольку великий наставник Дрогми к тому времени уже скончался, Гаядхара, как видно, счёл возможным передать учение, и поэтому Гьиджо также полностью получил от него Путь и плод. Но, хотя Гьиджо и составил несколько разрозненных текстов, касающихся предсказания применительно к практике и прочего, до настоящего времени его линия преемственности, насколько можно судить, не дошла. Так учил мой наставник.

Тогда же Гаядхару приглашал Ньё Джунгпо, по имени Йонтен Драк, который испросил у него много учений. В его доме у пандита проявились знаки скорой смерти. Узнав, что Се и Рок⁴⁸ находятся в

Кхарак Тхёпху, он сказал: «У меня в Тхёпху двое духовных внуков. Отвезите меня туда!»

— Это всего лишь два ученика Дрогми, — ответил Ньё. — А мы — твои собственные. Остайся с нами, владыка!

— Нет, — сказал Гаядхара. — Мне нужно в Тхёпху. И ученикам пришлось согласиться.

Когда они прибыли на место, и Гаядхара встретился с Се и Роком, он сказал им: «Сыновья! Будьте усердными в медитации. Поскольку я постоянно странствовал между Индией и Тибетом, времени для медитации у меня было мало. И, однако, когда умирает тантрик, он делает это так».

С этими словами Гаядхара выбросил своё сознание через макушку, и оно вышло в виде белого сгустка света размером с большой горшок, внутри которого можно было ясно наблюдать образ Хеваджры размером чуть более локтя, с восемью ликами и шестнадцатью руками. Сопровождаемое чудесными звуками, сиянием и цветочным дождём, видение удалилось на запад. Все жители Бартханга были тому свидетелями.

Если вкратце говорить об особых достоинствах Гаядхары, то этот сведущий и реализованный наставник достиг устойчивости в этапе порождения, обладал чудесной способностью являть одиночные и множественные формы и тому подобное. При выполнении огненного подношения он мог извлечь что-либо прямо из огня, мог оставить свои ваджру и колокольчик прямо в воздухе и так далее.

Учениками Гаядхары были пять переводчиков, первым из которых был Пуранг-лоцава, а последним Ньё-лоцава. Хотя может показаться, будто Гаядхара был в Тибете четырежды, однако в данном изложении посещение им Пуранга и последующее приглашение Дрогми-лоцавой объясняются как одно путешествие, так что всего путешествий получается три. В целом же, можно сказать, что этот сведущий и реализованный наставник проявил к Тибету чрезвычайную доброту. Так учил мой наставник.

Дальнейшее распространение традиции владыкой Дрогми и его
учениками

Здесь две темы: исключительные достоинства великого наставника Дрогми и как у него появились последователи.

Исключительные достоинства великого наставника Дрогми

У царя Таши Цекпа Пала было три сына: Пал Де, О Де и Кьи Де, которых знали как троих Де из Ме или, иначе, как троих божественных и почитаемых братьев из Лхаце. Когда царевичи размышляли над тем, кто бы мог занять пустующее место придворного жреца, они услышали, что Лотён Дордже Вангчук и его духовный сын Джецун Шераб Сенге занимаются укреплением учения в Шалу Гьенгонге. Они отправили туда письмо, где сообщали, что нуждаются в придворном жреце. Лотён и Джецун ответили им: «Превосходно! Это станет причиной процветания учения».

Они с радостью отправили в Лхаце троих: Гья Шакья Шону, Се Еше Цёндрю и Ньянга Дордже Гьялцена; а с ними в качестве помощников — пятерых полностью посвящённых монахов, пятерых послушников и двоих мирян. Они поселились в храме Дромпа Гьянг, основали большой монастырь, и многие приняли у там монашеский постриг.

Тем временем в местности под названием Мангкхар Чуде родился великий Дрогми. Его называли Дрогми, то есть «человек из Дрогов», поскольку он был из рода Дрог, принадлежавшего клану Джеу. В монашестве же он получил имя Шакья Еше, составленное из имён настоятеля и наставника.

Пока Дрогми предавался слушанию и размышлению, покровители и хранители учения единогласно решили: «Поскольку теперь не осталось ничего, кроме изучения и толкования монашеской винаи, а без полного учения мы беспомощны. Хорошо бы нам послать в Индию нескольких способных и сведущих монахов, чтобы они поучились там Дхарме!»

Настоятель и двое учителей собрали сангху, и трое братьев собственными руками поднесли собранию яства и напитки, очень щедро одарили и вознесли почести. Затем они рассказали о состоявшейся дискуссии и спросили у собравшихся: «Кто из вас сможет отправиться в такое путешествие?»

Решились лишь трое: Дрогми Шакья Еше, Ленг Шакья Цёндрю и Так Еше Шону. Настоятель, учителя и покровители чрезвычайно обрадовались их согласию и принялись всячески их восхвалять. Также они дали им такое напутствие: «Изучите винаю, поскольку она корень

учения. Изучите парамитаяну, поскольку она его сердце. И изучите ваджраяну, поскольку она его суть. После этого возвращайтесь!» И покровители пообещали по возвращении щедро вознаградить троих завершивших обучение монахов и оказать им всю надлежащую поддержку и почести.

Гья Шакья Шону, как видно, проявил тогда некоторую несдержанность и, отдав предпочтение Ленгу, втайне передал ему десять унций золота, сотню мускусных мешочков и соли, сколько унесёт осёл, а затем спешно отправил в путь. После этого он объявил, что уходит в затворничество, и строго-настрого запретил кому-либо входить к нему.

Предполагалось, что ресурсы трое путешественников будут использовать сообща и путешествовать они также будут вместе. Но, поскольку настоятель послал Ленга вперёд, Так и Дрогми остались ни с чем. Преисполнившись решимости, Се Еше Цёндрю призвал трёх божественных и почитаемых братьев и других покровителей и поведал им о случившемся. Когда он попросил о пожертвованиях, все отозвались с большим воодушевлением, многие пообещали, что принесут столько-то и столько-то, и в течение двух месяцев все подношения были собраны. Тем временем, великий Дрогми, удалившись в затворничество, учился разговорному языку у странствовавшего индийского нищего, выдававшего себя за пандита, и этого обучения оказалось достаточно для того, чтобы на первое время им не потребовался переводчик.

Затем Дрогми и Так объединили полученные ими обширные подношения, взяли с собой более ста унций золота, тысячу мускусных мешочков и другие ценности, такие как ячьи хвосты, и в сопровождении того индийского нищего и ещё двух помощников отправились в путь впятером. Поскольку по благоприятной земле Мангьюл все переводчики путешествовали беспрепятственно, они пошли там. Вода в той местности была очень хороша, и они пробыли там около двух месяцев.

Поскольку Ленг также остановился в Мангьюле, они нагнали его и уже вместе отправились в Непал. Повстречав старшего из четырёх братьев Пхамтхингпа, известного как Неварец Джа Хум или Шантабхадра, они слушали [у него] грамматику, эпистемологию и прочее. Кроме того, они получили много учений по тайной мантре.

Великий Дрогми довольно хорошо понимал учения, излагавшиеся на санскрите.

Сообщив Шантабхадре о своём намерении отправиться в Индию, они спросили его о том, кто из пандитов наиболее сведущ. Тот ответил: «В таком случае сперва, чтобы заложить благоприятные связи, сделайте подношения у Махабодхи при Ваджрасане. Затем идите к тому пандиту из числа шести хранителей врат Викрамашилы, который охраняет восточные врата. Его имя Шантипа, и я сам у него учился. В кали-югу он второй Всеведущий, так что вам нужно положиться на него».

Шантабхадра даже дал им в провожатые своего младшего брата Адепу Неварца, и они двинулись к Ваджрасане. [Там] они выполнили простираания и подношения, вознесли молитвы, и знамения были весьма благоприятными.

После этого Дрогми отправился в Викрамашилу. Из тех шести хранителей врат, за восточные врата отвечал Шантипа, которого Дрогми расспрашивал более всего о грамматике и эпистемологии. Ответственным за южные врата был сведущий и реализованный наставник Вагишваракирти, которого напрямую благословила сама богиня Тара. Ответственным за западные врата был Праджнякара, которого Дрогми спрашивал более всего о воззрениях небуддистов. За северные врата отвечал почитаемый наставник Наропа, которого Дрогми спрашивал, главным образом, о ваджраяне. А двумя центральными столпами там были Ратнаваджра и Джнянашри, которых так и называли «столпами»; но более сведущими, чем остальные перечисленные, они не были.

Среди них, хранителя врат Шантипу называли вторым Всеведущим, и вот почему. Этот сведущий наставник родился в западной стране Уддияне и жил там, пока его избранное божество не дало ему следующее пророчество: «Ты должен отправиться в Магадху, никого не спрашивая. Это принесёт большую пользу буддийскому учению».

Повинуясь этому повелению, Шантипа нагрузил двух слонов множеством книг и в сопровождении нескольких спутников отправился в Магадху. Той же ночью старейшине сангхи Уддияны приснилось, что кто-то говорит ему: «Всё буддийское учение ушло в Магадху».

Было немедленно созвано собрание сангхи, монахи пустились на розыски, и в конце концов обнаружили учителя Шантипу, удалявшегося вместе со своими учениками. Они поняли, что знак во сне указывал именно на это, но, как ни пытались его остановить, им это не удалось. Шантипа отправился в Викрамашилу и там выполнял всё подобающее во благо учения. Так учил мой наставник.

Дрогми изучил все области знания, опираясь преимущественно на этого великого и сведущего наставника. Он оставался в Викрамашиле восемь лет и создал связь в Дхарме также и с каждым из остальных, а затем решил, что пришло время возвратиться в Тибет.

Тогда он отправился на юг, в Девикоту, чтобы посетить Кхасарпану, поскольку этот священный образ был очень известен⁴⁹. Если человек преклонял перед ним колени и соединял ладони над головой в позе «приросшего к земле» и так в течение семи дней возносил молитвы, не помышляя о пище, питье и прочем, Кхасарпана даровал ему пророчество о предмете его устремлений. Великий наставник Дрогми так и сделал, и Кхасарпана пророчествовал: «По пути будешь благословлён сиддхой, хранящим линию преемственности Владыки Йогинов. В Тибете наставник, обладающий полными наставлениями Владыки Йогинов, придёт к твоей двери, чтобы даровать устные наставления. Практикуй согласно этим наставлениям, и ты не пожелаешь никаких других учителей и никаких других наставлений».

Позже, пробираясь по густым джунглям на юге Индии, что носят название роши Кува, Дрогми услышал позвякивание монашеского посоха⁵⁰. Подумав, что где-то поблизости должна была находиться деревня, он огляделся и увидел неподалёку статного монаха в трёх надлежащих одеждах и с патрой, которой своим монашеским посохом стучал по стволу дерева. Потом из кроны примерно до плеча высунулась женская рука с золотыми браслетами и стала лить в подставленную монахом патру нектар.

Дрогми был поражён. Его ум сам собой наполнился верой. Поняв, что это и есть тот сиддха, о котором ему говорил Авалокитешвара, Дрогми выполнил простирания почтительные обхождения. Затем он склонился к ногам монаха, поставил его ногу себе на голову и попросил об ученичестве. Монах согласился и дал ему нектара из своей патры. Едва Дрогми отведал этого нектара,

обладавшего сразу сотней вкусов, как в его уме родилось медитативное сосредоточение. А когда монах собрался уходить, Дрогми заметил такие признаки достижения, как то, что листья дерева самопроизвольно соединялись и подносили ему росу, чтобы освежить его лицо.

— Я не могу наставить тебя, пока ты не получил от меня посвящения, — сказал монах.

— Я уже получал посвящение у Неварца Джа Хума и у Шантипы, — сказал Дрогми.

— Для моей Дхармы тебе нужно моё посвящение, — ответил Монах.

И в течение трёх ночей в деревне на краю рощи Кува даровал Дрогми посвящение Хеваджры. Также он передал ему тантру и различные наставления.

Когда Дрогми попросил о дальнейшем обучении, монах ответил:

— Поскольку меня питают великие, средние и низшие нечеловеческие существа, богатство мне ни к чему. Но благоприятные связи необходимы для практики ваджраяны. Поэтому, если ты хочешь получить устные наставления, незамедлительно отправляйся в свою страну и привези оттуда богатство!

— Где я смогу найти тебя, учитель? — спросил Дрогми.

— Я собирался к славным горам Шрипарваты, — ответил тот. — Но поскольку царь Чанака три года упрашивал меня быть его гостем, я отправлюсь к нему и пробуду у него семь лет. У этого царя и найдёшь меня.

Тот монах был махасиддхой Праджнендраручи, то есть Красавцем с Прекрасной Мудростью, учеником наставника Дурджаячандры. Его тайное имя было Вираваджра. Так учил мой наставник.

Когда Дрогми и его спутники собрались уже возвращаться в Тибет, Так-лоцава сказал: «Я не пойду в Тибет. Я останусь при Ваджрасане, чтобы совершать обхождения». Но Дрогми и Ленг уговорили его, и он пошёл с ними.

Все трое вернулись в Дромпа Лхаце. Настоятель, учителя, монахи и покровители встретили их невообразимыми почестями и тут же устроили приём в их честь. Великий Дрогми достиг совершенства в

познаниях, а познания Ленга были средними. Но Так-лоцава не научился ничему, кроме как читать «Сутру Сердца» на языке индийцев. Когда его спросили, почему Дрогми знает так много, а он только одну эту сутру, он, как говорят, ответил: «Дрогми ушёл куда-то со своей капалой, а я исполнился преданности к Махабодхи при Ваджрасане и оставался там, совершая обхождения.

Как бы то ни было, благодаря своей чистой нравственности и силе благословений Махабодхи Так-лоцава основал большой монастырь, известный под названием Такде.

А Ленг сказал: «Здесь в Тибете все тупы как коровы и не понимают разницы между сведущим и невеждой. Я возвращаюсь в Индию». Он вернулся в Индию и действительно стал весьма сведущ, но ничего выдающегося, насколько известно, не совершил. Так учил мой наставник.

Великому наставнику Дрогми теперь не было равных. Даже настоятель и наставники вступили в ваджраяну по его доброте. Трое божественных и почитаемых братьев также приняли его как своего наставника, а царь Пал Де поднёс ему свою дочь, Лхачик Дзеден Очак, в качестве опоры для реализации вместиорождённой изначальной осознанности, а её брата Лхацуна Кали в качестве помощника.

Некоторое время Дрогми жил в горах Лхаце, занимаясь практикой, трудом на благо других и прочим, а потом объявил: «Я собираюсь снова отправиться в путешествие, чтобы попросить наставлений у махасиддхи Вираваджры. Поднесите мне золота и иных ценностей, а я поделюсь с вами его наставлениями».

С радостью и энтузиазмом каждый поднёс ему много золота. Взяв с собой это золото, Дрогми и Лхачик вместе отправились в Индию. Во дворце царя Чанаки они встретились с наставником Вираваджрой, и Дрогми поднёс ему золото, мускус и прочие замечательные вещи, а также саму Лхачик, и затем попросил учителя о посвящении Хеваджры. Используя Лхачик в качестве опоры, Вираваджра даровал Дрогми развёрнутое посвящение. Также, он посвятил его в тринадцать мандал ануттарайогатантры и даровал соответствующие устные наставления. Дрогми получил все глубокие наставления, восходящие к Домби Херуке, приводящие к созреванию посвящения, освобождающее руководство, объяснения, введения в чистую осознанность, порядка полусотни ритуальных разрешений,

практик и тому подобного в связи с великими тантрами числом порядка восьмидесяти — в первую очередь трилогией — и ста шестьюдесятью малыми тантрами, такими как Рали, а также множество тайных наставлений. Дрогми и Лхачик оставались с Вираваджрой четыре года, а затем, когда решили, что пришла пора вернуться в Тибет, Вираваджра сказал им: «Прошло много времени. Теперь вы должны в течение трёх месяцев предаваться приятным занятиям, а после этого для поднятия вашего духа вам нужно будет увидеть зрелища». Три великих зрелища увидели Дрогми и Лхачик во время своих путешествий.

Зрелище первое

Один раз они увидели большую толпу: люди собрались вместе, но потом вдруг бросились врассыпную, полные ужаса. На вопросы, что случилось, они с отчаянием отвечали: «Царь Чанака покорил множество царств, слава его преумножилась. И вот теперь бесчисленные армии пятнадцати царей, таких как западный царь Бходжантахара, движутся сюда и находятся уже в пяти днях пути. Всё это в результате лжи, лукавства и вероломства нашего царя. Теперь все мы непременно погибнем, и весь этот город опустеет!»

Когда Дрогми и Лхачик рассказали Вираваджре об армиях пятнадцати царей, наставник ответил: «Поскольку царь Чанака привержен трём драгоценностям и имеет веру в них, у него много заслуг. Поэтому ничего дурного не случится». Однако все прочие (исключая лишь тех немногих, кто обладал даром предвидения) были убеждены в неотвратимости поражения, и говорили об этом так единодушно, что даже сам царь пал духом.

Когда началась битва, царь Чанака вступил в неё, восседая в шатре, разбитом на спине исполинского слона. В центре шатра было множество символов трёх драгоценностей, многочисленные подношения были размещены перед ними. Десять монахов и десять браминов почитали этими подношениями три драгоценности. Впереди на троне восседал царь, по сторонам располагались приближённые — придворный подносящий тюрбана, придворный подтиральщик носа и прочие. А на голове того слона стоял великий силач с огромной булавой, отлитой разом из двадцати поклаж магадхской бронзы. Множество воинов разместились на шее слона, в частности, десяток

силачей, метателей железных крюков, и при них десять наводчиков для метания.

Вокруг этого слона выстроились двадцать пять боевых слонов, а вокруг тех ещё пятьдесят обычных слонов, и на каждом слоне было по пятьдесят воинов. Вокруг слонов расположились колесницы, вокруг тех — кавалерия, вокруг кавалерии — пехота, и все эти войска четырёх видов были очень многочисленны. С такой армией вступил в битву царь.

И далее, поскольку обычай был таков, чтобы сперва бились два царя, а остальные, пока не будет решён исход этой схватки, не бились, Чанака сошёлся со своим противником, свирепым царём, и бился с ним полдня, но ни один не мог одолеть другого. Когда слон царя Чанаки был уже совершенно обессилен и едва не падал, Чанака трижды громогласно провозгласил имя махасиддхи Вираваджры, а затем сказал силачу: «Пришло время тебе призвать всю свою силу. Если ты сможешь победить в этой схватке, я отдам тебе в жёны свою дочь от старшей жены и в придачу все новоприобретённые земли».

И тогда силач обрушил свою бронзовую булаву прямо в середину лба вражеского слона, на котором сидел другой царь, и убил его. В тот же миг все пятнадцать царей признали себя побеждёнными, и их малые царства перешли под власть Чанаки. Однако Чанака почувствовал, что устал от сансары, и, как только армии разошлись, передал трон своему старшему сыну, а сам, взяв с собой сотню и полсотни человек свиты, пять цариц, семь министров и по слуге для каждого из своих спутников, взошёл на корабль с провизией на пятьдесят лет и уплыл на нём, сказав, что собирается поселиться на острове посреди океана, чтобы там практиковать устные наставления, полученные от Вираваджры.

Зрелище второе

Дрогми и Лхачик увидели маленькую девочку лет восьми, совершенно нагую, отбросившую стыд. Она называла себя дакини мудрости, делала и говорила, что думала, танцевала в воздухе, и в танце оставляла на земле отпечатки ног.

Зрелище третье

Дрогми и Лхачик увидели обезумевшего дикого слона, который, выбежав из чащи, без разбора валил деревья и убивал животных, хватая их своим хоботом и с силой бросая прочь. Ярость его была такова, что казалось: сейчас он разрушит все деревни в округе. Однако вместо этого он взял хоботом ту восьмилетнюю девочку, почтительно обошёл с ней деревню и посадил её на вершину ступы. Обретя по благословию девочки исцеление от безумия, слон вернулся обратно в джунгли, а сама девочка исчезла подобно радуге в небе.

В качестве прощальных наставлений Дрогми также выслушал Путь и плод без коренного текста.

Затем Дрогми и Лхачик вернулись в Тибет, и Дрогми основал монастырь в Мугулунге. Большую часть времени он проводил в горах Лхаце, и первая его встреча с владыкой Гаядхарой произошла так, как было описано выше. Позже Дрогми позвал Гаядхару в Лхаце, и они перешли туда по перевалу Герпху. Когда Дрогми попросил Гаядхару начать учение, тот ответил: «Для этого нужно особое место». Поблуждав немного, они услышали журчание воды, похожее на «муму». Гаядхара сказал: «Найдём источник этого звука. Я буду учить тебя там, где его поглотит земля».

Они пошли на звук и обнаружили, что его издавала речка Мангхар. Проследовав вдоль её русла, они пришли в Мугулунг, где поток уходил под землю. «Слово *мукта* на санскрите означает освобождение», — сказал Гаядхара. И они поселились на этом месте.

Гаядхара условился с Дрогми, что пробудет в Тибете пять лет, и за это время полностью передаст ему драгоценное учение. Дрогми, со своей стороны, обязался поднести пятьсот унций золота. Но однажды после передачи устных наставлений Гаядхара сказал: «Прошло три года, и теперь мне пора уходить». Когда же Дрогми напомнил учителю о его прошлом обещании, тот ответил: «Не будь учение завершено, я бы остался. Но что мне тут делать, когда я передал тебе всё? Если хочешь, можешь также поднести мне меньше, чем было условлено».

«Если я поднесу меньше, это повредит моей благоприятной связи с наставником, — подумал Дрогми. — Я поднесу столько, сколько обещал». Золота у него не хватало, но в Нижнем Цанге в то время

весьма разбогател и прославился его давний ученик Сурпоче, и ему Дрогми отправил послание: «Я дам тебе Дхарму. Принеси золота!»

Письмо застало Сурпоче в затворничестве по практике Янгдага в Сампа Вадонге, что в Шанге, куда его пригласил Сурчунг, и несколько дней пролежало недоставленным. Когда же в один из перерывов Сурпоче всё-таки получил письмо, все сказали, что это препятствие в практике, и нужно продолжать затворничество. Но Сурпоче ответил: «Я выполняю практику ради достижения, а корнем достижения является Дхарма. Дрогми и раньше был владыкой великих наставлений, а теперь, когда он принимает у себя пандита Гаядхару, у которого, как говорят, он выслушал много Дхармы, у него непременно найдутся глубокие наставления для меня. Так что это не препятствие, а наоборот достижение!» Исполненный радости, Сурпоче оставил Сурчунгу руководить выполнением практик на оставшуюся часть затворничества, а сам отправился в Сампа Вадонг и подчинил там нага. Будучи усмирён, наг сказал ему: «Забирай золото, сколько пожелаешь, пока не появятся куски, имеющие сходство с живыми существами!»

Одни говорят, что это золото находилось там же, в Сампа Вадонге, другие — что оно было взято из океана. Сурпоче получил от нага немало золота и ещё от себя добавил сто унций и множество других подношений, после чего отправился в Мугулунг. Великий наставник Дрогми был доволен и даровал Сурпоче ряд наставлений, в числе которых были «Метод достижения Сарорухи» и Непостижимое. Обретя эти наставления, Сурпоче сказал: «О, как обогатилось семде этого старика от этих устных наставлений великого наставника!» Осенью, когда вырос терновник, Сурпоче носил его ветки великому наставнику Дрогми в своей собственной одежде. Люди восклицали:

— Не делай так! Ты порвёшь свою накидку этими колючками!

Но Сурпоче лишь отвечал:

— Если Сурпоче цел, то и накидка будет цела, — и продолжал трудиться.

Также и многими другими способами он выказывал свою преданность.

Пятьсот унций золота, которые, наконец, были собраны, великий наставник Дрогми высыпал перед пандитом Гаядхарой в большую миску, и, сверх того, сделал ему столь щедрые подношения, что и

представить трудно: тысячу мускусных мешочков, двести отменных ячьих хвостов белого цвета по четыре с лишним локтя в длину, сотню чёрных хвостов, ткани, шелка и прочее. Увидев перед собой такую груды золота, Гаядхара сперва даже не поверил, что оно настоящее. Он принёс его на рынок в Мангхар Дрилчен и там стал спрашивать у людей: «Что это?» Но все единодушно сказали ему, что это золото, притом наивысшей пробы, какая только встречается.

Удовлетворённый, Гаядхара спросил Дрогми:

— Чего ты теперь желаешь?

— Если у тебя ещё остались наставления по драгоценному учению, — ответил Дрогми, — даруй их мне!

— Больше у меня ничего нет, — сказал Гаядхара. — И, хотя ты не из тех людей, кому подобные вещи требуются, но таков уж мой обычай. С этими словами он повесил себе на спину тханку с изображением Панджаранатхи⁵¹, надел на шею чётки, поставил на голову торму и поклялся, что никаких иных наставлений у него нет. После этого он сказал: «Итак, чего ты теперь желаешь?» Тщетно Дрогми убеждал наставника, что ему ничего не нужно — тот и слушать не хотел.

Некоторые говорят, что тогда великий Дрогми подумал: «Не примет ли он такой просьбы?» — и попросил Гаядхару не давать никому другому тех наставлений, которые тот даровал ему. И Гаядхара будто бы очень обрадовался, сочтя это признаком того, что Дрогми понял глубочайшие ключевые положения его наставлений и смог оценить их по достоинству, и поэтому согласился с таким пожеланием.

Однако другие говорят, что на эту просьбу Дрогми Гаядхара ответил ему: «Не вполне понимаю, чего ты хочешь этим добиться. Попросив меня не давать учение другим, ты несколько ухудшил благоприятную связь между нами. Поэтому, хотя твой род по Дхарме будет процветать, твой кровный род принесёт мало пользы. Так что, по-видимому, Гаядхара сделал Дрогми такое же предсказание, как Наропа Марпе. Так учил мой наставник.

Кроме того, в завершение передачи учения Путь и плод владыка Гаядхара даровал Дрогми ряд пророчеств и растолковал значение того сна, который приснился великому наставнику перед их встречей. Объяснение было следующим. Трёхэтажный дом — это три мира сансары. Чёрный человек, прилетевший с юга — Владыка Йогинов.

Лев, извергнутый из его рта, был белым, как раковина, поскольку указывал на Гаядхару в его белых одеждах — проявление сострадания Владыки Йогинов. Сама же форма льва означала, что Гаядхара — лев речи, против которого никто не может устоять. Золотая ваджра, извергнутая львом, означала драгоценное учение — суть учений ваджраяны. Вышедший из неё золотой сосуд, полный влаги, означал четыре устных передачи — неиссякающий поток посвящения и остальные. Растворение сосуда в голове Дрогми означало, что ему будут переданы устные наставления, обладающие этими четырьмя качествами. Три сферы света, отделившиеся от его тела и осветившие трёхэтажный дом, означали три вида учеников, которые вместе с их собственными учениками рассеют тьму трёх миров — это ученики, в полной мере получившие писания, в полной мере получившие наставления и достигшие реализации. Таяние всего в свете и растворение этого света в великом наставнике означало, что его собственный ум и умы его учеников сольются воедино. А когда сам наставник растворился в своих ступнях, а ступни растворились в небе, это означало, что он будет иметь двух сыновей; однако они уйдут, не оставив никого после себя, и потомственная линия на них прервётся.

Пандит Гаядхара довольный вернулся в Индию. Великий Дрогми был также вполне удовлетворён теми наставлениями, которые от него получил. Как и предрекал ему Кхасарпана, он больше не желал других наставников и других наставлений.

Однажды, когда Дрогми жил в Мугулунге, попеременно выполняя практику и совершая дела на благо других, он увидел летящего к нему по небу Вираваджру.

— Зачем вы прибыли? — спросил Дрогми.

— Посмотреть на страну заснеженных гор и разрешить кое-какие твои сомнения, сын, — ответил Вираваджра.

После этого он месяц пробыл у Дрогми, составил метод достижения под названием «Пылающая драгоценность»⁵², а затем как-то утром сказал: «В западной стране Уддияне дакини сейчас на ритуальном пиршестве поедают плоть человека, семь раз рождавшегося брамином. Я отправляюсь туда». Дрогми хотел было поднести ему золота, но Вираваджра сказал: «Мне это не нужно», — и, оседлав солнечный луч, стремительно улетел прочь.

В другой раз к Дрогми прилетел по небу пандит, который не был ему знаком.

— Кто ты? — спросил Дрогми.

— Меня называют повелителем Майтрипой, — ответил тот. — Я прибыл со славных гор Шрипарваты, чтобы передать тебе некоторые наставления. Храни их в тайне и никому не рассказывай!

Майтрипа даровал Дрогми множество глубоких наставлений и, кроме прочего, посвящение Ваджрайогини. Хотя все свои занятия они осуществляли под покровом тайны, со временем о них пошёл слух, люди стали потихоньку рассказывать друг другу, что в Мугулунг прибыл Майтрипа, и, в конце концов, это уже было известно всем. Но когда к Дрогми пришла толпа людей, жаждущих встречи с Майтрипой, тот поднялся в небо и без промедления улетел в Шрипарвату.

Множество сведущих и реализованных наставников подобным же образом приносили устные наставления к самой двери Дрогми. И множество удачливых учеников было приведено им к созреванию и освобождению. Что же касается его супруги, Лхачик Дзеден Очак, то она родила ему двух сыновей, по имени Индра и Дордже.

Завершив в этом теле все деяния ради пользы учеников, Дрогми ушёл в нирвану в полном соответствии со словами Гаядхары, который предрёк ему, что в силу тонкой зависимо возникшей связи он не сможет достичь состояния будды при жизни, без оставления тела.

Считается, что Дрогми прожил восемьдесят два года, хотя иные утверждают, что девяносто пять. Как бы то ни было, незадолго до кончины Дрогми следующим образом изложил свою последнюю волю: «Поскольку я вновь войду в это тело, чтобы реализовать в нём твердыню махамудры, в течение семи дней после моей смерти вам не следует даже прикасаться к нему — тогда я смогу достичь великой цели. Впрочем, вы всё равно ослушаетесь меня, не так ли?»

Супруга и сыновья Дрогми намеревались поступить в точности, как он им велел. Но у Дрогми был родственник со стороны отца, зловредный Дрилчен Тангава, презревший учение о поступках и их плодах, который пожелал нажиться на его наследстве. Прикинувшись участливым, он пришёл в дом Дрогми и стал выведывать подробности о его смерти. Узнав о последней воле великого наставника, он воскликнул: «Это неслыханно! Даже историй таких не рассказывают,

чтобы мёртвый в них возвращался к живым. Если труп пролежит столько дней, он начнёт гнить и тем опозорит память наставника Дрогми. Предайте его огню сейчас же!»

Его не стали слушать, и тогда он сказал: «Нас, родственников по отцу, у Дрогми осталось много, и нужно испросить совета у астролога». И, поскольку он тайно подкупил астролога, тот изрёк: «Если не сжечь труп к утру четвёртого дня, будет большой вред для родственников по отцу, супруги и сыновей». Некоторые из учеников также высказались в том духе, что, поскольку наставник скончался, теперь следовало позаботиться о его супруге и сыновьях. Нарушив запрет, тело подняли — при этом оказалось, что оно ещё хранит тепло. Но астролог дал этому некое смутное объяснение в том духе, что с трупами некоторых видов такое иногда случается. В итоге тело отнесли туда, где теперь находится чёрная гробница Дрогми, и предали огню.

В наихудших рассказах об этих похоронах утверждается, что вместе с собранными подношениями этот родственник по отцу сжёг и обоих сыновей Дрогми. Но это, вероятно, неправда.

Как бы то ни было, когда всё это зло совершилось и прошло семь дней, неконцептуализирующая изначальная осознанность великого наставника Дрогми приняла форму сгустка света размером с большой горшок и, сопровождаемая чудесными звуками, сиянием и цветочным дождём, стала разыскивать тело, а не найдя его, она приблизилась к тому месту, где тело находилось прежде, взлетела оттуда в небо и исчезла.

Хотя Дрогми не удалось обрести высшего достижения махамудры в том же теле, однако в промежуточном состоянии он достиг твердыни состояния ваджрадхары, тринадцатого бхуми. Так учил мой наставник.

Дрилчен Тангва после этих событий подчинил своей власти даже супругу Дрогми и его сыновей. Ученики, сокрушаясь о случившемся, стали винить друг друга. Поскольку, таким образом, были нарушены самаи, Лхачик также вскоре умерла.

Впав в смертную тоску, умер и сын Дрогми [Дордже]. Индра, другой его сын, не пожелал более оставаться в той местности и отправился на восток Тибета. В Чёкхор Шонгма он встретил Ньяна-лоцаву⁵³. Они стали беседовать о Дхарме и устроили диспут. Индра

несколько превзошёл переводчика, но, поскольку во время диспута он позволял себе много ненужных непочтительных замечаний, переводчик разгневался и проклял его насмерть.

Гибель настигла Индру следующим образом. Когда по пути он остановился в окрестностях Ронгму, многие люди приходили к нему с подношениями, поскольку знали, что он сын Дрогми. Все полученные подношения Индра упаковал в мешки и сложил кругом, а сам, опасаясь грабителей, лёг спать посередине этого круга, прикрепив завязки мешков к своему поясу. Так он уснул, оставив поблизости непотушенный масляный светильник. От пламени этого светильника занялись мешки с подношениями, огонь распространился, и в том огне вместе со всем богатством погиб и он.

Как и предвещало сновидение Дрогми, судьба его потомков по крови оказалась нерадостной. Однако его ученики, ученики его учеников и держатели его линии распространили и сохранили драгоценное учение до наших дней. Так учил мой наставник.

Как у него появились последователи

Поскольку почитаемый владыка Дрогми обладал великими наставлениями и был весьма знаменит, большинство его современников — будь они влиятельными или бессильными — преклонялись перед ним и видели в нём свою опору. Но, что касается самого Дрогми, то он очень высоко ценил Дхарму и был крайне щепетилен в отношении дарования устных наставлений. Он даже говорил: «Я не объясняю Дхарму четырём ушам», — и действительно передавал своим ученикам глубокие устные наставления только наедине. Ещё он говорил: «Никакой Дхармы, если ушей более шести», — и не обучал тайной мантре более троих учеников за раз. Из-за таких ограничений, налагавшихся вдобавок к требованию связи с ним, по видимому, ни один из его учеников, не получил полностью тех наставлений, которыми он обладал.

Основные ученики Дрогми разделились на три категории: полностью получившие писания, полностью получившие устные наставления и достигшие реализации.

Ученики, полностью получившие писания

Учеников, полностью получивших писания, было пять. Следующие четверо: Гьиджанг Укарва из Лхаце, Дракце Сонак из Шанга, Ре Кончок Гьялпо из Трангока и Кхон Кончок Гьялпо из Сакья — известны как четверо полностью получивших писания ранее. Наставника Нгарипу называют полностью получившим писания позднее.

Гьиджанг Укарва из Лхаце

Согласно преданиям традиции ламдре, Гьиджанг Укарва поднёс Дрогми молочную корову и столько земли, сколько бык может вспахать за один день. Всё указывает на то, что он был жителем нынешнего Дромпа Лхаце, однако родился он в Кхаме, поблизости от обители великого духа местности Шакра Лхаце. Под руководством Дрогми Гьиджанг Укарва изучал трилогию тантр и, в частности, сделался знатоком тантры «Сампута». Также он получил много наставлений у индийских наставников, таких как Красный Нищий и Накпо Розин. Он был из тех, кто черпает свою силу от Защитника⁵⁴.

Обязавшись поднести Дрогми за учение шестьдесят унций золота, Гьиджанг Укарва отправился в Кхам, где стал наставником царя Цонгкхи в Цонгкха Цонгён, что в области ДOME на востоке Тибета, и, пребывая в этой должности, получил множество подношений. Но когда он решил уйти оттуда, взяв с собой сто унций золота и иных ценностей, чтобы поднести их великому наставнику Дрогми, царь не пожелал отпускать его. Тогда Гьиджанг Укарва отправил все свои бесчисленные подношения с нарочным, сопроводив их запиской: «В доказательство того, что ты получил мои подношения, передай мне благословенную вещь, о которой знаю».

Часть подношений была утеряна, а из всего золота в руки великого наставника попало не более шестидесяти унций, но записка Гьиджанга Укарвы добралась к нему в полной сохранности. Обрадованный, Дрогми послал Гьиджангу Укарве в качестве ответного подарка то рисованное изображение Хеваджры, которое созерцал Гаядхара. Так учил мой наставник.

Дракце Сонак из Шанга

Дракце Сонак был старшим сыном богатого купца, известного под именем Цонгпён Пал, который жил в Шанге в местечке Дракце.

Он был хорошо сложен, обладал острым умом и большими познаниями. Его отец по делам торговли часто путешествовал в западную часть Тибета и имел связь в Дхарме с великим наставником Дрогми. Однажды он пришёл к великому наставнику и сказал:

— У меня есть сын, хорошо сложенный и наделённый острым умом. Я подумал, что он мог бы получить учение от великого наставника. Однако наш предводитель поручил его заботам свою дочь, и теперь он с ней. Если возможно будет разделить их, могу ли я привезти его сюда?

— Прекрасно! — ответил Дрогми. — Поистине, нет никакой необходимости разлучать этих двух. Поскольку женщина также может быть введена в учение, привози обоих!

Когда купец рассказал об этом разговоре супругам, те очень обрадовались и с бесчисленными подношениями для великого наставника поехали в Мугулунг. Они устроили для Дрогми неопишное пиршество и так далее, поднесли множество прекрасных вещей ему и его супруге. В свою очередь, Дрогми даровал им полное объяснение трилогии, а также различные наставления, такие как Непостижимое.

После этого они вернулись домой, и Сонак принёс некоторую пользу другим — в частности, своим родственникам, оставив около десятка учеников, полностью получивших тантры. Сам он более всего усердствовал в медитации. Так учил мой наставник.

Ре Кончок Гьялпо из Трангока

Ре Кончок Гьялпо родился в местечке Трангок, что в Пхулчунге, у богатого человека из клана Ре, первым из шести его детей, которых было пять сыновей и одна дочь. Он обладал приятным нравом, умело служил отцу и матери, и так далее. Будучи учеником одного из учеников Сурпоче, он также умел выполнять некоторые практики школы Ньингма и тому подобное. Он был из тех людей, что устраивают ритуальные пиршества.

Как-то в Трангок пришли бродячие нищие. Накормив и напоив их, Ре произнёс:

— Вы, которых называют йогинами, странствуете повсюду и о многом наслышаны. Скажите, кого сейчас в Центральном Тибете и Цанге считают хорошим учителем?

Те ответили:

— Поскольку учение очень распространилось, то теперь есть много людей, которые считают себя в нём сведущими. Но, по всеобщему мнению, никто из них не сравнится с Дрогми-лоцавой. Он живёт неподалёку отсюда, так что ты, должно быть, уже много о нём знаешь.

Едва услышав имя великого наставника, Ре почувствовал великую радость. Разузнав о нём, он спросил у своих родителей: «Нельзя ли мне посетить великого наставника Дрогми?» Те рассудили: «Этот наш сын обладает добрым нравом и почитает своих родителей, а когда он стучит в барабан, выполняя практики, радости исполняются все в округе. Видно, у него сильная склонность к учению. Так что пусть едет».

Ре нагрузил подношениями пять добрых коней, взял себе в спутники пятерых лучников, надел прекрасную бирюзовую серьгу, сам оседлал статного коня и так отправился в Мугулунг. Когда супруга Дрогми увидела его, то сказала: «Ты выглядишь как любимый сын богатого человека, сбежавший из дома за учением. Что с тобой случилось?» Когда Ре рассказал ей, она воскликнула: «Прекрасно! Замечательно! Я позабочусь о тебе».

Встретившись с наставником, Ре поднёс ему обильные дары: свою бирюзовую серьгу, пятерых коней вместе с их поклажей, надлежащие одеяния и прочее, устроил роскошное пиршество ради тантр и пиршество ради передач текстов. После этого его спутники вернулись в Трангок, а сам он остался в Мугулунге, где получил от великого наставника объяснение трилогии и, кроме того, ряд тайных наставлений, таких как Непостижимое. Потом он также вернулся домой, и, хотя в дальнейшем принёс некоторую пользу другим, всё же по преимуществу занимался медитацией. Его и Кхона Кончока Гьялпо называли двумя Кончоками Гьялпо, и, насколько можно судить, эти двое были особенно близки Дрогми. Так учил мой наставник.

Кхон Кончок Гьялпо из Сакья

Когда Кхон Кончок Гьялпо и его старший брат были в Джакшонге, что в Ялунге, последний сказал: «Поскольку ньингмапинцы раскрыли свои тайны публичным исполнением священного танца двадцати восьми Вангчукма⁵⁵ и прочим, их

благословения пришли в упадок. Тебе следует вступить в новую традицию тайной мантры и практиковать соответственно».

Кончок Гьялпо решил отправиться к наставнику Дрогми. Нагрузив осла маслом, ячменной мукой и тремя разделанными овечьими тушами, поручив ещё одну разделанную овечью тушу и несколько сумок с маслом своему слуге Аджо Гьяле, Кончок Гьялпо тронулся в путь через перевал Драпху. Но едва он подошёл к перевалу, как навстречу ему верхом на лошади выехал монах в шапке пандита, сопровождаемый четырьмя спутниками. Увидев этого монаха, Кончок Гьялпо в то же мгновение ощутил великую радость в своём сердце.

— Кто ты? — спросил он.

— Я младший переводчик из окружения Дрогми-лоцава, — ответил тот. — Меня зовут Балти-лоцава или, иначе, Кхьин-лоцава. Затем он сам стал спрашивать Кончока Гьялпо, откуда тот, и так далее. Кончок Гьялпо ответил ему:

— Я из местечка Джакшонг в Ялунге, иду к великому наставнику Дрогми. Балти сказал:

— Ты не успеешь добраться в Мугулунг до темноты, а деревень по дороге нет. Так что лучше тебе остановиться в моём монастыре. Кроме того, мне нужно кое о чём поговорить с тобой.

От отвёл Кончока Гьялпо в Балпхук, где был его монастырь, и там сказал ему:

— Того имущества, которое ты везёшь с собой, недостаточно даже для того, чтобы просто встретиться с владыкой Дрогми, не говоря уже о том, чтобы получить у него учение. А поскольку теперь он в затворничестве, твоё путешествие и вовсе может оказаться напрасным. Оставайся пока у меня! Я дам тебе Дхарму, которую ты желаешь. А позже, когда затворничество владыки Дрогми завершится, я сам собираюсь к нему, чтобы просить о посвящении. И тогда, если ты отправишься со мной, то сможешь сам посмотреть, возможно ли встретиться с ним и получить у него Дхарму.

— Вообще, я благодарен тебе, — ответил Кончок Гьялпо. — Но сперва мне нужно получить знак от трёх драгоценностей о наличии между нами кармической связи и прочем и обдумать его. Поэтому я дам тебе свой ответ завтра.

— Да будет так! — сказал Балти-лоцава и отвёл Кончока Гьялпо в покои для гостей.

Там Кончок Гьялпо устроил надлежащее ритуальное пиршество, расставил тормы и выполнил обширным образом все положенные практики. Он вознёс молитвы учителям, трём драгоценностям, а также защитникам и охранителям Дхармы, и после этого отошёл ко сну. Ночью он видел множество смутных сновидений. На заре они сменились благоприятными, в уме родилось медитативное сосредоточение, и так далее.

Утром Балти-лоцава спросил его:

— Каковы были знаки?

— Знаки были хорошие, — ответил Кончок Гьялпо. — Но этого недостаточно. У меня есть старший брат, которого я почитаю как своего наставника и йидама, и нехорошо было бы мне принимать решение, не спросив его.

— Прекрасно! — сказал ему Балти. — Практик тайной мантры всегда должен в первую очередь думать о своих самых.

Он был очень доволен.

Кончок Гьялпо составил письмо, где испрашивал мнения брата, и отослал его с Аджо Гьяле. Выражая своё согласие, досточтимый старший брат передал для Кхьи́на-лоцавы запечатанное письмо, в котором говорилось: «Между моим младшим братом и тобой существует кармическая связь. И поскольку ты принесёшь ему пользу, то поручаю его твоим заботам и доброте. Имеются, однако, некоторые знаки, что ты столкнёшься с препятствиями. Поэтому будь усерден в применении методов для их отбрасывания».

Таким образом, Кончок Гьялпо остался в Балпхуке, где посвятил себя изучению коренной тантры Хеваджры. Когда же великий наставник Дрогми завершил затворничество, Кхьин-лоцава вместе со своими учениками и Кончком Гьялпо отправились просить его о даровании посвящения. Оказавшись перед лицом наставника, Кончок Гьялпо подошёл за благословением. Дрогми взялся за его волосы и долго стоял, держа их в руке, а затем произнёс: «Юный ученик! Твои волосы ощущаются совершенно иначе, нежели у всех прочих. Ты из рода, который принесёт буддийскому учению великое благо».

— Нужно ещё дать ему посвящение! — сказал Кхьин-лоцава.

— А он уже получал посвящение? — спросил Дрогми.

Согласно обычаю великого наставника, ученикам давались следующие три посвящения: посвящение первоначального открытия

врат Дхармы, срединное посвящение исправления самай и посвящение окончательного ясного постижения.

— Я дал ему посвящение открытия врат Дхармы, — сказал Кхьин-лоцава.

— Хорошо, — сказал Дрогми.

Кончоку Гьялпо позволили остаться и прислуживать великому наставнику и его ученикам, пока те выполняли порождение и подношения, а затем он в течение трёх ночей получил от наставника посвящение Хеваджры.

После этого он вернулся вместе с Кхьином-лоцавой и его учениками в Балпхук. Ещё восемнадцать месяцев прошло за объяснениями и изучением тантр, а затем Кхьин-лоцава внезапно скончался; причём смерть его сопровождалась чудесными звуками, сиянием и цветочным дождём.

Собрав всё оставшееся от Кхьино-лоцавы имущество, Кончок Гьялпо погрузил его на семнадцать лошадей, навьючив их сверху и снизу, и передал это в дар великому наставнику. Но на его просьбу о Дхарме Дрогми ответил: «Умер отец, и ты пришёл к деду? Верное решение. Но если тебе нужна Дхарма, неси богатство!»

Кончок Гьялпо отправился в Джакшонг, и там они с братом разделили имущество. Продав доставшуюся ему часть полей, Кончок смог приобрести тринадцать коней, груженных товарами. Но когда он привёл их к Дрогми, тот воскликнул:

— Чем я буду кормить этих животных? Забери их обратно и принеси что-нибудь другое. Тогда Кончок Гьялпо протянул ему чётки из драгоценных камней, сказав:

— Этого хватит, чтобы заплатить за траву.

— Трудно поспорить, — ответил Дрогми и принял его подношение.

Затем он даровал Кончоку Гьялпо полное объяснение тантр, а также ряд наставлений, таких как Непостижимое.

После этого Кончок Гьялпо попросил о драгоценном учении ламдре.

— Я поклялся не объяснять писаний тому, кто полностью получил наставления, и не давать устных наставлений тому, кто полностью получил писания, — ответил Дрогми и не дал ему драгоценного учения.

Тем не менее, из числа четырёх или пяти духовных сыновей, которых имел Дрогми, наибольшую пользу другим принёс именно почитаемый владыка Кончок Гьялпо. Так учил мой наставник.

Наставник Нгарипа, полностью получивший писания позднее

Отцом наставника Нгарипы был монах из Пуранга по имени Дордже Пхурпа. Он прибыл в местечко Йопсо, что в Джанге, для отправления погребальных ритуалов по умершему, и соединился со вдовой того человека, отчего и родился Нгарипа.

Когда Нгарипа был ещё мал, отец сказал ему: «Поскольку ты сын монаха, ты должен обладать достоинствами, а для этого, тебе нужно уметь читать. Поэтому садись и читай вот это». С этими словами он дал сыну «Собрание уроков»⁵⁶, а сам отправился декламировать тексты.

Когда он вернулся, Нгарипа уже играл с другими детьми. Дордже Пхурпа стал ругать сына, говоря ему:

— Ты такой же, как и все остальные дети! Шалишь и не желаешь учиться читать!

— Но мне нечего читать, — ответил Нгарипа.

— А что же «Собрание уроков»?

— Я уже выучил его вместе с примечаниями.

Отец отвёл Нгарипу домой и стал его проверять. Оказалось, что Нгарипа действительно великолепно помнил весь текст той книги, включая малые примечания. Отец был поражён, а Нгарипа заметил:

— Это ещё не всё. Вчера я плохо помнил, но теперь освежил память, — и он повторил наизусть целый ряд учений, таких как предписания о поведении⁵⁷. Коротко говоря, понимание любых областей знания рождалось в Нгарипе естественным образом, так что в обучении он не нуждался.

В той местности жил человек, которого называли Старым Пандитом. Он сказал: «Ратнакирти! В прошлой жизни ты также практиковал учение махаяны. Твоя практика и в этой жизни восхитительна. Но в силу самай, которыми я связан со своим учителем, я не расскажу о твоей [прошлой] семье, имени и прочем». И больше никаких намёков он не дал.

Этот совершенно сведущий учитель, который уже с восьми лет имел множество учеников, отправился в Мугулунг и преподнёс

щедрые и драгоценные дары наставнику Дрогми, который был очень доволен его проникательностью, познаниями и так далее и даровал ему полные объяснения писаний.

На благодарственном пиршестве за дарование тантр Нгарипа преподнёс превосходные дары наставнику Дрогми, его окружению и ученикам, которых всего присутствовало около двухсот человек. Он поднёс сто разделанных туш и сто унций масла наставнику, пятьдесят разделанных туш и пятьдесят унций масла его супруге, по двадцать пять — каждому из сыновей, по одной — каждому из монахов и так далее.

Сверх того, он устроил празднество для узкого круга у себя в доме, пригласив туда наставника Дрогми с его супругой и ближайшим окружением, и там также были обширные подношения и великолепное пиршество. Дома у Нгарипы великий наставник заметил его рукопись, в которой Нгарипа кратко освещал трудные места тантры согласно объяснениям самого великого наставника. Со словами: «Твоё понимание — это как пришествие в мир самого Ваджрагарбхи⁵⁸! Мне нужна эта рукопись», — Дрогми забрал книгу себе. И когда позже Нгарипа попросил вернуть ему его книгу, Дрогми ответил: «Она затерялась среди моих собственных, и найти её невозможно», — поскольку не хотел её отдавать.

Когда Нгарипа попросил у Дрогми устных наставлений, тот ответил: «Если тебе нужна Дхарма, неси богатство». Нгарипа отправился в Конгпо, где принял много учеников. Когда однажды ему разом поднесли двадцать шесть добрых коней, он, оседлав одного из них, пригнал остальных к великому наставнику и поднёс ему вместе со всей поклажей.

Позже Нгарипе приснилось, что он видит множество белоснежных дверей, и кто-то говорит, что за ними сокровища великого наставника, но ключ ему дан только к одной из них.

— Владыка, — сказал Нгарипа великому наставнику, когда проснулся. — Ты имеешь власть над множеством сокровищ учения, но не даёшь их своему слуге!

— Если не дать их тебе, то кому же ещё мне дать их? — ответил на это Дрогми и затем передал Нгарипе ряд наставлений, таких как Непостижимое.

Говоря коротко, из всех учеников, полностью получивших писания, наилучшим был именно наставник Нгарипа. Так учил мой наставник.

Ученики, полностью получившие устные наставления

Учеников, полностью получивших устные наставления, [у великого наставника Дрогми] было три. Низшим из них считается Лхацун Кали, средним — Дром Депа Тончунг, высшим — Се Кхарчунгва. Хотя все они в полной мере получили передачу пути, их называют низшим, средним и высшим согласно той пользе, которую они принесли другим.

Лхацун Кали

Лхацун Кали был сыном властителя Пал Де и также приходился братом супруге Дрогми, поэтому полноту устных наставлений он получил благодаря родственным связям. Но умер он молодым и не успел принести никакой особенной пользы, так что его называют «сосудом в силу родственных уз». Так учил мой наставник.

Дром Депа Тончунг

Человек по имени Дром Цандаварти, отправившись странствовать из Доме, что на востоке Тибета, достиг местности Чекха, что на западе, в Пхеньюле, и там осел. Среди его потомков был тот, которого звали Трогьял Еше, и он, в свою очередь, породил двух сыновей и одну дочь. Старшего сына назвали Дром Депа Шакья Гьял, младшего — Депа Тончунг, а дочь — Намка Дордже⁵⁹. Что касается Депа Тончунга, он был знатоком традиции мантры школы Ньингма, особенно практик Мамо Бётонг⁶⁰, и, в частности, метода «Реализация жизненной силы богини».

Однажды дакини даровали Дрому предсказание, в соответствии с которым он отправился через перевал Лакпа и обнаружил тайное наставление под названием «Дротик богини в четыре пальца длиной». Которое было сокрыто в кладе на втором этаже храма в Самье. Выполняя практику согласно этому тексту, спустя двадцать один день Дром воочию узрел лик богини, сиявший, подобно луне.

«Если тебе есть, что сказать, говори, — потребовала богиня. — Я стремительна!» Дром тут же выпалил имена трёх врагов, которые

терзали его сердце, и сказал: «Их надо уничтожить!» Следующим вечером головы тех трёх разом упали на мандалу и Дрому было приказано установить для них срок смерти в течение следующих семи дней. Вместе с каждым должно было умереть ещё по семь слуг, хотя рассказывают, что могло быть семь врагов и по трое слуг каждого из них. Он установил время и отправил врагам послание, где сообщал: «Если имеете пищу, ешьте её, и, если имеете одежду, наряжайтесь, ибо через столько-то дней вы умрёте».

В последующие семь дней двадцать пять человек умерло, извергнув изо рта кровь. Слава Дрома как великого колдуна стала обширной, как небо. Просители непрестанно несли ему щедрые подношения. Он сильно разбогател, но всё же его угнетала мысль о том, что он разом погубил столько людей. Обучив колдовству Озера Дордже, своего младшего брата, и многократно выполнив основополагающие благие дела во искупление своих грехов, Дром поручил младшую из двух своих жён, от которой имел сыновей и дочерей, заботам Дефы Шакья Гьяла, своего старшего брата, а сам, взяв с собой всевозможных ценностей, вместе со старшей женой и тремя десятками других спутников отправился в Мугулунг. Уже в дороге, он сверх того получил ещё множество подношений, так что успешно прибыл на место, имея при себе весьма обильное имущество. Сделав богатое подношение владыке Дрогми и устроив великолепное пиршество, он попросил об устных наставлениях, и Дрогми даровал ему их.

И далее о каждом новом учении Дром просил, поднося десятую часть унции золота и несколько парчовых ножных подушек; а когда те кончились, то несколько шёлковых одежд и торму, которую с трудом могли поднять двое мужчин. Но когда почти все устные наставления были переданы, и оставалось всего четыре беседы, у Дрома кончилось золото.

Сообщив об этом великому наставнику, Дром спросил:

— Не могу ли я поднести тебе вместо золота что-либо иное?

Но Дрогми ответил:

— Если у тебя кончилось золото, у меня кончилась Дхарма, — и не пожелал передавать оставшиеся наставления.

Тогда Дром выменял у супруги Дрогми то золото, которое прежде сам же поднёс, дав взамен него множество иных ценностей. И когда он

сказал Дрогми:

— Теперь у меня вновь есть золото, — то Дрогми со всем тщанием передал ему оставшиеся устные наставления.

Как-то супруге Дрома приснилось, будто к ней по небу прилетело с запада множество женщин, и эти женщины сказали ей: «Твой муж вскоре отправится в Уддияну. Не лучше ли тебе сейчас же присоединиться к нам и стать нашей попутчицей?» — а затем взяли её за руки, и она улетела с ними. Рассказав о своём сне мужу, она спросила его: «Не следует ли применить какой-нибудь метод, чтобы отвратить смерть, предвещаемую этим сном?»

Дром передал этот вопрос великому наставнику Дрогми, и тот сказал ему: «Ах! Я хотел поговорить с тобой о том же самом, но запамятовал. Если ты хочешь отвратить смерть от своей супруги, ты должен искупать её, убрать всевозможными украшениями, а затем поднести мне её на семь дней как мудру. И если ты сможешь полностью отсечь свою привязанность к собственности, смерть будет отвращена. Но я не думаю, что тебе это удастся — вы, жители Центрального Тибета, слишком скупы для этого». Услышав эти слова, супруга Дрогми пришла в ужас.

— Этот человек столько лет служил тебе и подносил дары! — сказала она. — Как ты можешь после этого говорить ему, что он скуп, как все жители Центрального Тибета?! Никто не позволил бы себе таких речей!

— Что мне за дело, — ответил Дрогми. — Я просто старался ему помочь.

Вернувшись домой, Дром обнаружил свою супругу сидящей в медитативной позе, кожа её поблескивала от пота. Когда он передал ей слова великого наставника о купании и прочем, она ничего на это не ответила. К тому моменту, когда он снова взглянул на неё, она уже отлетела в Кхечару⁶¹.

После этого Дром поднёс великому наставнику все украшения своей супруги и прочее, устроил пиршество для всех дрилченцев Мангкхара, сделал безмерные пожертвования и так далее. Впоследствии в народе говорили, что Дромом была раскрыта неистощимая сокровищница.

Таким образом Дром провёл восемь лет с великим наставником Дрогми, радуя его своим неотступным и исключительным служением,

и тот полностью передал ему устные наставления.

Но когда он решил вернуться домой и попросил займы трёх лошадей — как средство передвижения, а также чтобы погрузить на них книги и прочее — Дрогми сказал: «Не заговаривай мне зубы. Нет такого обычая, чтобы наставник делал подношения ученику. Можешь остаться здесь и не уезжать домой».

Люди Дрома разгневались и принялись отпускать всевозможные оскорбительные замечания. Даже сам Дром впал в некоторое уныние и сказал: «До сих пор Мугулунг был для меня Ваджрасаной, а великий наставник — самим Шакьямуни. Но теперь, может статься, я не смогу даже вернуться назад. Взяв из дому столько имущества и пробыв здесь так долго, было бы стыдно прийти обратно пешком. Так что сперва я должен найти лошадей».

После этого Дром отправился в направлении Дингри. И, поскольку он сразу же стал известен в тех местах как духовный сын самого великого наставника Дрогми, многие приходили к нему испросить учений и что-нибудь поднести, так что вскоре у него уже было около двух десятков лошадей.

Но когда Дром передал нескольким своим ученикам благословение на практику Непостижимого, у него пошла носом кровь, и его стало бить в лихорадке. На рассвете у него открылось ясновидение, а затем он отошёл в нирвану, оставив завещание, где было написано, кроме прочего, следующее: «Мой учитель поистине сам ваджрадхара. Он испытывал меня, а я этого не понял. От этого возникли дурные последствия. Тем не менее, в промежуточном состоянии я обрету благо. Передайте всё моё имущество и эти кости в руки моего учителя. И, если вы попросите у него устных наставлений, он даст вам их, и вам не придётся переносить ради этого тех трудностей, какие выпали мне».

Кремация его тела сопровождалась чудесными звуками, сиянием и цветочным дождём. Когда с кремацией было покончено, ученики Дрома собрали его кости, нагрузили семнадцать лошадей его имуществом и, трубя в раковины, отправились к верхней части Мугулунгской долины. Звуки этих раковин Дрогми услышал, когда сидел, выполняя обычное подношение торм. «Мне кажется, моё сердце сейчас разорвётся, — воскликнул он. — Посмотрите!»

Выглянув, собравшиеся увидели учеников Дрома. Подойдя к Дрогми и рассказав ему о случившемся, те передали ему всё, что осталось от Дрома. Положив кости Дрома к себе на колени, Дрогми сказал: «Неужели сын вернулся к своему отцу?» — и заплакал.

Потом он сказал: «Учителя наставляли меня, чтобы я как следует испытывал учеников. Но здесь испытание оказалось слишком суровым, и последствия его дурны. Если кто из вас хочет получить устные наставления, я готов дать их».

Хотя устных наставлений пожелали немногие, однако посвящение Хеваджры они испросили. Тремя, кто попросил также о некотором объяснении наставлений, были Мара Серпо и Рокпо из Пхеньюла и Пхакпа Чёнанг.

Коротко говоря, Дром полностью получил наставления посредством своего богатства. И хотя в «Острой ваджре» сказано, что его линия не получила распространения, однако это не вполне соответствует действительности. Линия этого наставника сохранялась в течение шести или семи поколений и лишь затем прервалась. Поэтому его считают средним из получивших от Дрогми устные наставления. Так учил мой наставник.

Се Кхарчунгва

Се Кхарчунгва⁶² родился в местечке Чидрум, что в Докме. В клане Се, к которому он принадлежал, было два малых клана — Кья и Че. Что касается последнего, то все люди, которые в нём рождались, отличались красноречием, острым умом, приятным голосом, хорошим сложением и красотой черт лица. Род Се Кхарчунгвы также принадлежал этому малому клану.

У Се было много яков. Как-то осенью вышло так, что его пастух оказался занят другой работой, и ему самому пришлось отводить своих яков на горное пастбище. Стоя там, он увидел, что небо над Мугулунгом исключительно ясно, и в нём висит белое облако размером с такое поле, которое можно засеять одной поклажей зерна, и окружённое множеством радуг, мерцающие концы которых были устремлены во всех направлениях. У Се тут же возникла мысль: «Под этим облаком должен находиться наставник, обучающий Дхарме, которая непременно приводит к состоянию будды».

Одновременно печаль и радость родились в его уме, и состояние это было едва выносимым. Отойдя немного, Се увидел нескольких молодых людей, копавших дёрн, и спросил их:

— Послушайте, что находится под тем белым облаком?

— Вообще, там находится плато Кочак, — ответили те. — А прямо под облаком — это Мангкхар Мугулунг. Там живёт наставник по имени Дрогми-лоцава, который умеет превращать людей в будд.

Когда Се услышал это, из глаз его хлынули слёзы, все волосы на теле встали дыбом, и на время он совершенно лишился рассудка. Очнувшись от захватившего его невыразимого состояния, он вспомнил об учителе, и чувства снова переполнили его. Тех молодых людей, как видно, также переполнили чувства: они восклицали: «Разве нам не следует пойти к этому наставнику?» — почтительно соединяли ладони, пели песни и приплясывали.

Се пораньше отвёл вниз своих яков, а затем отправился к дяде по материнской линии, Тончунгу Дарье, который его очень любил.

— Дядя! — сказал он. — Мне нужно поговорить с тобой о чём-то таком, о чём я никогда с тобой раньше не разговаривал, и, кроме того, задать тебе вопросы об очень важных вещах. Так что давай сходим с тобой вечером в какое-нибудь укромное место.

— Разве у нас есть, о чём вести длинные разговоры? — удивился дядя. — Но вообще, я не против.

Се запасся дровами и пивом, взял большой кусок мяса, и они с дядей отправились в заброшенный дом. Там они развели огонь, выпили пива, съели мясо, а потом Се рассказал о случившемся с ним, закончив свою речь словами: «Я непременно должен пойти к этому учителю!» Дядя сказал: «Я тоже о нём наслышан. Но я не смогу пойти, а один ты не доберёшься».

После долгого спора о том, кто может путешествовать, а кто нет, дядя наконец произнёс: «Хорошо, мы пойдём туда вместе. Моя мать недавно выменяла у кочевников шесть десятых унции золота, обернула это золото шерстью и спрятала в щель в стене. Я украду у неё это золото и ещё немного золота позаимствую у тебя». На том и порешили.

По дороге в Мугулунг они повстречали группу из монахов и практиков мантры числом около двух десятков человек. То были эманации Дрогми. Когда двое путников поведали им свою историю, они сказали: «Если вы направляетесь в Мугулунг, то мы могли бы

проводить вас. Мы хорошо знаем это место и можем защитить вас от опасностей по пути».

Так они объединились и пошли в Мугулунг вместе. Благодаря великим заслугам, им посчастливилось прибыть как раз в то время, когда великий наставник собирался даровать посвящение Хеваджры. Когда они встретились с ним, Се почувствовал веру такой силы, что его тело и ум с трудом могли её вынести. Его жгло изнутри, как огнём, трясло, словно в лихорадке, из его горла сам собой вырвался крик. Дрогми спросил его:

— Что с тобой, юный странник?

— В моём уме происходит что-то, чего я не умею выразить, — ответил Се.

Великий наставник был чрезвычайно доволен. Он сказал:

— Юноша с острым носом и ровными зубами! Как видно, моё благословение вошло в тебя. Твой род принесёт буддийскому учению великую пользу!

К утру тантрики и монахи, бывшие эманациями Дрогми, бесследно исчезли. Что касается Се и его дяди, то в течение трёх последующих ночей они получили от Дрогми посвящение Хеваджры, а после этого ещё несколько дней слушали у него объяснение коренных падений, метода реализации Хеваджры в шести ветвях и йоги подношения торм. Се хорошо всё усвоил. Когда же учения были окончены, великий наставник ушёл в затворничество. Тем не менее, Се с дядей [остались], хотя больше не было ни встреч с наставником, ни учений, и прилежно прислуживали его супруге. Также они очень старательно и усердно выполняли для него все обычные осенние и весенние работы.

Однажды во время ритуального пиршества Дрогми велел: «Спойте песню!» Никто не знал, как нужно петь. Тогда супруга Дрогми сказала: «Тот юноша из Джанга с некоторых пор умеет это делать. Позвать его?» Дрогми дал разрешение, и, когда Се пришёл и исполнил для него песню, остался очень доволен.

И далее, поскольку Се был хорошо сложен, приятен лицом, сладкоречив и весьма умел в песнях и прочем, супруга Дрогми питала к нему некоторую склонность. Она отбирала для него наилучшую пищу и прочее; однако Се знал, что источником этого были подношения верующих. Когда во время прополки сорняков или в

других случаях Се рассказывал истории, пел песни и так далее, он привлекал к себе множество покровителей, и так добывал средства к существованию.

Когда осенью Се и его дядя работали в поле, бережно и старательно убирая урожай, посеянный для Дрогми, тот заметил их и спросил:

— Кто эти люди?

— Это те двое из Джанга, что пришли сюда в прошлом году, — ответила его супруга.

— Что, они всё ещё здесь? — спросил Дрогми.

— Они остались, чтобы попросить тебя об учении. В прошлом году, встретив того юношу, ты отозвался о нём очень хорошо. Неужели теперь ты откажешь этим людям в Дхарме?

— Я дам им Дхарму, — сказал Дрогми.

После этого разговора супруга великого наставника пошла к Се и его дяде и сказала им: «Ждите у той двери, через которую наставник входит в свои покои, и когда он приблизится к вам, сообщите ему свою просьбу!»

Когда Дрогми подошёл к своему дому и они заговорили, он подозвал их к себе и спросил:

— Почему вы всё ещё здесь?»

— Мы просим о Дхарме! — ответили они.

— Хорошо. Я дарю её, — сказал Дрогми.

За посвящение Се с дядей поднесли великому наставнику две унции золота, и ещё одну унцию они поднесли ему для ритуального пиршества. Это второе посвящение они получили для того, чтобы восстановить самаи⁶³. Се был единственным из учеников Дрогми, кому удалось получить у него посвящение, поднеся всего три унции золота. Так учил мой наставник.

Даровав посвящение, Дрогми сказал:

— Теперь убирайтесь отсюда, и чтобы больше я вас здесь не видел!

Но Се стал настаивать, чтобы учитель позволил ему вернуться.

— Чего ты этим добиваешься? — спросил Дрогми.

— Хочу получить у владыки драгоценное учение, — ответил Се.

— Если тебе нужно учение, неси богатство, — сказал Дрогми. — Без богатства не возвращайся!

Добравшись до дома, Се вычислил причитающуюся ему долю в семейном имуществе. Она составила три десятка яков — самцов и самок. Осенью, когда все были загружены работой, Се сказал: «Я позабочусь о яках, а заодно немного попрактикую чтение мантры. Вы же можете заняться другими делами».

Таким образом он несколько раз отводил стадо на три или четыре дня на горные пастбища, усыпляя бдительность окружающих. Но в один прекрасный день он погнал стадо не на пастбища, а к переправе в Лхаце.

— Мне нужно перебраться на ту сторону, — сказал он паромщику.

— За перевоз каждых шести яков, самцов или самок, тебе нужно будет уплатить одного, — ответил паромщик.

«Если я поступлю так, как он говорит, — подумал Се, — то не смогу сделать достаточного подношения наставнику». Простеревшись в направлении Мугулунга, он вознёс молитвы и выполнил подношение тормы защитникам учения. Тотчас же после этого все его яки бросились в воду, ведомые самкой с белым пятном на лбу, и Се, успев схватить последнего чёрного яка сзади за хвост, быстро и благополучно переправился через реку вместе с ними. А паромщики были очень огорчены, что остались ни с чем, и принялись ругаться, обвиняя в этом друг друга.

Гоня стадо по нижней части Мугулунгской долины, Се встретил великого наставника Дрогми и его супругу, которые как раз вышли туда на прогулку. Когда Се поднёс яков наставнику, тот заметил: «Подношение не слишком богатое, но пригодится для украшения верхней части долины. Скажи, а есть ли телята у этих самок?» Он всячески выказал, что доволен подношением, погладил всех животных и каждому из них дал имя.

После этого Се Кхарчунгва провёл с Дрогми восемь лет, в течение которых получил полную передачу драгоценного учения и связанных с ним наставлений, а затем ещё четыре года, в течение которых получил оставшиеся циклы пути. Поскольку до этого он прожил у Дрогми год, то всего получается тринадцать лет. В подношениях Се не было ничего особенного, но его поведение очень

радовало великого наставника, и [поэтому] он и получил полную передачу драгоценного учения вместе с циклами пути.

Великий Дрогми как-то сказал:

— У меня не осталось устных наставлений. Их все украл у меня этот сладкоречивый Се!

Из глаз Се потекли слёзы.

— Разве я не твой ученик? — спросил он.

— Я пошутил, — сказал великий наставник. — Если бы я не дал их тебе, то кому бы ещё я их дал?

Полностью получив устные наставления, Се пожелал получить также и передачу писаний. Но когда он попросил об этом, Дрогми ответил ему: «Согласно обету, который я дал одному из своих наставников, я не могу удовлетворить твою просьбу. Но если писания влекут тебя, можешь обратиться к Кхону Кончоку Гьялпо».⁶⁴

Когда Се собрался в путь, Дрогми сказал ему на прощание: «Ты получил полную передачу устных наставлений благодаря своим приятным манерам и потому, что искусно выражал почтение к старшим и дружеское отношение к равным. Говоря точнее, ты получил их от хорошо подвешенного языка. О тебе позаботился твой собственный голос, так что пользуйся им. Спой мне прямо сейчас!»

Се исполнил песнь, в которой восхвалялись тело, речь, ум, достоинства и дела великого наставника. Дрогми остался очень доволен и всячески выказал Се свою любовь — погладил его по голове, покрутил за уши, влил ему в рот пиво из своего собственного рта и так далее.

После этого Се сказал:

— Я иду в Сакья, так что мне нужно будет иметь при себе запечатанное рекомендательное письмо. Кроме того, Кончок Гьялпо может сказать мне, что ему нужно драгоценное учение. Дозволено ли мне будет объяснить его в этом случае?

— Я не хочу, чтобы ты давал ему полное объяснение, — ответил Дрогми, — но ты можешь рассказать ему внутреннюю структуру тайных наставлений и их краткое содержание.

Се отправился в Сакья, имея при себе запечатанное письмо для Кхона Кончока Гьялпо от великого наставника Дрогми, в котором говорилось следующее: «Ты лучший из тех моих учеников, кто

полностью получил писания. Се лучший из тех, кто полностью получил устные наставления. Я же лучший из всех учителей, которых вы когда-либо имели. Распространяйте же наилучшее учение, объяснённое наилучшим для наилучших!»

Когда Се встретился с Кхоном Кончком Гьялпо и отдал ему это письмо, тот, прочитав его, схватил Се за руку и стал приплясывать на месте, восклицая: «Учитель так похвалил нас! Нет более счастливых людей на свете, чем мы двое!»

По этому случаю Кончок Гьялпо вывесил у себя множество флагов и устроил замечательное ритуальное пиршество. Он сказал Се:

— Я передам тебе наставления во всей полноте. А что касается подношения, то это необязательно — ведь мы с тобой из одной семьи!

Но Се ответил ему:

— Я не могу оставить тебя без подношения, — и отправился домой за подношением.

Поскольку Се уже был известен как любимейший духовный сын Дрогми, то в родных краях его встретили торжеством — со всадниками на лошадях, танцорами в масках и тому подобным. После этого Се устроил большую церемонию пробуждения бодхичитты для всех жителей своей местности, и те поднесли ему пятьдесят унций золота. Также для некоторого числа избранных Се дважды даровал двухдневное посвящение Чакрасамвары, за что ему также сделали много подношений.

Коротко говоря, Се набрал добра на двести унций золота, привёз его в Сакья и сделал обширное подношение Кхону Кончку Гьялпо. После этого он провёл с ним шесть лет, в совершенстве изучил трилогию⁶⁵ и даже прислуживал Кончку Гьялпо как личный помощник, что доставило последнему большую радость.

Затем Се сказал:

— Я спрашивал у учителя, дозволено ли мне дать тебе драгоценное учение. Но он разрешил объяснить тебе только структуру тайных наставлений. Хочешь ли ты послушать о ней, наставник?

Кончок Гьялпо ответил на это:

— Я не имел возможности просить о драгоценном учении, так что, если я получу из него даже такую малость, это создаст для меня великую благоприятную связь. Разумеется, я хочу получить такое учение!

Так они стали учителями друг для друга.

После этого Се вернулся домой и далее, чтобы углубить свою реализацию, в течение шести лет посетил все опасные места Джанга и Ра и пожил понемногу в каждом из них. Выполняя медитативную практику однонаправленно согласно драгоценному учению, он обрёл постижение и невыразимый опыт.

Поскольку Се в совершенстве овладел энергией коренной мантры, он смог подчинить нагиню Кхарчунга, связать её клятвой и перенести её обитель, основав на её прежнем месте монастырь. Что же касается людей, которые были поражены проказой по вине нагини, то они избавлялись от страданий, всего лишь потерев свои болячки мочой или слюной Се.

Се достиг совершенства на пути третьего посвящения, и, хотя он имел супругу, но детей у них не было, поскольку он обрёл контроль над семенной жидкостью. Также он обладал ясновидением, и такими чудесными силами, как способность являть многочисленные тела из одного и прочее.

Вкратце, поскольку сохранившаяся до настоящего времени линия преемственности драгоценного учения ламдре великого наставника Дрогми проходит через Се, он был лучшим из учеников, которым были полностью переданы устные наставления. Так учил мой наставник.

Ученики, достигшие реализации

Среди учеников Дрогми реализации достигли трое мужчин и четыре женщины.

Трое мужчин, достигших реализации

Трое мужчин, достигших реализации, таковы: Гьергом Сево, Шенгом Рокпо и Глуттон из Центрального Тибета.

Гьергом Сево

Гьергом Сево происходил из рода Джеу. Он родился в Гьерда, нижней части долины Гьерпху, и был единственным сыном местного богача. Исполнившись веры в великого наставника Дрогми, Гьергом решил испросить у него Дхарму. Он отправился к великому наставнику верхом на породистом коне, одетый в панцирь тонкой работы стоимостью в тысячу унций золота (который так и назывался: «прекрасный и стоящий тысячу») и шлем стоимостью в семь унций

золота, с кожаным щитом стоимостью в три унции золота и всем необходимым воину оружием — ножом, копьём, стрелами и прочим — которое также было очень искусно сделано. Его сопровождал юноша на добром коне, также одетый в панцирь, и пятеро других спутников.

Дрогми был в Такпоче, когда они встретились. Увидев Гьергома Сево, великий наставник пророчески воскликнул: «Сын! Облачённый столь внушительным образом, ты одержишь победу в битве с омрачениями!» Гьергом тут же поднёс ему коней вместе со всей бронёй, вооружением и множеством иных ценностей и, затем, этого попросил наставлений. Дрогми даровал ему посвящение и передал устные наставления.

Оставшись в той местности, следующие тринадцать лет Гьергом занимался медитативной практикой и в результате обрёл ясновидение и столько чудесных сил, что и не перечислить. Затем он удалился, сказав, что отправляется на юг, к славным горам Шрипарваты.

Шенгом Рокпо

Шенгом Рокпо родился в Танаке, у учителя религии Бон из клана Шен, и [при рождении] получил имя Шентон Юнгдрунг Друп. После смерти своего отца он собрал подношения в Руточе, что в Джанге, и всё их великое множество истратил на то, чтобы почтить его память.

Шенгом не имел веры в религиозное учение традиции бон. Он был очарован славой великого наставника Дрогми и поэтому отправился к нему в Мугулунг, поднёс обильные дары, а затем попросил об устных наставлениях. Получив их, он тринадцать лет медитировал на севере Тибета, в таких местах, как Семодо и Намцо Чукмо, и благодаря этому обрёл достижение. Тогда он сказал: «На снежной вершине Кайлаша живёт множество видьядхар, исповедующих бон. Я отправлюсь к ним, отвращу их от дурного пути и утвержу на безупречном пути».

Оседлав солнечный луч, он быстро достиг Кайлаша. Там он отвратил от дурного пути всех бонских видьядхар, а затем отправил их в Кхечару. Сам же он не стал оставлять тела и по сей день живёт на горе Кайлаш. Так учил мой наставник.

Глуттон из Центрального Тибета

В Пхеньюле этот человек был известен под прозвищем Мясник Таши Сенге. Но в действительности он не зарабатывал на жизнь забоем скота, а был предводителем нескольких сотен порочных людей и сам был могучим головорезом, занимаясь исключительно разбоем и грабежом. Однажды он овладел собственной двадцатилетней сестрой, и та забеременела. После этого ему опротивели все его дела. Поручив сестру заботам Мясника Джаура Драка и взяв с собой несколько дорогих вещей — среди прочего, бесценную бирюзу, принадлежавшую его собственной прекрасной невесте, — Таши Сенге бежал.

Прибыв к небольшому монастырю близ Чушюла, он увидел на крутом склоне сланцевой горы, которая возвышалась напротив монастыря, двух оленей, стоявших один подле другого. Ему удалось подстрелить обоих одной стрелой. Одну из туш он сразу же разделал и отнёс вниз. Монастырь в тот момент был пуст, поскольку целеустремлённые практики, которые там жили, отправились к своим ученикам, чтобы принести им пользу. Сорвав заделанную дверь в их хижину, Таши Сенге заглянул внутрь. Обнаружив там три бочонка пива и мешок с ячменной мукой, он высыпал муку в пиво и выпил почти всю получившуюся смесь. После этого, положив перед собой меч и соорудив подушку из ножа, пики и стрел, он уснул.

Когда хозяева вернулись и увидели, что натворил Таши Сенге, они перепугались и стали кричать ему: «Уж не демон ли ты ракшас? Невозможно, чтобы ты был человеком! Убирайся отсюда сейчас же! Если ты не поспешишь, тебя непременно убьют наши покровители, которые вскоре придут сюда!»

Они наговорили ещё много подобного, чтобы напугать Таши Сенге, но тот лишь ответил:

— Я поступил дурно, но и ваших покровителей не боюсь.

Тогда они сказали:

— Похоже, ты из тех, для кого никакое действие не является слишком жестоким и грубым. Но такое поведение может привести тебя только в ад. Не лучше ли тебе вместо этого пойти в Мангхар Мугулунг к человеку, которого называют владыкой Дрогми, и который умеет превращать людей в будд?

Едва услышав имя великого наставника, Таши Сенге лишился чувств. Оправившись, он сказал: «Я благодарен вам! Одно лишь произнесённое имя этого наставника наполнило меня счастьем. За

вашу доброту и в качестве возмещения уничтоженных мной муки и пива я прошу вас принять эту оленью тушу и также ту, которую вы найдёте на склоне горы.

После этого он собрал своё оружие — пику, нож, стрелы и прочее — и удалился. У перевала Силма он встретил группу торговцев, возвращавшихся из Латё, что в западном Цанге, и присоединился к ним. Когда они подошли к перевалу Кхарак, им преградила путь большая шайка бандитов. Торговцы очень испугались их, а Таши Сенге обратился к ним со словами: «Эти люди — под моей защитой. Пусть они идут с миром, куда им надо. Вы не должны грабить их».

Бандиты не стали его слушать. Тогда он сказал: «В таком случае, посмотрим, сможете ли вы выстоять против меня. Пусть трое ваших мужчин возьмут щиты и встанут поодаль на расстоянии сажени друг от друга».

Когда трое бандитов сделали, как он сказал, он пустил в них стрелу. Эта стрела пронзила всех трёх вместе со щитами и застряла в скале, войдя туда на ладонь. Остальные бандиты тут же разбежались, так что только их и видели. Торговцы воскликнули: «Ты подобен нирманакае!» — и в благодарность за спасение поднесли ему много прекрасных даров.

Когда они наконец прибыли в Мугулунг, Таши Сенге поднёс наставнику Дрогми обильные дары, в числе которых были бирюза и прочие имевшиеся у него ценности. Даровав Таши Сенге ряд устных наставлений, Дрогми сказал супруге: «В каждый из трёх приёмов пищи всякий раз давай этому человеку две меры ⁶⁶ ячменной муки, половину туши и полную меру пива».

Как-то на ритуальном пиршестве, устроенном в честь великого наставника, Дрогми дал Таши Сенге торму, сделанную из целой поклажи ⁶⁷ ячменной муки, половины туши и кувшина пива. Тут же, сидя в собрании, Таши Сенге во мгновение ока её проглотил. Увидев это, Дрогми заметил: «До сих пор, верно, мы давали ему недостаточно. Нужно будет давать ещё втрое больше».

В другой раз, когда великий наставник Дрогми был приглашён на дхармовое собрание в нижнюю часть долины Мангкхар, он взял с собой помощником Таши Сенге, сказав ему: «Тебе также следует сегодня развлечься. Не забудь свои украшения — нож, пику, стрелы и остальное!»

Среди собравшихся было много молодых людей. Таши Сенге стал с ними состязаться. Когда он выпускал одну из своих толстых стрел, другим требовалось пять выстрелов, чтобы покрыть такое же расстояние, а когда он прыгал с помоста, другие с трудом могли достичь его даже пятью прыжками. Сверх того, он в одиночку выпил бочку пива и проглотил такую огромную гору ячменного теста, что его хватило бы, чтобы насытить сотню мужчин.

Затем Таши Сенге стал меряться силой. Двадцать пять мужчин взяли по крепкой верёвке, а другие концы верёвок взял Таши Сенге, и они не могли перетянуть его. После этого он одним рывком выдернул верёвки у них из рук, стал крутить ими над головой и спел так:

Я известный в Мангхаре великий силач,
Столп великий — опора великого наставника,
Дорогое дитя Лхачик Дзеден Очак⁶⁸,
И защитник учения, оберегающий практиков.

Видя такие подвиги, все были поражены и говорили: «Великий наставник поработил титана».

В тех кругах Таши Сенге стал весьма знаменит. Когда же он обратил свои способности на службу практике — йогическим упражнениям и тому подобному — то смог распустить множество узлов своих каналов, что весьма углубило его медитативное сосредоточение.

По возвращении в Мугулунг Таши Сенге обрёл ясновидение и множество чудесных сил, а затем улетел к славным горам Шрипарваты, где пребывает и до сегодняшнего дня, не оставляя тела. Так учил мой наставник.

Четыре женщины, достигшие реализации

Следующие четыре женщины достигли реализации: Тёмо Дорджецо, Ремо Коне, Шапмо Чамчик и Чемо Намкха Еше. Тех же женщин приводят как пример четырёх видов собирания сущностных компонентов⁶⁹.

Тёмо Дорджецо

Тёмо Дорджецо родилась в Мангкхаре, в местечке под названием Тёцо. Она вышла замуж за мангкхарца по имени Драдюл Джепа и родила ему шестерых сыновей. Их семья была очень богатой. Но несколько земляков сговорились против них, убили Драдюла Джепу и всех его шестерых сыновей и отняли всё их имущество. Это событие послужило толчком: горе, которое испытала Тёмо Дорджецо, стало причиной собирания сущностных компонентов, и она обезумела. Услышав разговоры о её сумасшествии, великий наставник Дрогми сказал: «Вот сосуд для моего учения!»

Прикрепив женщину к носилкам, родственники принесли её к Дрогми, и тот дал ей посвящение и устные наставления. В результате этого она обрела достижение и затем отправилась в западную страну Уддияну.

Её история служит примером естественного собирания сущностных компонентов у человека с остаточной кармой. Так учил мой наставник.

Ремо Коне

Ремо Коне называли так потому, что она родилась в Мангхаре в местечке Ре. При рождении она получила имя Монмо Гёкьи, но обычно её называли прозвищем Коне, что означает Редкостная, поскольку в семье она была единственной дочерью. Она вышла замуж за кочевника, и очень любила своего мужа. Когда он умер, она совершенно обезумела от горя. Не сознавая происходившего вокруг, она трижды выкрикивала имя своего покойного мужа, затем падала без чувств, а, оправившись, снова принималась кричать. Днём и ночью эта женщина громко рыдала. Будучи в тех краях, великий наставник Дрогми услышал звук её рыданий и спросил: «Что это?» Когда ему объяснили, он сказал: «Вот сосуд для моих устных наставлений!»

Брат Коне привёл её к великому наставнику, сделав тому богатое подношение. Когда Дрогми дал женщине учение, она ничего не сказала ему в ответ. Брат стал кричать ей в самое ухо, но от этого она только зарыдала, широко распахнув глаза, из которых уже не могла выкатиться ни одна слезинка, и завывала в голос. Когда ей брызнули в лицо холодной водой, она немного пришла в себя, оправдала одежду и спросила:

— Что со мной? Я плохо себя чувствую.

Великий наставник ответил ей:

— Я сосредоточен на тебе в своей медитации. Продолжай плакать!

Коне издала три громких всхлипа и затем упала без чувств. Придя в себя, она сказала: «У меня пересохло во рту. Дайте мне пива!»

Ей дали полный кувшин пива с сушёным мясом, и она выпила его большими глотками. На ночь Дрогми оставил её спать между свекровью и золовкой, наказав им: «Если она попросит еды или питья, дайте ей всё, что она скажет. И не говорите с ней ни о смерти, ни о чём-либо подобном».

Коне проспала всю ночь. Проснувшись на утро, она принялась ощупывать своё тело, восклицая при этом: «Уж не упала ли я с горы? У меня разбито всё тело! Может, я поранила голову?»

Когда позвали великого наставника, он сказал: «Ты не упала с горы. Я сосредоточен на тебе в своей медитации. Не отвлекайся и продолжай плакать».

После этого к женщине отчасти вернулся разум, и её сознание успокоилось. Тогда Дрогми сказал: «Теперь можно давать посвящение».

Он дал ей посвящение Хеваджры. А когда он стал объяснять ей Непостижимое, она ощутила уверенность при словах:

Недвойственная изначальная осознанность,
Достигнутая посредством зрительного сознания,
Так восхитительна!⁷⁰

После этого она семь дней и семь ночей пребывала в уединении, погружённая в однонаправленную медитацию, и затем постепенно обрела достижение.

Позже она поселилась в пещере Коне к востоку от верхней части долины Мангхар. Возвращаясь в Мангхар из путешествия, предпринятого ради изготовления деревянной обложки для собрания сутр, Се Кхарчунгва проходил мимо этой пещеры. Сказав своим спутникам: «Мне нужно встретиться с сестрой в Дхарме», — он отослал их вперёд, а сам пошёл к Ремо Коне.

Они провели вместе ночь и много беседовали, сравнивая свой опыт. Утром она приготовила пищу у протекавшей поблизости

большой реки.

— Вчера тут было много суеты и шума, — произнесла она. — Почему?

— Это был караван с подношениями, которые сделали мне Шама, брат и сестра⁷¹, — сказал Се.

— Вот как! — воскликнула Конэ. — Выходит, и тебя утащил Мара?

Как говорят, Се впоследствии рассказывал об этом случае, что за всю его жизнь ему ни разу не было так стыдно, как в тот момент.

Позже Накгьял⁷² пригласила Конэ к демонице-якшине, чтобы та осуществляла у неё служение, и некоторое время она прожила там, а затем она отправилась в Уддияну.

Тем не менее, говорят, что, когда Сакья Пандита путешествовал в Монголию, и ему нужен был совет Конэ, она встретила с ним. И даже теперь в Накгьяле иногда слышат звук её кимвалов, находят свежие тормы и так далее. Так что временами, судя по всему, она до сих пор посещает нас.

Поскольку Конэ освободилась, породив уверенность в словах учителя, она служит примером преданного, у которого собрание сущностных компонентов происходит посредством благословения. Так учил мой наставник.

Шапмо Чамчик

Шапмо Чамчик родилась в местности Шап в роду Джеце. Она была единственной дочерью своих богатых родителей — остальные шестеро их детей были мальчиками. Поэтому её и называли Чамчик, что означает «единственная сестра». Она обладала всеми качествами лотосовой мудры.

Великий наставник отправил ей запечатанное письмо, в котором было сказано следующее: «Будучи лотосовой мудрой, ты много потеряешь, если останешься среди обычных людей. Приходи ко мне! Я дам тебе устные наставления».

Охваченная радостью, Чамчик собрала обильные подношения и пошла к великому наставнику. Когда Дрогми давал ей посвящение Хеваджры, во время третьего посвящения она испытала месторождённое блаженство, и совершенное медитативное сосредоточение родилось в её уме. «Породив в потоке своего ума

изначальную осознанность великого блаженства, я пребываю в экстазе! — вскричала она. — Будьте спокойны, братья!»

В течение последующих пяти лет великий наставник использовал её как опору для порождения вместерождённой изначальной осознанности. Она достигла освобождения на пути третьего посвящения и в конечном итоге отправилась в Уддияну. Её история — пример собирания сущностных компонентов у обладающего остаточной кармой посредством великого блаженства. Так учил мой наставник.

Чемо Намкха Еше

Намкха Еше называют Чемо, то есть сестрой, поскольку она была сестрой Дрома Депа Тончунга. Эта женщина обладала всеми качествами лотосовой мудры и уже с самого детства, куда бы ни пошла, везде говорила только о великом наставнике Дрогми.

Однажды Дрому Шакья Гьялу приснился сон, в котором множество женщин явились к нему и сказали: «Отведёшь ли ты свою сестру в дом великого наставника? Или нам следует забрать её сейчас же?»

Проснувшись, Дром Депа Шакья Гьял сказал: «С тех пор, как она была ещё совсем мала, она говорила только о великом наставнике, хотя никто не рассказывал ей о нём. Видно, у неё есть с ним кармическая связь. Так что будет только правильно, если она отправится к нему».

Чемо дали с собой восемь слуг и множество ценностей и отправили к великому наставнику, который в то время находился в Мангсангских скалах в Дрингцаме. Благополучно прибыв туда, Чемо поднесла Дрогми обильные дары, и после этого великий наставник полностью передал ей тайные наставления по этапу порождения Варахи Кхечари, этапу завершения центрального канала, практикам укрощения демонниц-якшинь и прочему.

Для своей практики Чемо выстроила листовенную хижину у главной дороги Шун Дракрума и питалась тем, что ей подавали на этой дороге. Практикуя, она обрела достижение.

Кроме прочего, поскольку Чемо подчинила себе якшинь, она могла сказать: «Делай как я, и будет вот так», — а затем взмахивала в воздухе пустой кожаной сумкой или пустой миской, после чего сумка

сама собой наполнялась едой, а миска — пивом. И так Чемо кормила всех, кто проходил мимо её хижины.

Некоторые, впрочем, полагают, что она обрела только обычные сиддхи.

Что касается трёх упомянутых выше женщин, все они отправились в Кхечару, не оставив своих тел. Чемо же, в свою очередь, является примером того, как собирание сущностных компонентов происходит у усердного человека посредством усилий. Так учил мой наставник.

Ученики Се Кхарчунгвы

А каким же образом последователи приходили к наилучшим ученикам великого наставника? Хотя его ученики, которые полностью получили писания, и также те, которые достигли реализации, имели много своих учеников, а те — своих, однако этой темы мы не будем сейчас касаться, а обратимся к тому, как ученики пришли к владыке Кхарчунгве — наилучшему из учеников, полностью получивших устные наставления. Поскольку он обладал великими благословениями и глубокими устными наставлениями, он оставил после себя около двухсот учеников, несомненно вставших на путь и достигших реализации, а также тридцать семь таких, которые полностью получили объяснения тантр. Но главными из его учеников считаются два брата Шангтоны — высочайшие сосуды драгоценного учения, Шама, брат и сестра, которые были средними сосудами драгоценного учения, и Сегом Джангье, который был низшим сосудом.

Два брата Шангтоны

Братья Шангтоны⁷³ родились в западном Цанге, в местечке Динг, что в Латё. Они происходили из рода Джеу и зарабатывали на жизнь каллиграфией, истиранием золота в порошок, отделкой книг и так далее. Кроме этого, у них было несколько полей и домов. Многие пользовались их услугами, поскольку оба они были очень добродетельны и искусны.

Однажды владыка Кхарчунгва позвал их, чтобы они выполнили золочение, отделку и прочее для обложек, которые он сделал для собрания сутр и «Стотысячной праджняпарамиты». Они пришли к нему, взяв с собой одного ученика. И, поскольку они были

благоденственны и имели приятный облик, не были жадными в еде и работали очень тонко, владыке Се они весьма понравились. В перерывах и в свободное время он единственных звал их к себе, хотя у него работали тогда и другие ремесленники, и вёл с ними различные приятные беседы. «Братья! — сказал он им. — Меня очень радуют ваши достоинства. Приходите ко мне всякий раз, когда выдастся свободная минутка, и мы будем беседовать». Другим же он сказал: «Наставники! Если вы будете трудиться, как эти братья Шангтоны, то мы, покровители, преисполнимся веры. И для вас это также будет очень хорошо!»

Когда же сами братья исполнились глубокой веры и стали от всего сердца прославлять владыку Се, то он сказал им: «Сейчас мы являемся покровителями, а вы — объектами подношений, потому не следует вам так делать. Но если в будущем возникнут благоприятные условия для почитания, выполняйте его без колебаний!»

Посоветовавшись, братья решили попросить у владыки Се драгоценное учение. Когда работа над собранием сутр и «Стотысячной праджняпарамитой» была завершена, владыка Се щедро одарил всех наставников и устроил для них замечательное пиршество. А после того, как все прочие разошлись, братья Шангтоны устроили ещё одно пиршество — для учителя и его ближайшего круга. Поднеся учителю всё, что было ими получено, они сказали: «Владыка! У тебя есть то, что называют драгоценным учением. Даруй его нам!»

Владыка Се ответил им: «Поскольку это ваш заработок, который вы должны использовать для собственного пропитания, я не могу принять это. Если вам нужны устные наставления, принесите мне золото из своего дома».

Вернувшись домой, братья распродали полученные ими подарки, а также поля и прочее и, добыв таким образом около пятидесяти унций золота, отправились с этим золотом обратно в Кхарчунг, где попросили владыку об устных наставлениях. Шангтон Чёбар, старший из двух братьев, сказал: «Я буду больше медитировать, а ты больше учишься», — и так они и поступили. Их преданность, поведение и прочее очень радовали наставника, так что он передал им устные наставления во всей полноте. Как-то он сказал, чтобы выразить своё одобрение: «Моё учение понимают эти два брата Шангтоны. А если сказать, кто из этих двоих, то Шангтон Чёбар».

Таким образом, старший брат посредством медитации с опорой на «Ваджрные строки» приобрёл больше понимания и прочего, чем младший своим усердием в изучении Дхармы и диспутах.

Вкратце, поскольку передача от них сохранилась до сегодняшнего дня и получила широкое распространение, и поскольку братья получили все устные наставления до последнего слова, их называют высочайшими сосудами драгоценного учения. Так учил мой наставник.

Шама, брат и сестра

Брат и сестра Шама происходили из местности Пхадрук в западном Цанге, что на юге Латё. Их отцом был Шама Дордже Гьялцен, известный под прозвищем Джива Хапша, а матерью — Гьялма Мен. Всего у этой пары было шестеро детей: старший сын Шама Сенге Гьялцен, следующий за ним — Шама Гьялцен; после них родилась Мачик Гьялмо, затем владыка Кхумбува, также называемый наставником Дзонгпой, потом Гьялчунгпа и последним — Лопон Цюнчунг.

Наилучшими среди них были Мачик Гьялмо и владыка Кхумбува. Говоря в общем, Мачик была украшена всеми достоинствами лотосовой видьи. В частности, у неё были следующие удивительные знаки на теле: красный лотос о трёх лепестках чуть выше пупка, от горла к пупку — изображение трёх драгоценных ожерелий, на лбу — стяг победы, увенчанный солнцем и луной, на обоих плечах — красные вихри блаженства, под языком — изображение утпалы с мечом, отмеченным в центре слогом тām, и так далее.

Достигнув возраста четырнадцати лет, Мачик стала женой одного из жителей Пхадрука. Но, не захотев оставаться у него, она притворилась безумной и так смогла добиться развода.

История Мачик такова. В период раннего распространения учения в Тибете правил царь Сонгцен Гампо, бывший проявлением Авалокитешвары, его китайская супруга Онгджо была проявлением Тары, а Тхёнми Самбхота — проявлением Манджугхоши. Впоследствии этот царь родился как кашмирский отшельник Джаянанда, китайская царица родилась как Мачик Шама, а Тхёнми — как Ма-лоцава Чёбар. Этот кашмирский отшельник, Цами, Абхая и другие наставники одинаково предрекли Ма-лоцаве: «В Тибете

обитает проявление Тары — лотосовая видья. Обопрись на неё для реализации вместилища изначальной осознанности. И, если будешь практиковать Самвару, быстро обретёшь достижение».⁷⁴

Следуя этому указанию, Ма-лоцава вернулся в Тибет. Он справился о той женщине, и ей оказалась Мачик Шама. Он взял её к себе, и она пошла к нему с радостью. Когда Ма-лоцава опирался на Мачик как на мудру во время посвящения в своего йидама, она воочию увидела себя и его как божество в форме яб-юм, также увидела себя как восемь богинь подношений, выполнявших подношения, и так далее.

Спустя некоторое время Ма-лоцава принял постриг и отправился в Цанг, где был отравлен. Умер он в Шапе. Эта смерть послужила толчком, и у Мачик произошло собирание сущностных компонентов, притом в очень тяжёлой форме. Она столкнулась с семью великими знаками препятствий: каждый день теряла бодхичитты примерно с горчичное зёрнышко, вороны не ели её торм, и так далее.

Когда Мачик стала справляться, кто из наставников обладает наилучшими устными наставлениями для отбрасывания таких препятствий, то узнала о славе Дампы Гьягара из Дингри⁷⁵ и отправилась к нему. Когда она рассказала Дампе о происходящем с ней, он ответил:

— Таковы последствия того, что ты не поднесла своему учителю даров, когда просила его о посвящении, без разрешения сидела на его сидении, не спросив его, служила супругой другому человеку и так далее. Поднеси дары своему учителю, если он ещё жив, а иначе — его ступе или тому, кто был дорог ему — например, его сыну.

Мачик сказала на это:

— Я не сделала подношений своему учителю при посвящении, поскольку мы уже объединили до этого всё имущество и не делили его на «твое» и «мое». Не было ничего такого, что бы я утаила!

— Твой брат тайно взял лошадь в качестве выкупа за тебя, — сказал Дампа. — Потребуется много вещей, чтобы исправить последствия этого. Принеси мне половину туши, полную капалу пива, яйцо от чёрной курицы и прочее.

Мачик так и сделала. Мясо и пиво Дампа употребил для ритуального пиршества, где собралось около восьмидесяти человек, а яйцо поместили в тайное место Мачик и оставили там на весь день.

Когда яйцо наконец было извлечено, оно оказалось полно чёрной крови; вдобавок, из него высовывался железный скорпион.

Утверждается, что по указанию Дампы Мачик также выправила узорную верхушку на внешнем реликварии Ма-лоцавы и сделала подношения его сыну. Таким образом собрание сущностных компонентов было исцелено, и в течение года она была здорова.

Затем собрание сущностных компонентов произошло вновь, и, когда Мачик рассказала об этом Дампе, он велел ей обратиться к некоторым сутрам и тантрам, а также совершить путешествие по стране. Мачик выполнила затворничество и перечитала множество сутр и тантр, но без какого-либо результата. Однако, когда она путешествовала, на берегу реки в нижней части долины Кхулунг в Ронге она услышала, как несколько молодых монахов и учеников Нубпы поют такую песню:

Ах! Тайна всех будд.
Совершенное состояние будды
Никогда не было рождено.
Из нерождённого состояния
Рождается всё.

Услышав это, она избавилась от сомнений. В её уме произошла великая перемена, которая оказалась благотворной.

Спустя год Мачик снова занемогла таким же образом, как и прежде. Когда она рассказала об этом Дампе, он дал ей барабан и велел бить в него. Ударив в барабан, она извлекла из него великий звук. Но когда она попросила затем о средстве от своих препятствий, Дампа знаком велел ей удалиться. Ей не было позволено остаться, и она решила, что устные наставления, которыми обладал Дампа, не могли помочь в её случае.

Тем временем владыка Се Кхарчунгва отправился в Пхадрук, чтобы сделать деревянные обложки для собрания сутр и стотысячной праджняпарамиты. Когда он находился в Дингри у Кечакпы Кхьюнгпо Хумкары, то приобрёл большую славу как несравненный духовный сын великого наставника Дрогми. И Кечакпа Кхьюнгпо послал Мачик письмо, где было сказано: «Почему бы тебе не спросить у владыки Кхарчунгвы средства от твоей беды?»

Щедро нагрузив лошадь маслом и ячменной мукой, Мачик и Кхумбува отправились к владыке Кхарчунгве. Они поднесли лошадь вместе со всей её поклажей, и затем Мачик рассказала свою историю. Владыка Кхарчунгва слушал её, вытянув ноги, а потом, постукивая посохом по украшению на сапоге, стал спрашивать: «Не было ли сперва с тобой такого? Не случилось ли того-то и того-то?»

Он упоминал мелкие детали, и все его слова в точности совпадали с тем, что было с Мачик, так что она пала лицом на землю, простёрлась и с великой преданностью воскликнула: «Господин! Уж не Будда ли ты?»

После этого она попросила у владыки Кхарчунгвы средства от своих препятствий, и он даровал ей посвящение Хеваджры. Также он дал ей некоторые указания, а затем сказал:

— Если хочешь подробностей, принеси Кхарчунгве богатство.

— У меня есть брат, — сказала Мачик. — Если я приведу его, может ли он тоже послушать?

— Да, он также может прийти, — сказал владыка Кхарчунгва.

После этого брат и сестра сделали троекратные подношения тройственной чистоты⁷⁶ наставнику и в дальнейшем весьма радовали его своей стойкостью перед лицом всевозможных трудностей. Владыка Кхарчунгва пожелал передать им устные наставления во всей полноте. Однако они через некоторое время почувствовали, что услышали уже достаточно, и решили покинуть его.

Тогда владыка сказал братьям Шангтонам: «Эти брат и сестра Шама славные люди. Кроме того, они подходящие сосуды для учения. Я бы хотел полностью передать им устные наставления, но они уже собираются уходить. Согласно традиции нашей линии, я не могу дать им учение, если они его не просят. Хорошо бы вам обсудить это с ними».

Братья Шангтоны сказали брату и сестре Шама:

— Похоже, что устные наставления владыки Кхарчунгвы ещё не завершены. Поскольку он очень доволен вами, вам следовало бы повременить с уходом и попросить его об оставшихся устных наставлениях. Для нас это также было бы очень хорошо.

Но брат и сестра ответили:

—Что вы говорите, почитаемые братья? Мы и так оставались здесь очень долго, трижды делали подношения тройственной чистоты,

доходили до самых Джанга и Ра. Теперь у каждого из нас осталось лишь по грубой красной одежде, чтобы защититься от мороза, и в пути нам придётся спать у животов яков. Кроме того, мы были близки к сердцу наставника, и он полностью передал нам все свои устные наставления. Если же он и сказал вам, будто что-то осталось, то ведь он мог и обмануть вас.

Сказав так, они ушли. Поэтому в рассказах об этой передаче по линии Шанга говорится: «Устные наставления были слегка неполными». Однако брату и сестре Шама было дано кое-что такое, что не было дано нам. Тем не менее, они разделяли практику посредством четырёх состояний, как в «Методе достижения Сарорухи»⁷⁷, и в качестве воззрения периода основы использовали воззрение парамитаяны, не обращаясь к нераздельности сансары и нирваны. Это указывает на некоторую неполноту полученных ими устных наставлений. Так учил мой наставник.

Как бы то ни было, поскольку для Мачик не было ничего важнее практики, она смогла достичь чудесной способности узнавать обо всём, о чём ни подумает, и научилась эманировать отделённое тело или множество тел. Как-то она сказала служанке: «Идём собирать чеснок! Но ты иди первой».

Служанка не дождалась Мачик, но пока она собирала чеснок, за ней всюду следовал голубь. А когда она вернулась, то увидела, что Мачик сидит на своей подстилке с пригоршней чеснока в руках.

— Кто дал тебе чеснок? — спросила она.

— Я сама его собрала, — сказала Мачик. — Я была с тобой на скале, когда ты чуть было не сорвалась оттуда.

В другой раз Мачик, обернувшись голубем, отправилась послушать учение о праджняпарамите, которое давал Цалунг Донгтён. Во время объяснения некоторые юные ученики кидали в неё камушки.

«Учение было очень глубоким, — говорила потом Мачик. — Но какие-то гадкие, противные дети кидали в меня камушки и мешали мне его слушать!»

А когда при Ваджрасане выполнялись великие подношения, Мачик чудесным образом отправилась туда и совершила обхождение прямо в небе. Она была одета в тибетское платье и в продолжение всего обхождения сохраняла ваджрную позу. Великий Цами⁷⁸ узнал её и стал рассказывать о ней. Индийцы преисполнились веры, и четверо

странствовавших нищих даже отправились в Тибет, чтобы попросить у неё учения.

Но она сказала им: «Поскольку я происхожу из окраинной земли и, кроме того, я женщина, я не могу быть вашим учителем», — и не стала учить. Одарив нищих четырьмя унциями золота, она отправила их восвояси.

Также она владела и многими другими чудесными способностями. Подчинив себе четырёх богинь врат из свиты Самвары, она могла сказать: «Ты, вороноликая, налей мне воды! Ты, с ликом совы, разведи мне огня!» — и в пустом горшке тут же появлялась вода, а в пустом очаге загорался огонь.

Вкратце, хотя она и стала могущественной достигшей, владыка Гонпава говорил о ней так: «Эта маленькая женщина из рода Шама могла бы реализовать вершину достижения в этой же самой жизни. Но поскольку она отличалась неумеренной любовью к распеванию дох, у неё возникли небольшие затруднения».

Как бы то ни было, в совокупности линия Мачик и её брата Шама Чёкьи Гьялпо, иначе называемого владыкой Кхумбувой, составляла восемь передач, подразделяемых на женские и мужские. Однако до сегодняшнего дня от них, по-видимому, не сохранилось ничего, кроме отдельных передач текстов. Тем не менее, брат и сестра Шама известны как средние сосуды. Так учил мой наставник.

Сегом Джангье

Когда богач по имени Сегом Джангье из Пхадрука явился в Мугулунг с большим богатством, чтобы встретиться с наставником Дрогми, ему это не удалось. Тогда он сказал: «Если даже я не получу устных наставлений у великого наставника, за одну только встречу с ним я поднесу ему этого породистого, славного коня!»

Супруга и прочие стали уговаривать Дрогми:

— Прежде ты всегда говорил своим ученикам, что если они хотят Дхармы, то должны принести богатство. Что же ты сейчас не даёшь учения, когда тебе привезли такие богатства? За одну только встречу этот человек готов поднести тебе прекрасного коня и прочее. Почему же ты не хочешь встретиться с ним?

Дрогми ответил:

— Когда прежде я говорил: «Принеси богатство», я говорил так, чтобы подчеркнуть величие Дхармы и проверить учеников, достойны ли они. Теперь же я раздал все свои учения, и золото мне больше не нужно.

И даже встречаться с Сегомом Джангье он не стал.

Тогда Сегом отправился с богатыми подношениями к владыке Кхарчунгве, и когда он попросил его об устных наставлениях, тот полностью их даровал. Но, поскольку Сегом не поддерживал практики, не развил мудрости и так далее, или поскольку не принёс другим пользы, его называют низшим сосудом. Так учил мой наставник.

Окончательное распространение и продолжение традиции
почитаемыми владыками Сакья, отцом и сыновьями

Здесь три темы: жизнь великого почитаемого владыки Сакьев, который осуществил раскрытие традиции; как он получил драгоценное учение; и как к нему пришли последователи.

Жизнь великого почитаемого владыки Сакьев, который осуществил
раскрытие традиции

Как уже говорилось выше, Кхон Кончок Гьялпо обладал множеством достоинств. Из двух его жён младшую звали Мачик Шангмо или Мачик Кхарголунгма — поскольку она была дочерью Шангшунга Гурувы и поскольку жила в Кхарголунге. Именно от этой его жены родился Сачен.

Сачен был эманацией учителя, известного как Бодхисаттва Дханашири или Дха-бодхисаттва — старшего брата или племянника великого и славного владыки Атиши. И хотя некоторые утверждают, что почитаемый владыка Сачен был проявлением Авалокитешвары, но не Манджугхоши, и даже не включают его в число семи Манджугхош линии, однако в традиции этой передачи он, напротив, не только считается проявлением Манджугхоши, но и рассматривается как главный из этих семи.

Великий и славный владыка Атиша предрёк, что согласно благому знаку — семи слогам дхи, которые он узрел на белой земле Сакья, в будущем на землю Сакья явится семь проявлений Манджугхоши. Согласно этому, великий почитаемый владыка Дракпа Гьялцен и говорит: «Манджушри, приняв человеческую форму...»⁷⁹ Таким образом, в данной традиции к семи Манджугхошам причисляют Сачена, двоих его сыновей, дядю — дхармараджу Сакья Пандиту и племянника — Чёгьяла Пхакпа, а также братьев — Джамьянга Донью Гьялцена⁸⁰, которого некоторые видели как Манджугхошу, восседавшего на льве, и владыку Ламу Дампу, которого Геше Шераб Дордже видел как Манджугхошу, излучавшего свет.

Таким образом, Сачен был проявлением Манджугхоши. Однако это не значит, что он не был Авалокитешварой. Когда некий человек из Кхама сказал ему: «Говорят, что ты Авалокитешвара. Если ты не явишь мне доказательства этого, я убью себя!» — Сачен поднял правую руку в жесте дарования высшего достижения, и на ладони этой

руки был виден глаз — указание на тысячу рук и тысячу глаз Авалокитешвары. Согласно этой и другим подобным историям, Сачена также называют Почитаемым Владыкой Великой Доброты. Так учил мой наставник.

Сачен, совершенный наставник, получил посвящение Хеваджры и также различные писания и наставления от своего отца. Когда тот скончался, были выполнены астрологические расчёты, и вышло так, что всё будет благоприятно, если в течение одного дня провести назначение на монастырскую должность, заложить фундамент внешнего реликвария и выполнить все погребальные ритуалы.

Монахи и покровители желали, чтобы место в монастыре занял сам Сачен; однако его мать настояла на обратном, сказав: «Это было бы неправильно. Будучи юным, он должен учиться. Кроме того, и его отец говорил, что в учении переводчика мало ложного, и очень ценил это учение. Так что лучше пусть учится».

Поэтому пригласили владыку Бари-лоцаву⁸¹, жившего в Сакья в местности Юкхармо. Он принял на себя ту должность, заложил фундамент реликвария Кхонов и выполнил погребальные ритуалы — всё за один день.

Сачену же он сказал: «Как сын благородного, ты должен иметь понимание учения, а для этого тебе понадобится мудрость. Поэтому вот тебе практика для начала», — и передал разрешение на практику Манжугхоши Арапачана. Сидя в славной Пещере Манджугхоши, что в Сакья, вместе с самим Бари-лоцавой, Сачен практиковал Манджугхошу, пока не появились некоторые знаки препятствий в практике. Тогда Бари передал ему водную защиту гневного синего Ачалы и прочее.

Практикуя, Сачен освободился от препятствий и спустя шесть месяцев воочию узрел лик почитаемого владыки Манджугхоши. В его видении Манджугхоша сидел в сукхасане на драгоценном троне, выполняя мудру колеса Дхармы, и цветом был подобен чистому золоту. По сторонам от него стояли бодхисаттвы, которые также были чистейшего золотого цвета. Обращаясь к Сачену, Манджугхоша произнёс наставления об отсечении четырёх привязанностей, кратко выражающие самую суть пути махаяны. С этого момента Сачен легко достигал понимания любых учений.

Тем временем, старейшины Сакья собрались и после некоторой дискуссии приняли следующее решение: «Владыка Сачен должен заниматься учёбой. А поскольку абхидхарма очень важна, будучи основой для объяснения Дхармы, будет правильно, если он изучит её прежде остального. И далее, поскольку Дрангти Дарма Ньингпо — очень сведущий в абхидхарме учитель, лучше всего послать Сачена к нему».

Когда Сачен прибыл в Нугрмик, что в Ронге, чтобы учиться у Дрангти, оказалось, что все монахи уже собрались. Сачен не смог найти себе дом, поэтому просто развесил в переулке одеяло и жил за ним. Как-то один из монахов, которого звали Ярдрок Кхорлева, заболел разновидностью чёрной оспы, и за ним некому было ухаживать. Сачен не мог этого вынести и стал ухаживать за ним сам, и вследствие этого он также заразился и слёг.

В Сакья в то время жил человек по имени Апхо Пхактон, про которого некоторые говорили, что он обрёл ясновидение благодаря своей практике, а другие — что он просто видит призраков. Однажды, когда он грелся после завтрака на солнце, ему привиделось, что со стороны Драчунга к нему скачет на чёрной лошади человек в длинных расшитых одеждах и церемониальной широкополой шляпе. Хлеща лошадь, этот человек ворвался в землю Сакья и воскликнул: «Кунга Ньингпо болен! Он того и гляди умрёт! О чём только вы думаете, люди Сакья!»

Когда Апло Пхактон рассказал об этом матери Сачена, она сказала: «Несомненно, как говорит Апхо, так оно и есть. И в этом нет ничего хорошего!»

Позже прибыл и вестник, который пересказал те же слухи. Мать Сачена подумала: «Если владыка умрёт, что толку будет возвращаться в Сакья?» За исключением дхармового имущества, она всё обратила в золото и с этим золотом поспешила к Сачену.

Когда Сачен увидел свою мать, из глаз его потекли слёзы, потому что, будучи ещё совсем молодым, он лежал теперь, умирая от тяжёлой болезни, в далёкой чужой земле. Чтобы вселить в него мужество, мать сказала ему: «Если даже ты и умрёшь здесь, это будет прекрасно, потому что ты умрёшь в окружении собрания монахов, обширного, как океан».

Однако Сачен не умер; оправившись от болезни, он превосходно изучил абхидхарму под руководством Дрангти и его помощника — Джангчепы Кхьюнга.

После этого Сачен пожелал изучить эпистемологию и отправился в верхнюю часть долины Ньянг, где слушал «Точность эпистемологии»⁸² у Кхьюнга Ринчен Драка и его помощника Медикпы. Однако тут его призвали обратно в Сакья старейшины, передав ему: «Изучить эпистемологию ты можешь и позже, а Бари уже в почтенных годах, так что лучше бы тебе поспешить получить у него устные наставления».

Сачен полностью получил у владыки Бари циклы Чакрасамвары, Хеваджры и Ямари, а также все наставления Бари — «Сто методов достижения»⁸³ и остальное. Передав почитаемому владыке Сачену руководство монастырём, Бари удалился в пещеру Лингбар, что в Джанге, и там отошёл в нирвану.

После этого старейшины сказали Сачену: «Наше родовое учение — писания и устные наставления, переданные владыкой Дрогми. Ты должен найти способ получить их совершенным образом».

Сачен стал выспрашивать, где можно получить такие учения, и, узнав, что в Гьичу, что в Джанге, живёт Кхон Дралхабар⁸⁴, который весьма сведущ в писаниях и приходится ему родственником по отцовской линии, отправился к нему.

Получив у Кхона Дралхабара предварительную часть посвящения Хеваджры, Сачен увидел сон, где над чрезвычайно обширным тёмно-красным потоком, который называли океаном сансары, простиралось три моста, опирающихся на колонны из шариков теста, и многие умоляли его: «Пожалуйста, переведи меня на тот берег! Пожалуйста, переведи меня!» — и Сачен перевёл трёх людей по всем трём мостам, семь человек по двум и ещё множество по одному, а затем устроился отдыхать на солнце на склоне горы под названием Малайя.

Когда утром Сачен рассказал наставнику Гьичуве об этом сне, тот шутливо сказал: «С твоими силёнками больше трёх и не перевести!»

Наставник очень высоко ценил Сачена и свободно передавал ему учения. От него Сачен получил цикл Хеваджры, переданный Дрогми Нгарипе Салвай Ньингпо, Хеваджру традиции махасиддхи Кришны,

переданную Гё-лоцавой, Чакрасамвару линии Пхамтхингпы, которую Гьичува получил у Мал-лоцавы, и так далее. Всем этим он вполне овладел.

Однажды Сачен услышал, что Се Кхарчунгва направляется в Докук, чтобы возглавить там дхармовое собрание. Многие молодые ученики Гьичувы собирались его посетить. И хотя вообще великий наставник Сачен не любил зрелищ и прочего, но поскольку владыка Кхарчунгва пользовался большой славой, то Сачен пожелал лично увидеться с ним и пошёл вместе с другими учениками.

Сидя во главе, владыка Кхарчунгва во множестве отпускал язвительные замечания и задавал вопросы каждому из молодых учеников Гьичувы. Дойдя до великого Сачена, он спросил его:

— Кто ты, о благородный сын?

— Я из Дромпхука, — ответил ему Сачен.

— Там жил один из моих учителей, — сказал Се. — Теперь его уже нет среди нас. Я хотел посетить его, но так и не посетил. Говорили, там был некто по имени Барива, но я не пожелал идти к нему. Как там дела теперь?

— Я его недостойный сын, — сказал Сачен.

— Не обманывай меня, благородный сын, — воскликнул Се, — У моего учителя не было сыновей!

Великий Сачен не нашёлся, что на это ответить. Но когда другие ученики рассказали владыке Кхарчунгве его историю, тот присел на секунду с зажмуренными глазами, а затем произнёс: «Обозрев свою духовную практику и знаки ветров, я вижу, что так и есть. Неверна поговорка, будто живой и мёртвый никогда не встречаются. Сейчас пришло время именно для такой встречи».

Се посадил великого Сачена к себе на колени, прижал его к сердцу и стал поливать слезами. Следующие три дня они провели, сидя на соседних подушках. Се дал Сачену превосходное объяснение внутренней структуры и содержания устных наставлений драгоценного учения, а затем сказал: «В этом дряхлом старике, которого ты видишь перед собой, скрыто учение. Приходи ко мне, не откладывая. Если ты решишь, что с этим можно повременить, то к тому моменту, как ты соберёшься, я буду уже мёртв».

Потом Сачен и другие ученики вернулись в Гьичу. Великий наставник хотел сразу же отправиться в Кхарчунг и уже успел собрать

дорожный мешок, но тут монах Тонпа Дордже О, с которым он был дружен, сказал ему: «Вообще, если практик тайной мантры что-либо делает, то лишь после того, как спросит на это разрешения у учителя. А среди нас — среди стольких монахов — нет ученика, которого наставник Гьичува ценит бы больше тебя. Так что не следует тебе уходить без разрешения».

— Я не могу просить разрешения, — сказал Сачен, — потому что у меня нет подходящего для этого подарка.

Тогда Дордже О дал ему шёлковый шарф. Понимая, что Дордже О прав, Сачен отправился к Гьичуве, чтобы получить его разрешение.

— Почему ты уходишь? — спросил Гьичува.

— Я хочу попросить о драгоценном учении.

— Об этом Се говорят, что у него слишком хорошо подвешен язык. Он просто собрал учения, оставшиеся после моего учителя Нгарипы⁸⁵, и объясняет их. Никаких устных наставлений у него нет. Не ходи к нему, — сказал Гьичува и не дал своего разрешения.

В благодарность за полную передачу писаний Сачен пригласил Гьичуву в Сакья. Он устроил большое дхармовое собрание и исполнил желания своего учителя.

После этого Сачен всё же решил пойти в Кхарчунг. Но едва он собрал необходимое подношение — около трёхсот поклаж ячменя, не считая прочего, — как Гьичува заболел, и Сачена позвали к нему. Но к тому времени, как он прибыл, Гьичува был уже мёртв. Его последняя воля гласила: «Прими монашеские обеты и руководи этим монастырём Кхонов».

Выполнив для Гьичувы все погребальные ритуалы и прочее, Сачен вернулся в Сакья и стал готовить себе монашеские одежды. Услышав об этом, наставник Нам Кхаупа призвал его к себе и спросил: «Зачем ты готовишь эти жёлтые одежды?»

Когда Сачен рассказал ему, что произошло, Нам Кхаупа строго произнёс: «Все наставники равны, но чем смотреть в мёртвое лицо мёртвого учителя, посмотри на моё лицо — живое лицо живого наставника — и не принимай пострига!»

Сачен послушался. Благодаря этому, впоследствии появились на свет почитаемые братья⁸⁶, и так далее; таким образом, наставник Нам Кхаупа проявил большую заботу о Сакьях. Так учил мой наставник.

Но, хотя Сачен не принял монашеских обетов, монастырём Гьичувы он всё же управлял.

Поскольку Гьичува был учеником Мал-лоцавы, Сачен собрал оставшиеся после него тексты по циклу Чакрасамвары, которых было немалое количество, и отправился с ними к Мал-лоцаве в Гунгтханг. Наставник Мал сказал великому Сачену: «Некоторые проводят с Дхармой всю жизнь, а другие тратят на достижение её понимания не больше мгновения». Как решили его ученики, он остался не в большом восторге от понимания Дхармы Саченом.

Но когда Мал-лоцава и несколько его учеников разбирали мантру Бхайравы и оказались в большом затруднении, Сачен, который до того сидел в отдалении, подошёл к ним и предложил: «Не стоит ли сказать этого так-то и так-то?» Наставник Мал воскликнул: «Те, кого я считал знающими, не знают, а тот, кого я считал незнающим, знает!» — и, сказав это, пошёл прочь.

Великий Сачен был очень смущён и подавлен. Он снова сел поодаль от прочих. Но когда никто из учеников не держал тексты, ветер подхватил их и отнёс прямо к тому месту, где он сидел. Сачен собрал листы и поднёс их наставнику Малу, вложив в его руки.

«Хороший знак!» — воскликнул Мал-лоцава. Он сделал и ещё несколько подобных замечаний, но особенно рад не был и дал Сачену только несколько разрозненных тайных наставлений, таких как «Восемь ветвей».

Когда Сачен собрался возвращаться домой, наставник Мал сказал ему:

— Есть люди, которые говорят, будто даруют посвящение, а сами лишь насыпают ячменной мукой восьмилепестковый лотос на треснутом щите, лежащем в загоне для скота, да ещё повязывают шерсть вокруг горла кувшина. Не будь как они! Не растрачивай моё учение попусту!

— Как я могу поступить таким образом с Дхармой своего учителя? — ответил ему Сачен и после этого направился в Сакья.

По пути он встречал кочевников Сангью, а поскольку как благородный сын Сакьев он пользовался большой известностью, к тому времени, как он достиг дома, у него было уже семнадцать унций

золота. Всё это золото он передал одному тантристу, наказав поднести его Мал-лоцаве.

Когда посланец прибыл, Мал-лоцава находился на дхармовом собрании и руководил им. Услышав о пришедшем, он сказал: «Верно, это голодный человек, которому нечего есть. Если найдутся вино и мясо, вынесите ему на порог». Но когда наставнику сообщили о подношении, он самолично вышел наружу и спросил:

— Что у тебя за подношение?

— Немного золота.

— Сколько десятых долей унции?

— Семнадцать унций, — ответил посланец.

Наставник Мал добавил ещё целую унцию из собственного кармана и сказал: «Это подношение благородного сына Сакьев. Теперь оно составляет полных восемнадцать унций. Поднеси их в центре собрания!»

Для Сачена же он передал послание, где говорилось: «Ты заслуживаешь наивысшего доверия. Я не сразу понял это вполне. Теперь у старика есть для тебя Дхарма; приходи поскорее».

Прочитав это, Сачен тут же отправился к Мал-лоцаве, который на сей раз полностью передал ему необычное объяснение Чакрасамвары для учеников, восходящее к махасиддхе Наропе, тайные наставления Ямари, йога-тантры, переданного Лоченом Панджаранатху и прочее. Также он передал Сачену священные предметы и сделал его своим преемником в учении⁸⁷. Так учил мой наставник.

Как почитаемый владыка Сакьев получил драгоценное учение

После дхармового собрания Гьичувы великий наставник Сачен хотел сразу же отправиться к Се Кхарчунгве. Однако Се скончался почти одновременно с Гьичувой, и Сачен не смог получить у него драгоценное учение.

Когда Сачен стал разузнавать, у кого теперь лучше всего получить драгоценное учение ламдре, ему рассказали о братьях Шангтонах, которые были лучшими из учеников Се. Более сведущим из двух был Сиджибарва, младший. Но он к тому времени уже умер. Оставался старший из братьев — Чёбар. Сачен решил, что надо пойти к нему, и заговорил об этом с наставником Нам Кхаупой.

— Чего ты добиваешься? — спросил его Нам Кхаупа.

— Хочу попросить о драгоценном учении, — ответил Сачен.

— Эти так называемые преданные практики медитации — великие лжецы. У него нет никаких устных наставлений. А если ты хочешь достичь состояния будды, я научу тебя методу достижения, и ты будешь медитировать.

— Я уже всё решил! — сказал Сачен, и, поскольку он был непреклонен, Нам Кхаупа отпустил его.

Сачен взял с собой человека по имени Апо Гьялпо, дал ему броню, и они отправились в путь — как наставник и его слуга. Когда они прибыли в Динг, владыка Гонпава сидел на стрельбище, пряд нить и бормотал всякие пустяки. Поверх нижней одежды на нём была только накидка из козлиной кожи, и его волосы были спутанными и влажными.

Остановившись на краю в овраге, великий Сачен спросил у проходившей мимо девушки:

— Где у вас здесь живёт человек по имени Шанг Гонпава Чёбар?

— Шанга Гонпаву я не знаю, — ответила она, — но если тебе нужен дядюшка Чёбар, то он там, — и она показала в сторону стрельбища.

— Попроси его подойти сюда, — сказал ей Сачен.

Когда Шангтон подошёл, Сачен разостлал перед ним белую одежду, которая у него была, и сказал: «Пожалуйста, садись».

Но Шангтон не пожелал садиться. Когда же Сачен сделал перед ним простирания, он сказал:

— А к тому ли человеку ты обращаешься? Ты выглядишь, как ученик, пришедший издалека, — вдобавок, последователь новых переводов.

— Именно к тому, — ответил Сачен и поднёс в дар броню.

— Ну, теперь уж ты точно ошибся! — воскликнул Шангтон. — У меня нет ничего, кроме пропитания, которое мне приходится искать себе днём и ночью. Что же такое ты хочешь одолжить у меня, что даёшь мне в залог целую броню?

Он выглядел обеспокоенным.

— Я не прошу ничего одалживать мне. Я прошу тебя передать мне драгоценное учение, — сказал Сачен.

— О чём только ты говоришь? — произнёс Шангтон. — Я не то, что не знаю этого учения, но и вообще впервые слышу о нём от тебя. Я

могу объяснить только малые учения — кое-что из «Дзогчен Чамунди» и «Цикла брамина»⁸⁸; но, поскольку последователи новых переводов относятся к этим учениям с подозрением, то и ты, я думаю, не будешь иметь в них веры. Уходи!

Поскольку Сачен предполагал, что Шангтон может согласиться передать учение, если проявить большую настойчивость, то сказал:

— Уже поздно; я не смогу сейчас никуда добраться. Мне нужно какое-то место, чтобы переночевать.

— У меня нет ни дома, ни другого места, где можно было бы принимать гостей, — ответил Шангтон. — Так что у меня тебе остановиться негде. А останешься ты или уйдёшь — дело твоё.

Ничего не желая отвечать на это, Сачен пошёл прочь.

— И заberi свою броню! — крикнул ему вдогонку Шангтон.

— Я уже поднёс её и не собираюсь брать себе снова, — ответил Сачен.

И, поскольку ни Сачен, ни Шангтон не взяли её, она так и осталась лежать в высохшем овраге.

Великий Сачен подумал: «Судя по тому, как вёл себя этот человек, у него действительно может и не быть драгоценного учения. Накронг-лоцава теперь в Чактханге; пойду к нему и разберусь во всём как следует».

Он отправился в сторону Чактханга и дошёл уже до развилки на дороге, когда Тонпа Дордже О (которого в дальнейшем ещё называли Шангом Кьябпой, и которому приходился сыном Джосе Очок) спросил у владыки Гонпавы:

— Чего хотел от тебя этот человек, который пожелал с тобой встретиться?

— Он сказал, что ему нужно драгоценное учение.

— И что же ты ответил ему?

— Что я ни о чём подобном не знаю.

— Когда мы были в Кхарчунге, туда пришли несколько молодых учеников Гьичувы. Одному из них Се Кхарчунгва сказал: «Ты сын моего учителя», — посадил его к себе на колени и оросил слезами. Если это был тот самый человек, что вполне вероятно, не повредит ли отказ твоим обетам самаи?

— Ах! — воскликнул Шангтон. — Это действительно может нарушить мои самаи. Но я не знал обо всём этом! Беги скорее и

выясни, тот ли это человек. И если не тот, пусть идёт дальше, а если тот, то его нужно вернуть.

Тонпа Дордже О бросился бежать за Саченом и нагнал его у дорожной развилки. Поговорив с Саченом об упомянутом случае, Тонпа Дордже О убедился, что это действительно тот самый человек, и пригласил его вернуться обратно.

«Я не хочу, чтобы другие знали о нашей встрече, — сказал на сей раз Сачену Шангтон. — Давай поговорим с тобой в уединённом месте».

Он отвёл Сачена в одно из ущелий верхнего Динга и там спросил его:

— Кто сказал тебе, что у меня есть драгоценное учение?

— Я слышал об этом от владыки Кхарчунгвы, — ответил Сачен.

— Почему же ты не попросил об этом учении самого владыку Кхарчунгву?

— Владыка Гьичува не разрешил мне пойти к нему, поэтому я и не смог получить у него учение.

— Правду говорят, что иногда мары являются в образе учителей и настоятелей, — произнёс Шангтон.

— Не говори так, — сказал Сачен. — Владыка Кхарчунгва и наставник Гьичува покинули этот мир почти одновременно. Так что если бы я пошёл тогда, то не дослушал бы объяснений Гьичувы, а устных наставлений Кхарчунгвы всё равно бы не получил. Гьичува знал это.

— Я просто пошутил, — пояснил Шангтон. — Разве Гьичува мог совершить ошибку.

Коротко говоря, владыка Гьичува знал, что Сачену суждено стать учеником Шанга Гонпавы. Так учил мой наставник.

После этого наставник Шангтон сказал: «Устные наставления я получил полностью. Но поскольку текстов не существует, а сам я ни разу ещё никого не учил, мне понадобится некоторое время на то, чтобы собраться с мыслями. Кроме того, было бы неправильно давать объяснения сразу же после просьбы о них. Тебе следует попросить меня, по меньшей мере, три раза».

— Я попросил тебя только что и ещё вчера, а это уже две просьбы, — сказал Сачен. — Если я ещё раз попрошу тебя завтра перед уходом, этого будет достаточно?

— Поскольку ты уже получал объяснение внутренней структуры драгоценного учения у владыки Кхарчунгвы, я должен буду по крайней мере прислушаться к твоей просьбе, — сказал Шангтон. — Как бы то ни было, скоро сюда прибудет множество великих и малых пандитов на собрание в память о Сетоне Дорджунге. Нехорошо было бы старому йогину давать Дхарму в одно и то же время и в одном и том же месте со всеми этими пандитами. Кроме того, этой осенью мне нужно будет собрать подношения за объяснение Дхармы кое-каким мирянкам. Поэтому приходи ко мне следующей весной!

Сачен так и сделал. В качестве подношения он принёс с собой тринадцать унций золота, да ещё тёплый плащ для Дордже О — в благодарность за его доброту. Но поскольку Дордже О к тому времени уже умер, плащ достался его сыну Очоку.

Говоря вкратце, получать полное объяснение драгоценного учения великий наставник начал в возрасте двадцати восьми лет. Само драгоценное учение он получал четыре года, а затем ещё четыре года слушал последующие циклы пути.

И далее, надо сказать, что владыка Гонпава в основном придерживался тайного поведения и делал вид, будто вовсе не медитирует и не учит — разве что иногда объясняет мирянкам кое-что из Дхармы. Казалось, что он проводит всё время в совершенно обыденных делах: то помогает местным с разными работами, то собирает по дорогам человеческие и собачьи испражнения, чтобы удобрить свой участок, то занимается ещё чем-то подобным.

Когда по весне владыка Гонпава собирал навоз, то сколько бы деревенских жителей ни говорило ему: «Дядюшка Чёбар, собери-ка у нас навоз!» — он никому не отказывал.

Его жене это очень не нравилось; она говорила ему: «Уж не думаешь ли ты обслужить всех их одновременно? Или ты хочешь, чтобы дело кончилось дракой?»

Однако учитель просто являл на каждом участке по отдельному телу и так удовлетворял пожелания всех просителей.

Подобным же образом, когда приходила пора вспахивать землю, собирать урожай или выполнять иную работу, владыка Гонпава являл множество физических форм по числу позвавших его; но, поскольку каждый полагал, что имеет дело с самим Шангтоном, то никто,

видимо, не сознавал, что он способен проявляться во многих телах. Так учил мой наставник.

Что касается подобных чудес, когда устные наставления были завершены, и пришло время дать пророчество о практике, Шангтон отвёл владыку Сачена на крышу и сказал ему: «В ваджраяне нет ничего, что было бы важнее медитации. Нас было двое братьев. Мой младший брат с великим усердием изучал объяснения трактата, я же медитировал. И хотя медитировал я не так уж много, всё же я обрёл более глубокое понимание трактата, чем он. А чтобы ты не сомневался в моих словах, сейчас я кое-что покажу тебе».

Набросив козлиную шкуру, Шангтон вышел наружу. У дома стояла большая потрёпанная корзина. Шангтон накрыл её шкурой, а сам забрался под неё, и вскоре из-под этой корзины стали во множестве вылезать дикие животные, сделанные из различных драгоценных субстанций. Они имели всевозможные формы, различались мехом и расцветкой. Никогда раньше Сачену не приходилось видеть таких созданий! Они заполнили собой весь Динг, а потом стали растворяться одно в другом и наконец вернулись обратно в корзину.

Затем из-под корзины вылетело множество птиц. Они также были из различных драгоценных субстанций, имели разные формы и окраску. Весь Динг был заполнен этими птицами. Потом они также растворились одна в другой и вернулись в корзину.

После этого Шангтон явил в воздухе перед корзиной фигуры глав трёх духовных семейств⁸⁹ — обладавшие природой света, посреди радуг и сияния — а затем вновь растворил их.

Потом владыка Шангтон Гонпава заполнил всю долину Динг своими собственными образами, являвшими нераздельность формы и пустоты. Он сел на каждую из корзин, и затем из его тела изошло невообразимое число разноцветных лучей, и вся долина обратилась в свет. Наконец, когда все Шангтоны растворились один в другом, владыка Шангтон вылез из-под корзины, встряхнул свою шкуру, надел её и вернулся в дом.

После этого он дал Сачену следующее пророчество: «Если важнее всего для тебя будет практика, ты сможешь достичь махамудры в этом самом теле, не отбрасывая его. Если же ты больше будешь

учить, то трое из твоих учеников обретут высшее достижение, семеро достигнут терпения, и ещё около восьмидесяти будут украшены реализациями. Не записывай этих устных наставлений в течение восемнадцати лет. Не упоминай, что обладаешь ими, — не произноси даже их названия. Когда же названный срок пройдёт, ты станешь хозяином учения, и тогда сможешь делать с ним, что пожелаешь — и составлять о нём тексты, и объяснять другим».

Отдельные части драгоценного учения Сачен также получил у Кьюры Акьяпа, Шама Кончока и Дрангьюла Олкавы. Позднее первые двое из упомянутых стали его собственными учениками. Так учил мой наставник.

«Ваджрные строки» Сачен освежал в памяти ежедневно, а обширный путь — ежемесячно, и не допускал нарушений этого правила. Однако прежде, в Гунтханге, он был отравлен монахом, который его ненавидел. И, хотя его вылечили от отравления с помощью лекарства под названием *сомо цици*, однако часть яда осталась в его теле, и когда он находился в Йеру в монастыре Дронгчунг, яд снова подействовал на него, от чего он впал в беспамятство, в котором находился около трёх недель. Оправиться от болезни ему удалось, но действие её было таково, что он совершенно забыл Дхарму.

«В отношении других наставлений я могу опереться на друзей, книги и прочее, — думал Сачен. — Но, что касается драгоценного учения, то учителя уже нет в живых, текстов не существует, а никто из моих друзей с этим учением не знаком. Если бы даже я отправился в Индию, вряд ли я смог бы получить эти наставления заново!»

Он ушёл в затворничество в пещере Манджугхоши, что близ восточного дворца, называемого Старой Резиденцией, и стал возносить молитвы. Через некоторое время Шанг Гонпава явился ему во сне и дал устные наставления. Сачен стал молиться ещё более ревностно, и тогда владыка Гонпава явился ему воочию и передал устные наставления во всей полноте.⁹⁰ При этом Сачен вспомнил и другие наставления, которые забыл.

Потом Сачен опять стал усиленно молиться и в конце концов узрел лики пятерых — властителя и его свиты. Вирупа, почитаемый Владыка Йогинов, обладал в том видении телом тёмно-красного цвета

и пребывал посреди величественного сияния, равного сиянию десяти миллионов солнц. Он восседал в ваджрной позе у склона белой земли Сакья, охватывая её от Балдрока до Мондрока⁹¹, и руки его были сложены в мудру колеса Дхармы. Справа от него был махасиддха Канха — левой рукой он выполнял мудру медитации, правой поддерживал рог, в который трубил. А слева сидел со скрещенными ногами Гаядхара в просторном одеянии пандита из белого хлопка и держал у сердца перекрещенные ваджру и колокольчик. Сзади Коталипа поддерживал зонт, спереди Винапа разливал нектар из капалы, придерживая её обеими руками.⁹² Все трое сиддхов были тёмно-синего цвета, с заплетёнными в узлы волосами, одетые в короткие белые хлопковые штаны.

[В течение месяца] Вирупа являлся Сачену — иногда один, иногда с окружением — и за этот месяц Сачен получил гуру-йогу глубокого пути, общую и специальную охранные практики Вирупы, Видарану традиции Вирупы, и сверх того — семьдесят две тантры. Таким образом, поскольку Сачен напрямую слушал самого Владыку Йогинов, две передачи слились в нём воедино.

Когда восемнадцать лет, на которые Шангом Гонпавой был наложен запрет, истекли, к Сачену пришёл с просьбой об учении бодхисаттва Асенг, сын Кьюры Акьяпа. Он сказал: «Ты обладаешь драгоценным учением, однако до сих пор даже не упоминал о нём при нас. Пришло время тебе учить!»

Поскольку эта просьба точно совпала с завершением указанного Шангом срока, Сачен воспринял это как благословение наставника и наедине передал Асенгу драгоценное учение. Для блага этого ученика он также составил текст «Краткое объяснение трактата». Это был самый первый письменный комментарий в традиции этой линии. Так учил мой наставник.

Потом Сачен также учил Пути и плоду по три ученика сразу, позже по пять, а ещё позже по двадцать пять и даже несколько более двадцати пяти — хотя он всё же не собирал таких больших групп, как это делается теперь. В первое время Сачен каждый раз устраивал по три ритуальных пиршества. Впоследствии он оставил лишь два из них: одно в самом начале и второе — когда происходит восстановление самай.

Приведя, таким образом, к созреванию и освобождению безграничное множество учеников, Сачен явил уход в блаженство в монастыре Кьяво Кхаданг, что в Джанге, причём отправился сразу в четыре чистых земли, проявив для этого четыре телесных формы. Одна из них отошла в Сукхавати, вторая — в Поталу (то есть в места пребывания самбхогакаи и нирманакаи Авалокитешвары соответственно), третья — в мирскую землю Сердокчен, которую должно было очистить для главного духовного сына⁹³, а четвёртая — в страну Уддияну. Последнее было указанием на то, что Сачен был владыкой всей ваджраяны, поскольку именно там находятся все тантры ваджраяны. Так учил мой наставник.

Когда тело Сачена было подвергнуто кремации, многие ученики узрели его как Чакрасамвару, а некоторые — как Хеваджру. Когда же весной его прах развеяли над озером, то на поверхности воды возникла красная плёнка, которая приняла вид опорной и поддерживаемой мандал Чакрасамвары. Согласно древним текстам, именно по этому изображению и была выполнена роспись потолка в его усыпальнице. Но теперь говорят, что она опиралась на образы, проявившиеся в дыму при сожжении его тела. Так учил мой наставник.

Каким образом великий учитель Сакьев составлял тексты по драгоценному учению? Если сложить всё, что написал он сам, и что записали ученики, основываясь на его словах, получится порядка двадцати объяснений трактата. Главными из них считают одиннадцать комментариев. Списки этих одиннадцати в разных местах различны. По мнению Дакчена Ринпоче⁹⁴, это комментарии, данные для (1) Асенга, (2) Шу, (3) Лока, (4) жены, (5) сыновей, (6) Да, (7) Санга, (8) Га, (9) Манг, (10) Ау и (11) Ньяка. В «Восхвалении владыки Сачена», составленном Шуче⁹⁵, сказано: «Ты наставил писаниями восемь учеников и трёх учениц, полностью получивших устные наставления».

В пришедшем из рук Ярлунгпы⁹⁶ древнем тексте, где принимается тот же перечень, и который поэтому признаётся нами за достоверный, приведены следующие пояснения.

(1) Первым комментарием, как уже сказано, было «Краткое объяснение», составленное по просьбе бодхисаттвы Асенга. Причём есть более пространная и более краткая версии этого текста.

(2) «Объяснение для Шуче» было испрошено Шуче Нгёдрупом.
(3) «Объяснение для Локьи» было испрошено Локьей Чёдраком из Гьербу.

(4) «Объяснение для супруги», было составлено на благо Мачик Цецы, старшей из двух жён наставника и матери его старшего сына Кунга Бара. В этом тексте для этапа порождения применялся Чакрасамвара. Он несколько отличался от того, который мы теперь называем «Объяснением на благо супруги». Так учил мой наставник.

(5) «Объяснение на благо сынов» было составлено из отдельных замечаний, касающихся трудных мест, которыми изобилуют «Ваджрные строки». Этот текст был записан ради блага кровных сыновей Сачена (почитаемых братьев) и затем отредактирован его духовным сыном — Ньеном Пхулджунгвой Цуктором Гьялпо, также известным под именем Сонома Дордже.

(6) «Объяснение для Дагьяла» было составлено для бодхисаттвы Дава Гьялцена.

(7) «Объяснение для Сангри» было составлено на благо духовного друга Сачена — Сангри Пхукпа.

(8) «Объяснение для Гатхенга» Сачен составил для кхамца по имени Гатхенг после того, как обнаружил, что тот не вполне точно передаёт его слова в своих собственных записях.

(9) «Объяснение для Мангхар» было составлено ради блага госпожи Мангчунг.

(10) «Объяснение для Госпожи Ау», было составлено ради блага женщины, которую называли Госпожой Аума, поскольку после очищения рождения в теле собаки она лаяла по-собачьи.

(11) «Объяснение для Ньяка» было составлено Саченом для блага его духовного друга Ньяка Ширавы Вангчука Гьялцена.

Таковы одиннадцать. Из их числа текст «Объяснения для Асенга» был составлен самим Саченом. Большинство же остальных записано руками его учеников в точном соответствии с его словами, и затем отдано ему для проверки, так что и этим текстам можно вполне доверять. Так учил мой наставник.

Что касается передач текстов этих комментариев, то непрерывные линии передачи сохранились только для «Объяснения для Асенга», «Объяснения на благо сынов» и «Объяснения для Ньяка». Так учил мой наставник.

Каким образом к почитаемому владыке Сакьев пришли последователи Согласно предсказанному владыкой Гьичувой и владыкой Гонпавой, большинство современных Сачену сведущих и реализованных наставников приняли его как своего учителя. Тем не менее, говорится, что главными его учениками были трое, которые обрели высшее достижение, семеро, которые достигли терпения, а также восемьдесят украшенных реализациями. Имена последних мы, однако, не упоминаем.

Трое, кто обрели высшее достижение Цейлонский нищий

На острове Цейлон, расположенном неподалёку от Индии, некий настоятель и архат школы Стхавира предрёк другому монаху, что тот сможет обрести высшее достижение от проявления Вирупы в Тибете, именуемого Сакьяпой.

Следуя этому указанию, двое странников отправились из Цейлона в Тибет. Один из них дошёл только до Непала, но другому удалось достичь Гунтханга, где находился в то время великий наставник Сачен, и встретиться с ним. Поднеся великому наставнику множество различных лекарств и парчовый балдахин-гагулу тонкой работы, он получил посвящение и устные наставления. Спустя шесть месяцев он обрёл высшее достижение и, не оставляя тела, удалился к славным горам Шрипарваты.

Гомпа Кьибар

Человек, которого знали под именем Гомпы Кьибара, был уроженцем Мангхар Трангока. Когда в Самлинге он практиковал большие и малые вокализированные вдохи на пути четвёртого посвящения, то на перевале Такце слышали голос, подобный звуку медной трубы и настолько громкий, что собаки кочевников начинали лаять. Опираясь на путь четвёртого посвящения, он достиг махамудры без оставления тела.

Бодхисаттва Так

Бодхисаттва Так родился в местечке Такде Сенге Лунг, расположенном в Латё, что в западном Цанге. Он обладал чрезвычайно приятным нравом и был одним из тех, кто испросил у великого

наставника Сачена наставлений. А именно, он испросил учение Путь и плод, в частности руководство по глубокому пути⁹⁷. Медитируя, он на время покинул тело, но затем вновь вернулся в него и отправился в нём в Кхечару.

Таковы были трое, которых Сачен увидел в своём сне как тех, кого он перевёл по всем трём мостам. Так учил мой наставник.

Семеро достигших терпения

Этими семерыми были следующие: драгоценный и почитаемый владыка Дракпа Гьялцен, Шуче Нгёдруп, Накгом Сонам Гьялцен, йогин из Царкха, Гатон Дордже Драк, Гомпа Отрак и госпожа Мангчунгма.

Драгоценный и почитаемый владыка Дракпа Гьялцен

По своей сути Дракпа Гьялцен был Манджугхошей, но согласно тому, как его воспринимали ученики, в своей «Сновиденной биографии» он написал: «Я не достигну освобождения на пути, принятом бодхисаттвой Таким, но пойду по пути Шуче Нгёдрупа».⁹⁸

Поэтому он принял путь достижения терпения на пути применения. Так учил мой наставник.

Шуче Нгёдруп

Шуче Нгёдруп был племянником Шутёна Ракпо, учителя парамитаяны из Латё, что в западном Цанге. Он очень хотел пойти к великому наставнику Сачену, но, сколько ни упрашивал дядю, тот не давал на это разрешения. Однажды дядя даже отругал его, сказав:

— Ты посещаешь мои подробные объяснения учения для молодых монахов. Я надеюсь принести тебе этим пользу. Чего ради тебе уходить?

Шуче долго молчал, уперев взгляд в лицо дяди, а потом сказал:

— В нашем учении парамитаяны сказано, что иногда мары приходят в образе настоятелей и учителей. Не таков ли ты?

Дядя остолбенел и был не в силах ничего возразить на это. Таким образом, Шуче наконец смог отправиться в путь. Придя к великому наставнику Сачену и получив от него наставления, он рассказал великому наставнику о препятствии, с которым ему пришлось

столкнуться, и говорят, что почитаемый владыка Сакьев прокомментировал это так: «Несколько более сильные слова, чем следовало — всё же ты говорил с тем человеком, у которого перед тем получал учения парамитаяны и прочее».

Полностью получив наставления, Шуче сказал: «Здесь, в Тибете, мне невозможно жить. Я отправляюсь в Индию», — что и сделал.

Однажды, когда великий наставник Сачен сидел на склоне белой земли в Сакья, к нему прилетел с юга гигантский гриф. Достигнув великого наставника, он обратился в монаха и выполнил простираания. Пробыв с Саченом некоторое время, он снова обратился в грифа и улетел. Все видели, что произошло, и стали спрашивать об этом Сачена. Великий наставник сказал: «Это Шуче Нгёдруп прилетал из Индии. Он желал узнать, счастлив ли я».

А спустя небольшое время после того, как великий наставник Сачен скончался, было ритуальное пиршество в храме Горум, и почитаемые братья⁹⁹, которые его устраивали, сказали: «Вот бы и Апо Шуче был с нами в этот вечер!»

В то же мгновение раздался стук в дверь. Когда открыли, оказалось, что это Шуче. Он принёс дары — связку свежих плодов мандрагоры и несколько рисовых колосков.

— Когда ты прибыл? — спросили его.

— Когда вы сказали, что хорошо бы мне быть здесь с вами, — ответил Шуче.

Тогда почитаемый владыка Дракпа Гьялцен сказал ему:

— Нас немного здесь, а из присутствующих все обладают чистыми обетами. Яви нам чудо!

— Пожалуйста, не проси об этом, — сказал Шуче, и казалось, что он встревожен. Однако Дракпа Гьялцен настаивал, и тогда Шуче забрался в яму за комнатой защитников, затем вылез оттуда, выполнил простираание и сел на своё место — а вслед за ним из ямы вылезло, простёрлось и село ещё семь точно таких же Шуче. Потом все Шуче растворились один в другом, и последний оставшийся улетел обратно в Индию.

Шуче из тех, кто и теперь ещё остаётся среди живущих. Как можно понять из этого рассказа, он овладел способностью совершать чудеса и ясновидением. Так учил мой наставник.

Накгомпа Сёгьял

Накгомпа Сёгьял родился в Танаке и ещё в ранней юности лишился родителей и других родственников. Некоторое время он странствовал, а затем нашёл себе работу в Цал Гунгтханге, где стал прислуживать одному практику мантры, созерцавшему Ямари в форме Лангцо Марпо. Он учился, наблюдая за тем, как тот человек медитировал, и однажды, когда Сёгьял декламировал рядом с пасущимися животными, все они вдруг превратились в Ямари и стали издавать рокочущий звук хри штри. Когда Сёгьял рассказал об этом своему хозяину, тот сказал: «Ты обладаешь остаточной кармой», — и выполнил для него ритуал слияния.

Позднее Сёгьял встретился с великим наставником Саченом, получил от него наставления и посредством медитации достиг терпения на пути применения.

Йогин из Царкха

Когда великий наставник Сачен уже упокоился с миром, его духовный друг Ньяк¹⁰⁰, странствуя среди кочевников Сангью, встретил одного старого кочевника, который имел знак равновесия капель под горлом. Этот человек сказал: «Учитель был чрезвычайно добр ко мне. Какая жалость, что я не могу прямо сейчас сделать большого подношения!»

Тем не менее, он поднёс Ньяку около сотни вещей, среди которых были золото, соль, чайные брикеты, масло и прочее, а также достаточно животных, чтобы всё это увезти.

— Не ошибся ли ты? — спросил Ньяк. — Ведь великий наставник ни разу не был здесь с тех пор, как покинул Гунгтханг!

— Как я могу ошибаться? — ответил тот. — Великий наставник прибыл в Царкха в такой-то месяц и такой-то год и оставался здесь в течение трёх лет. За это время он наставил три десятка преданных медитирующих, и по его доброте я также обрёл знаки пути, которые ты можешь теперь видеть.

Когда после этого старые ученики Сачена стали сопоставлять свой опыт, то оказалось, что великий наставник одновременно являл шесть телесных форм: пока одна форма училась у Мал-лоцавы в Гунгтханге, другая передавала наставления в Царкха, третья объясняла в Сакья драгоценное учение ламдре, четвертая заботилась о живых

существах из числа кочевников Сангью, пятая вращала колесо Дхармы в Гонге, что в Шапе, а шестая раскрывала мандалу Намкха Дриме и освещала храм Дрэнла Чама в Дрингцаме. Но тогда этого, по-видимому, никто не осознавал. Так учил мой наставник.

Гатон Дордже Драк

Гатон Дордже Драк происходил из кхамского рода Га. Он получал учения как у Сачена, так и у почитаемого владыки Дракпа Гьялцена, совершал множество предварительных и последующих подношений. В частности, он сделал почитаемому владыке великое подношение, когда тот находился в Джанге в монастыре Ньилунг. В ответ на это почитаемый владыка даровал ему устные наставления, известные как «Послание Гатону», которые позднее стали одним из важнейших текстов традиции ламдре. Так учил мой наставник.

Гомпа Отрак

Медитируя, Гомпа Отрак достиг очищения рождения в аду. Он оказался на вершине большого дерева, росшего на одном из лугов земли Сакья, и увидел у корней этого дерева кипящую воду, которая булькала и пузырилась. Стоило ему подумать: «Только бы мне не упасть туда», — как он упал, и плоть сошла с него, обнажив белые кости. А едва он подумал: «Вот бы эта вода была холодной!» — как вода тут же заледенела, и он оказался вмёрзшим в неё и не мог выбраться. Приложив все силы, он смог вырвать половину своего тела; но другая половина осталась во льду, и он увидел, как из образовавшейся раны вываливаются его сердце и лёгкие. Так учил мой наставник.

Госпожа Мангчунгма

Госпожа Мангчунгма была уроженкой Гары. Медитируя в Самлинге, она очистила множество животных рождений. Кроме прочего, она имела переживание дзо: ей казалось, что она ковыляет по главной дороге, и затем на эту дорогу выбегает стадо яков, несущихся сломя голову. Она пыталась убежать с дороги, но не могла. Когда она ощутила, что яки растаптывают её, это послужило катализатором, и она пробудилась от этого переживания. Как утверждается, её переживание было настолько ярким, что когда госпожа Мангчунгма очнулась, то, оглядевшись, увидела стадо яков, убежавших прочь.

После этого явленности предстали как блаженство: одежда из ячьей шерсти, камни, шипы и тому подобное — всё это проявлялось для неё как великое блаженство. Впоследствии она оставалась медитировать повсюду, во всевозможных неудобных местах. Так учил мой наставник.

Таким образом, хотя у Сачена было много учеников, главными среди них были его наследники и сыновья в Дхарме — двое почитаемых братьев.

Драгоценный учитель Сонам Цемо

Драгоценного учителя Сонама Цемо нет среди перечисленных выше, поскольку он и владыка Сачен были, по сути, недвойственными, и поскольку они были равны в реализации. Исходя из этого, он и не обсуждался отдельно.

Сверх того, этот почитаемый владыка Сонам Цемо в свои предшествующие одиннадцать рождений был пандитами в Индии, такими как Дурджаячандра¹⁰¹. Когда же он родился в Тибете, даки и дакини прикрепили сообщение об этом к воротам Ваджрасаны. И когда эта весть была повсюду провозглашена пандитом Дэващри Каушамбийским, то Сонама Цемо обнаружили, и впоследствии он стал безгранично сведущ во всех областях знания.

Даруя учение Путь и плод в Старой Башне Сакья, Сонам Цемо установил в чистом видении девятнадцать учеников, явившись им в трёх зримых образах одновременно. При этом почитаемый владыка Дракпа Гьялцен узрел его как Манджугхошу. Когда же он давал великому и почитаемому владыке посвящение основы, то поистине явил опорную и поддерживаемую мандалы Шри Хеваджры. Поскольку даруемое посвящение, таким образом, было получено так же, как ранее Вирупой от Найратмьи, к этому событию также восходит линия прямой передачи.

Кроме этого, Сонам Цемо владел множеством чудесных способностей. Так, он мог совершить путешествие в такую святую землю, как Потала, осуществлять решительное поведение вместе с тамошним собранием йогинь и виров, а затем вернуться назад — и всё это за полдня. О нём сказано:

Простираюсь перед тобой и сорадуюсь тебе —
Кто уже в непосредственной близости.¹⁰²

Согласно этому, принято считать, что Сонам Цемо пребывал на втором бхуми под названием Совершенно чистый или, иначе, Непосредственная близость. Так учил мой наставник.

Хотя считают, что Сонам Цемо отправился в Кхечару, не оставляя тела, однако о нём сказано и так:

Из останков драгоценного учителя изошёл звук, подобный гудению огромных пчёл.¹⁰³

Судя по этим словам, физическое тело, возможно, всё же было им оставлено. Как бы то ни было, Сонам Цемо завершил два из четырёх задуманных им вводных трактатов (эти тексты известны как «Врата для детей», «Врата в Дхарму» и «Врата в мастерство»), составил комментарии на двухчастную коренную тантру и Сампуту, составил в согласии с традицией тайных наставлений Хеваджры тексты «Метод достижения», «Поток посвящения» и другие, а также составил ряд текстов по устным наставлениям, таких как «Применительно к данному писанию».¹⁰⁴

Дальнейшие подробности касаются почитаемого владыки Дракпа Гьялцена

Из двух почитаемых братьев, великий и почитаемый владыка Дракпа Гьялцен был добрейшим и имел наибольшую важность для этого драгоценного учения. Та исключительная и чрезвычайно прямая передача наставлений, которая не пришла к другим ученикам владыки Сачена, таким как драгоценный учитель Сонам Цемо, была передана через Дракпа Гьялцена. Также он составил единый сборник, которого прежде не существовало, и так далее.

Подробное жизнеописание Дракпа Гьялцена можно найти в других текстах. Здесь же приводятся только те чудесные истории, которых в них нет.

Когда строили Старую Башню Сакья, на месте обитания злого чёрного нага по имени Кхюн лежало такое множество красных

валунов, что там трудно было даже ходить. Почитаемый владыка Дракпа Гьялцен сказал тому нагу:

— Поскольку я строю здесь храм, ты должен освободить это место.

Наг ответил:

— Не придёт такого времени, чтобы я перенёс отсюда своё золото, не говоря уже об остальных богатствах.

Он был весьма недоволен.

Прогонять нага далеко не было особой нужды. Дракпа Гьялцен связал его клятвой не вредить живым существам вообще и определённым видам существ в частности, и, когда затем Мон Ваджра Раджа стал прокладывать путь водой из сосуда, а великий почитаемый владыка с ваджрой и колокольчиком в руках погнал нага сзади, то не только сам наг удалился, но и валуны с его прежнего места обитания последовали за ним, подобно стаду овец, ведомому пастухом. Это те самые красные валуны, которые теперь можно видеть позади восточного дворца. Зловредные существа и на самую малость не способны были нарушить указаний Дракпа Гьялцена!

Подобная же история произошла, когда в Сакья прибыл великий кашмирский пандит¹⁰⁵. Сопровождавшие его младшие пандиты заблаговременно сказали ему: «Может этот учитель и является великим ваджрадхарой, однако мы, пандиты, известны во всех частях Индии, от запада до востока. Так что тебе не следует отвечать на его простираания!»

А за тем великим пандитом следовал дух по имени Девятка Желваков. В прошлой своей жизни он был человеком, который достиг устойчивости в [практике] этапа порождения Ваджрабхайравы; но, однако, поскольку он не сочетал это с сострадательной пустотой, а также из-за неблагоприятных условий он переродился во вредоносного духа. Увидев его, Дракпа Гьялцен положил свои ваджру и колокольчик в пространстве перед собой и выполнил изгнание. После этого дух не мог ни оставаться в Тибете, ни укрыться в Индии, и вынужден был улететь на дальнее побережье Китая.

Когда затем почитаемый владыка Дракпа Гьялцен простёрся перед великим пандитом, то и великий пандит простёрся перед ним. Когда позже младшие пандиты стали спрашивать его, почему он это

сделал, тот ответил: «Это сам великий Ваджрадхара мандалы Гухьясамаджи. Как же я мог не простереться перед ним?»»

Как-то великий пандит сказал владыке Сакья Пандите:

— Пойдём посмотрим, чем занимается сейчас твой дядя!

— Я пойду вперёд, — сказал Сакья Пандита.

— Нет, лучше мы пойдём вместе, — сказал великий пандит.

Когда они пришли, почитаемый владыка Дракпа Гьялцен как раз завершил этап порождения Гухьясамаджи и собирался выполнить подношения для божества, порождённого перед собой. Он сидел с ваджрой и колокольчиком в руках. Заслышав гостей, он бросил их — как бы в тревоге, что у него ничего не подготовлено для встречи, — и те остались висеть прямо в воздухе над столом. Великий пандит решил, что Дракпа Гьялцен сделал это намеренно, и сказал:

— Я не вижу в этом ничего поразительного.

— Я вовсе и не собирался тебя поражать, — ответил ему почитаемый владыка и опустил ваджру и колокольчик на стол.

Сидя на соседней с великим почитаемым владыкой подушке, великий пандит, как ни старался, не мог найти никаких недостатков в действиях его тела, речи и ума. Но когда великий пандит увидел у Дракпа Гьялцена чётки, нанизанные на кожаный шнурок, он сказал: «Вы великий ваджрадхара. Но правильно было бы нанизывать чётки на девять переплетённых нитей, как объясняется в тантрах».

В другой раз великий пандит и его ученики объявили, что приближается солнечное затмение, а почитаемый владыка сказал, что затмения не будет. Великий пандит и его ученики отправились в Шанг и в тот день, когда должно было быть затмение, сказали всем, что приближается затмение и что будто бы почитаемый владыка ничего об этом не знает. Они ждали затмения, но напрасно — великий почитаемый владыка задержал движение солнца, и в силу этого Раху не мог на него повлиять. Великому пандиту пришлось сказать: «Этот старый мирянин из западного Цанга, должно быть, просто лопается от гордости». Таким образом блистательный Дракпа Гьялцен смог превзойти даже чрезвычайно сведущих великих пандитов.

Как-то Дракпа Гьялцен остановился в Джанге, в монастыре Ньилунг. Там было две расположенных рядом пещеры, в одной из

которых жил он сам, а в другой была устроена кухня. Эти пещеры сообщались через проделанное между ними отверстие. Однажды ко входу в пещеры прибыло много сотен всадников. [Спешившись,] все они прошли туда, где пребывал почитаемый владыка. Помощник почитаемого владыки, который подглядывал за этим через отверстие с другой стороны, увидел, как множество людей в монгольских одеждах расселись рядами перед учителем. Один из них, белокожий юноша с бирюзой на макушечном узле волос, переводил слова, обращённые к почитаемому владыке, на тибетский язык, а слова самого почитаемого владыки — на монгольский. В действительности же это монгольский бог Намтхел Карпо почтительно уговаривал почитаемого владыку посетить Монголию, а переводчиком ему служил бог Ньен Тхангха.

«Я уже стар, — отвечал им почитаемый владыка. — И не обладаю особой кармической связью с монголами. Так что вряд ли мой визит будет им полезен. Однако в будущем вы сможете извлечь великую пользу, если пригласите моего племянника, Кунга Гьялцена. Скажите, найдётся ли у вас пиво?»

Пиво, которого всего оказалось около половины капалы, было поднесено почитаемому владыке. Благословив его тремя слогами и разбрызгав, почитаемый владыка преумножил его настолько, что все гости напились допьяна и потом всю ночь пели монгольские песни, танцевали и всевозможными иными способами выражали свою радость. А с рассветом они исчезли, словно бы их и не было.

Так великий и почитаемый владыка связал клятвой монгольского бога Намтхела Карпо, благодаря чему позднее владыка Сакья Пандита был приглашён в Монголию ханом Коданом. Таким образом, обретение власти над тремя областями Тибета также произошло по доброте великого и почитаемого владыки Дракпа Гьялцена.¹⁰⁶

Спустя сорок четыре года после того, как владыка Сачен отошёл в блаженство, он стал снова и снова являться во снах почитаемому владыке Дракпа Гьялцену, которому на тот момент было уже пятьдесят шесть лет. В то время почитаемый владыка находился в монастыре Цангха, что в Ньемо. Он вспомнил, что встрече владыки Сачена с Владыкой Йогинов также предшествовало частое появление того во снах, однако подумал: «Неясно, что бы это могло быть». После этого он удалился в строгое затворничество, где усердно возносил молитвы,

и по прошествии небольшого времени почитаемый владыка Сачен явился ему воочию и дал ему гладкий квадратный камень белого цвета, на котором был изображён восьмилепестковый лотос. В центре этого лотоса располагались слоги ХУМ и АМ, на лепестках по главным направлениям — Я, РА, ЛА, ВА, а лепестки в промежуточных направлениях были пустыми.

«Сын! — произнёс Сачен. — Смысл всей Дхармы, которой я учил тебя прежде, можно выразить так», — и провозгласил строки: «Сперва прими за основу истинную природу явлений...»

Что касается этих строк, «Сперва прими за основу истинную природу явлений» — это воззрение периода причины. «Во-вторых, задействуй ветры» — это йога ветров. «В полной мере породил жар яростного пламени» — это йога капель. «Введи поток бодхичитты в центральный канал» — это йога супруги. «Приведи под свою власть элемент земли и прочее» — это ваджрные волны. «Реализуй пять мудростей и достигни бессмертия» — плод. Сачен произнёс это исключительное наставление под названием «Прояснение смысла посредством символов»¹⁰⁷, и в нём при помощи символов представлен весь путь драгоценного учения.

Говоря коротко, великий и почитаемый владыка Дракпа Гьялцен владел наставлениями трёх линий последовательной передачи и также наставлениями прямой передачи. Что касается тех трёх линий, то они сошлись в нём, поскольку он получил полную передачу пути от четырёх наставников: отца, владыки Сачена; сына, Сонома Цемо; Ньена Пхулджунгвы Цуктора Гьялпо и Гьягома Цултрима Драка.

Что же касается линии прямой передачи, то следующие строки, завершающие объяснение трактата и ныне приписываемые почитаемому владыке Дракпа Гьялцену, в действительности были составлены драгоценным учителем Сономом Цемо:

Луна изначальной осознанности
Явилась ясным глазам,
И ясность была внесена
В достоинства Трипитаки.
Прекрасное как драгоценность в океане,
Это постигается ясным умом,

Но не иначе.

Луна изначальной осознанности, то есть великий будда ваджрадхара, источник линии преемственности, как на то указывает символ одиночной луны, наставил глаза, то есть Владыку Йогинов, второго в линии.¹⁰⁸ Владыка Сачен, третий в линии преемственности, на что указывает троица корзин трипитаки, внёс ясность в писания и наставления. А океан — это четвёртый, драгоценный учитель Сонам Цемо. Только обладатель высоких способностей может постичь такую прямую передачу, как эта.

Подобным же образом и Рам Дингмава Джунгне Дордже спросил у великого и почитаемого владыки Дракпа Гьялцена о том, что такое линия преемственности семидесяти двух тантр. Ответ почитаемого владыки теперь приводится в конце его «Краткого изложения»:

Непревзойдённое —
Направления, помноженные на горы, и глаза —
Было прояснено Ведами
И руками предано огню.
Освещённый его сиянием,
Океан перетёк в элементы.
Если разумные понимают смысл этого,
Им следует говорить.¹⁰⁹

Смысл следующий: тантры непревзойдённой йоги — это направления, которых десять, что при умножении на семь гор¹¹⁰ даёт семьдесят. Усиленные двумя глазами, они становятся семьюдесятью двумя, которые проясняются тайными наставлениями о методах объяснения, которые символизируются [четырьмя] Ведами. Этот способ группировки и объяснения тантр посредством четырёх качеств подлинности, а всех тайных наставлений — посредством четырёх устных передач — был передан руками (Вирупой, который был вторым в линии) огню (Сачену, третьему). Океан этих тантр и устных наставлений (которым обладал драгоценный учитель Сонам Цемо, четвёртый в линии преемственности) влился в драгоценного и почитаемого владыку Дракпа Гьялцена, пятого в линии, на что

указывает символ [пяти] элементов. Риторически спрашивая, понимает ли разумный смысл этого, Дракпа Гьялцен показывает, что сам он понял это.

Вкратце, большинство тайных наставлений драгоценного учения, относящихся к тем линиям передачи, передавалось изустно, и за исключением нескольких разрозненных текстов, которые хранились в кожаном ларце и тщательнейшим образом оберегались, не существовало никакого единого свода учений. А почитаемый владыка Дракпа Гьялцен составил множество текстов, таких как «Коренной текст о нераздельности сансары и нирваны, с комментарием», а также четыре основополагающих трактата-руководства, и собрал эти тексты в одну книгу, присовокупив к ним каталог, то есть проявил чрезвычайную заботу об этих наставлениях. Так учил мой наставник. А поскольку и деревянная обложка этой книги, и ткань, в которую она была обёрнута, в то время были жёлтого цвета, она и стала известной как Жёлтая книга¹¹¹.

Таким образом Дракпа Гьялцен пролил свет на драгоценное учение, и впоследствии он достиг совершенного состояния будды в чистой земле севера, называемой Сердокчен. Так учил мой наставник.

Сакья Пандита и его главные ученики

У Дракпа Гьялцена было много учеников, но венцом их всех и его сыном в Дхарме был его племянник — великий и почитаемый владыка Сакья Пандита. О жизни этого наставника должно рассказывать более подробно, поскольку она представлена в отдельных текстах. Этот почитаемый владыка написал множество трудов по устным наставлениям, среди которых «Трактат о пяти зависимо возникших связях» и «Печать четырёх мандал»¹¹². К настоящему моменту прошло уже много времени с тех пор, как он достиг совершенного состояния будды, о чём можно судить по комментарию Пхакпа Ринпоче на «Ответы на вопросы наставника Кадам Докорвы», где сказано:

Вот уже несколько лет прошло с тех пор, как наш наставник, владыка Дхармы, достиг состояния будды.¹¹³

Так учил мой наставник.

Среди учеников Сакья Пандиты было много монахов, также носивших родовое имя Пал и родовое имя Гьялцен. Что касается этих учеников, то преемственность обетов пратимокши, переданных через Кхангтёна Озера Гьялцена, вплоть до сегодняшнего дня поддерживается в области Лопху.

Из главных же учеников Сакья Пандиты можно упомянуть Лхопу и Мара — держателей линии объяснений; наставников Йонтена Пала¹¹⁴ и Цокгома¹¹⁵ — держателей линии устных наставлений; и Гьялву Янгонпу¹¹⁶ — держателя линии практики.

Мар Чёкьи Гьялпо записал «Жизнеописание Острой Ваджры», «Марово объяснение Трактата» и так далее — всё в полном соответствии со словами владыки Сакья Пандиты. От Мара эти тексты получил Гангтон Шераб Бум, а от того, в свою очередь, Карпо Дракпа Ринчен Сенге. Соответствующая линия преемственности сохранилась до настоящего времени.

Лхопа Ринчен Пал преодолел много трудностей ради тайных наставлений — помимо прочего, даже путешествовал в Китай, чтобы испросить у владыки Сакья Пандиты трактаты-руководства. Но, хотя он также составил различные тексты, передача их, судя по всему, не сохранилась.

Наставник Йонтен Пал шесть лет служил Сакья Пандите личным помощником. Он воспринял большую часть учений, которыми обладал владыка, и в том числе устные наставления по всей системе Пути и плода.

Цокгом Ринпоче учился у чрезвычайно сведущего и реализованного владыки Сакья Пандиты в течение тринадцати лет, воспринял от него все учения, и в числе прочего полный путь драгоценного учения. Живя в Гьерпху Дзилунге, иначе называемом Самтен Линг, он, главным образом, занимался медитацией.

Чёгьял Пхакпа и его главные ученики

Главнейшим из всех учеников Сакья Пандиты был властелин Дхармы Пхакпа Ринпоче, его сын в Дхарме, которому он при этом приходился дядей по линии отца. Отец Пхакпа, Сангца Сонам Гьялцен¹¹⁷, сосредоточил свою практику на божестве Ганапати. Зная,

что наставник Сетон Рипа из Лангри Тханга, что в Нгари, обладает властью над тремя мирами, этот бог упросил его намеренно переродиться у Сангца Сонома Гьялцена. Приняв это рождение, наставник впоследствии стал известен как Пхакпа Ринпоче. Пространное жизнеописание Пхакпа следует излагать, опираясь на отдельные тексты.

К Пхакпа приходило много учеников, но его служебные обязанности были велики, и он никогда не оставался в одном месте надолго. Поэтому мало кто полностью получил у него тантры и устные наставления. Так, Генденпа Таши Пал полностью получил от него объяснение трилогии, слушая столь небольшими отрывками, что его продвижение было медлительным, как походка дзо¹¹⁸. И так же, подобно походке дзо, Наставник Шанг Кончок Палва¹¹⁹ получил от него полное руководство по учению. Он и Гелонг Кюнло даже последовали за ним в Китай — единственно ради того, чтобы испросить устных наставлений. Они встретились с Пхакпа, когда он уже возвращался в Тибет — это произошло в местечке Цодо Несар, что в Докхаме. Выслушав их историю, Пхакпа Ринпоче сказал: «Ко мне идут люди из трёх областей Тибета — Центрального Тибета, Цанга и Кхама. Но большинство из них заботится лишь об этой жизни, и никто из них не ищет Дхармы. Как поразительно, что вами ради Дхармы был проделан такой большой путь!»

В течение последующих трёх лет эти двое полностью получили передачу пути. Шанг Кончок Палва стал главным духовным сыном наставника Пхакпа, а Гелонг Кюнло, хотя и продвинулся в личной медитативной практике, но линии не продолжил. Так учил мой наставник.

Великий наставник Драпхукпа и позднейшие передачи

Великий наставник Драпхукпа¹²⁰ получил Путь и плод у Шанга Кончока Палва. При этом он также получал передачу наставлений по линиям Цокгома, наставника Йонтена Пала и племянника, Пхакпа Ринпоче — а эти трое были чрезвычайно важны для драгоценного учения. Что касается Шанга Кончока Палва, то он получил полный путь драгоценного учения у Ра Ньипы Гьялва Ринчена, также известного как Ринчен Гьялцен — ученика Йонтена Пала,

получившего полный путь у него. Повторно Шанг Кончок Палва получил полный путь у Пхакпа Ринпоче, считая его держателем этого учения. От наставника Шанга Дракпхукпа получил две передачи — через племянника, Пхакпа Ринпоче, и через наставника Йонтена Пала. Поскольку, помимо этого, владыка Дракпхукпа получил полную передачу пути у великого наставника Ньенченпы¹²¹, ученика Цокгома Ринпоче, он объединил в себе суть всех трёх передач.

Владыка Дракпхукпа был величайшим знатоком Дхармы Сакьев, и даже владыка Лама Дампа¹²², первоначально получивший учение от Гуру Палдена Сенге из Пхома Такри, впоследствии повторно получал его у Дракпхукпы. Вплоть до сегодняшнего дня обо всех больших и малых элементах практики судят по тому, существовали они уже при Дракпхукпе или нет. Так учил мой наставник.

Учениками великого наставника Дракпхукпы, полностью получившими у него путь, были владыка Лама Дампа, Ритрёпа Лодрё Тенпа¹²³ и Дракпхукпа Кончок Гьялцен.

Учитель ламдре по имени Лодрё Карпо из Лингстанга в Кхаме также был из тех учеников Дракпхукпы, кто получал учение. В то время как Лодрё Карпо, будучи в Кхаме, усиленно занимался изучением и объяснением, кхамец Гьонджо Еше Пал попросил об учении. Позже он пришёл в Цанг к Дракпхукпе, но до кончины великого наставника успел получить у него только наставления о трёх явлениях. Оставшиеся объяснения были переданы ему Ритрёпой. Позже Лодрё Карпо перебрался в Пхакрику, где в течение многих лет усердно учился и практиковал. В дальнейшем он жил в Сакья, где был известен как учитель ламдре Еше Пал¹²⁴ и также много занимался изучением и объяснением. Его учеником стал кхамец Чёлингпа Лосанг Кармо, который позже прославился как учитель ламдре Лосанг Кармо¹²⁵. Все эти наставники и их ученики уделяли много времени практике и её объяснению.

В тех линиях, которые пошли от них, поддерживается передача текстов одиннадцати комментариев Сачена. Но они используют тексты, составленные будто бы на благо Дракпа Гьялцена и прочих, которые несколько отличаются от принятых нами одиннадцати.

Поэтому их передачи не вполне удовлетворительны. Так учил мой наставник.

Владыка Палден Цултрим¹²⁶ получал учение как у владыки Ламы Дампы, так и у Ритрёпы. У него, в свою очередь, учение получали великий наставник Буддашри¹²⁷, Шарчен Еше Гьялцен¹²⁸ и меньягский учитель Ринчен Дордже. Но последний, находясь в Кхаме, умер очень молодым, так что не принёс особой пользы другим.

Когда владыка Палден Цултрим давал Шарчену предсказание о практике, он наложил на него такой же восемнадцатилетний запрет, как владыка Гонпава на Сачена. Однако в этом случае вышло не так хорошо, и Шарчен умер ещё до того, как эти восемнадцать лет истекли. Так что он не смог никому передать полноты учения и передавал только посвящение Хеваджры традиции тайных наставлений, малые наставления по глубокому пути, защиту Вирупы и тому подобное.

Поэтому, когда Нгорчен Дорджечанг пожелал получить драгоценное учение, он отправился к Лоцаве Кьябчоку, весьма известному ученику владыки Ламы Дампы. Однако получив от него наставления о трёх явлениях, он остался недоволен, поскольку услышанное им не было вполне подлинной традицией Сакья. Следуя пророчеству, полученному им во сне, он отправился искать другого учителя. Ему сказали, что наилучшим является великий наставник Буддашри, и когда он пришёл к нему, то и дом, и человек, направлявший его курениями, и облик самого наставника, и всё прочее — оказалось точно таким же, как он видел во сне. Он очень обрадовался и в дальнейшем полностью получил устные наставления у этого наставника. От него, в свою очередь, их получил владыка Семпа Ченпо¹²⁹. А от владыки Семпа Ченпо их получил великий Дакчен Дорджечанг¹³⁰. Так учил мой наставник.

Следующими по значимости после Цокгома, наставника Йонтена Пала и племянника, Пхакпа Ринпоче, были Ла, Ньен и Шанг¹³¹.

Ларува родился в семье предводителя Лару Серкхангпы. Обучаясь под руководством Шарпа Дордже Озера, он изучил трилогию, а также тайные наставления. Несколько возгордившись, он стал считать себя весьма сведущим, но повстречал наставника

Йонтена Пала и понял, что всё прежнее было не более чем словами. Тогда он испросил у него полный путь драгоценного учения.

Учеником Ларувы Сонама Сенге был Донри Дракчен, а учеником того — всеведущий Гангтрёпа¹³². У Гангтрёпы полный путь получил Панчен Мати, но Панчен Мати говорил, что поддерживает непрерывность потока посвящения через самадхи втягивания по отдельности, достигаемое в шестичленной йоге, которая была получена им от всеведущего Джонангпы¹³³. Поэтому, когда Тхекчен Чёдже полностью получил у него учение, то нашёл передачу смысла ущербной — из-за того, что учитель не соблюдал непрерывности выполнения «Периода пути»¹³⁴. Позже Тхекчен Чёдже получил эту передачу в Сакья — от наставника, которого звали Бутон Вангчук Дар, или Вангчук Гьялпо, ученика Дракпхукпы Кончока Гьялцена. Таким образом, он получил и передачу слова, и передачу смысла. От него, в свою очередь, драгоценное учение было получено почитаемым отцом¹³⁵.

Лачен Кунга Гьялцен полностью получил учение от владыки Ламы Дампы, а от него, в свою очередь, его получил Дакчен Джамьянг Ченпо¹³⁶.

Сведущий и реализованный Нья Он также получил учение от Ламы Дампы. От Нья Она полный путь получил великий наставник Кюнло из Цечена, но поскольку Нья Он также принадлежал к традиции Мати, позже Кюнло повторно получил его у Якдепы Намкха Сонама¹³⁷. Якдепа же получил его от Дракпхукпы Конгьяла, также известного как Латё Конгьял. Этот наставник составил примечания к посвящению Хеваджры, которые теперь весьма высоко ценятся. Так учил мой наставник.

От великого наставника Кюнло учение было получено Джамьянгом Кончоком Сангпо¹³⁸. У того, в свою очередь, его получил великий Дакчен Дорджечанг. В этой линии сохранились и передача слова, и передача смысла.

Говоря коротко, почитаемый владыка Кунпанг Ченпо¹³⁹ получил все тайные наставления трёх передач, о которых было сказано выше. Он четыре раза получил Объяснение для собраний от великого Дакчена Дорджечанга вместе с продолжавшейся один год передачей

Объяснения для учеников. Четыре правила традиции устных наставлений были им выполнены.

Мой собственный духовный отец и учитель ¹⁴⁰ дважды получал Объяснение для собраний от Кунпанга Ченпо и трижды — Объяснение для учеников. Он искоренил все сомнения посредством слова и смысла и получил наставления согласно четырём правилам традиции устных наставлений. Так учил мой наставник.

Из всех упомянутых линий преемственности, в основном придерживаются наставлений, пришедших от владыки Дорджечанга ¹⁴¹, и вот почему. В течение некоторого времени все практики Пути и плода были украшены опытом и реализациями, поскольку передачи от наставников ещё не пришли в упадок, и поскольку сами они были усердны в практике. Однако они не искоренили всех своих сомнений в отношении тантр и тайных наставлений посредством изучения и размышления. Поэтому, хотя они и утверждали, что объясняют согласно четырём качествам подлинности, однако порядок, заданный в тантрах, порядок первого появления, порядок практики, порядок опыта и порядок приобретения подлинности не представляли для них явно. Из-за этого традиции объяснения стали различаться, и даже «Ваджрные строки» стало трудно преподавать, поскольку извлечения из объяснения трактата, анализ посредством подлинного трактата и анализ посредством подлинного опыта в наставлениях не отделялись одно от другого.

Вообще, в отношении большинства тантрических учений, передаваемых в настоящее время в Тибете, верно то, что из соображений удобства учитель сперва дарует посвящение, а затем — соответствующие ему наставления. К этому учению также была применена эта последовательность, хотя она вовсе не соответствует смыслу тантры и «Ваджрных строк». Почему? В коренной тантре сказано:

Сперва пусть даются
Обеты обновления и очищения,
Затем — десять тем упражнения.
Объясни им вайбхашику,
Саутрантику, йогачару,
А после этого — мадхьямаку.

Когда будут поняты
Все ступени мантры...¹⁴²

Ниже, после упоминания необходимости изучения этапов воззрения и этапов поведения, в тантре говорится: «А после этого начинай Хеваджру»¹⁴³. Что касается того, как именно следует приступать к Хеваджре, сказано, что приводящее к созреванию посвящение и руководство, приводящее к освобождению, должны передаваться совместно. Однако в иных традициях сперва даруется посвящение, затем объясняется обычный путь, а после того — необычный. Это не вполне правильно¹⁴⁴. Также сказано:

После того совершенным образом представь реальность.¹⁴⁵

Отсюда следует, что в иных традициях серьёзно заблуждаются в отношении того принципа, что за дарованием посвящения должно незамедлительно следовать объяснение воззрения периода причины в целях искоренения ложных идей, таких как независимая самость и прочее, применительно к изначальной осознанности посвящения.

Также иные традиции несколько расходятся с утверждением «Ваджрных строк» относительно причинного потока всеобщей основы, сделанного в связи с основой очищения уже после представления трёх явленностей:

Что касается потока метода-тела и так далее, есть причинное посвящение с четырьмя тройками, сиденьями и прочим и так далее.¹⁴⁶

Также они расходятся со следующим утверждением в «Кратком изложении»:

Основа пути образована тремя явленностями,
А всякая практика понимается через три потока.¹⁴⁷

И также они расходятся с текстом «Ответ Дратону»¹⁴⁸ и другими.

Вкратце, что касается этой традиции, весьма важно не допускать противоречий с писаниями первых почитаемых владык Сакья.

Нгорчен Кунга Сангпо

О великом Нгорчене Дорджечанге¹⁴⁹ в «Сутре цветка лотоса чудесной Дхармы» есть следующее пророчество:

В то время появится
Монах Кунга Сангпо.¹⁵⁰

И также в «Благородной сутре хранения корня добродетели» со слов:

В то время появится
Монах Кунга Сангпо...¹⁵¹

И даже очернение этой сутры владыкой Дхармы Кхедрубом, который сказал: «Это вовсе не сутра!» — также было предсказано в ней словами:

Другой — гневный, свирепый
И очень грубый монах станет оспаривать её.¹⁵²

О достижении Нгорченом состояния Будды сказано:

Также будет известен
Как Гонпар Шепа Тхоп.

И также:

В земле Абхирати,
На которую чудесно смотреть.¹⁵³

Таким образом, в сутре сказано, что данный учитель станет татхагатой Нгонше Тхопе Гьялпо в чистой земле Абхирати, «на которую чудесно смотреть». Также это бесспорный основатель традиции.

Как можно судить, Нгорчен намеренно принял рождение, чтобы принести благо драгоценному учению почитаемых владык Сакья. Посредством изучения и размышления он полностью искоренил

сомнения относительно всех сутр и тантр вообще и относительно всех писаний ранних наставников в частности. И затем безошибочно утвердил эти учения.

Мючен Кончок Гьялцен

Главным духовным сыном Нгорчена был владыка Мючен¹⁵⁴. Когда Кхьенрап Ринпоче¹⁵⁵ получал у владыки Мючена коренную тантру Самвары, ещё до завершения передачи он подлинно узрел Мючена как Чакрасамвару с четырьмя ликами и двенадцатью руками. Подобным же образом, когда владыка Мючен шёл из Нгор в Мю, владыка Сангье Палсанг, идя по крутой дороге ему навстречу, чтобы его поприветствовать, явственно видел, как к нему приближаются опорная и поддерживаемая мандалы Самвары традиции Кришны. Чрезвычайно взволнованный этим, он сложил хвалу Шри Херуке.

Как можно понять из этих историй, Мючен был проявлением Чакрасамвары, и поэтому та линия преемственности, в которой присутствует он, является основной. Однако, поскольку и по двум другим линиям передано множество глубоких ключевых положений тайных наставлений, не все практики глубоких ключевых положений зависят исключительно от практикуемого последователями из Нгор.

Вкратце, различия Объяснения для собраний и Объяснения для учеников, прежде не существовало, и, по-видимому, впервые это различие было проведено владыкой Нгорченом Дорджечангом в уникальной передаче Мючену Семпа Ченпо. Семпа Ченпо также различал эти два объяснения и оба их передал только Дакчену Дорджечангу. Ученики, которые постоянно находились при Семпа Ченпо, такие как, например, владыка Сангье Палсанг, знали, что, если учитель краснеет лицом, щёлкает пальцами и восклицает: «Дальше мне говорить нельзя!» — речь идёт о чём-то из Объяснения для учеников. Внимательно слушая его устные наставления, они могли получить отдельные отрывки этих учений.

Коротко говоря, поскольку владыка Сангье Палсанг и прочие полностью получили у Дакчена Дорджечанга Объяснение для учеников, они владели Объяснением для учеников. Говорившие: «Мы не полностью получили эти учения», — были средними. А

говорившие: «Мы не получили их, и у нас их нет», — были низшими. Так учил мой наставник.

Все упомянутые до настоящего момента линии относятся к чистой и несмешанной традиции Сакья. Так учил мой наставник.

Объединённые передачи

Некоторые из традиций ламдре относятся к так называемым объединённым передачам. Если кто-либо не знает о том, как они появились, он может испытывать сомнения по отношению к отдельным текстам или в связи с недостоверными преувеличениями. Поэтому и об этих передачах следует рассказать.

Пхакмодрупа

Первая из объединённых передач восходит к Дешеку Пхакмодрупе¹⁵⁶, который сначала лет учился у владыки Сачена, а затем, когда он занимался вблизи пещеры Манджугхоши, благодаря его практике там забил ключ. В точном соответствии со словами Сачена он записал объяснение трактата под названием «Библиотечное объяснение» или «Сокровищница объяснений».

Позднее Пхагмодрукпа встретил Дакпо Лхадже из Кагью¹⁵⁷, последовал учению Кагью и стал учить Пути и плоду в соединении с шестью йогами Наропы, махамудрой и тому подобным. Его ученики, такие как Тхацава Сенге Гьялцен и Праджнякирти, также писали объяснительные комментарии, в которых «Библиотечное объяснение» комбинировалось с махамудрой и остальным. По этому поводу и было сказано:

Отбросить шесть дхарм и осваивать в медитации такие чужие наставления как Путь и плод, махамудра и прочие, относя всё это к традиции Наропы, — означает противоречить своей собственной традиции, не говоря уже о традициях других.¹⁵⁸

Так учил мой наставник.

Чегомпа

После Пхагмодрукпы, Чегомпа испросил Путь и плод у Гьялца Талпхукпы¹⁵⁹, ученика Сачена. Вообще, было два Чегома — один из

Центрального Тибета, другой из Цанга. В данном случае речь идёт о последнем, который в дальнейшем стал учеником госпожи Мачик Рима и также составил объяснение трактата в сочетании с махамудрой и так далее.

Кодракпа

Махасиддха Кодракпа¹⁶⁰ полностью получил передачу пути ламдре в традиции Шама, а от великого пандита Вибхутичандры он получил также шестичленную йогу. Объединив эти два учения, он двадцать четыре года практиковал в Раса, и воочию узрел Владыку Йогинов. Он напрямую видел каналы ваджрного тела и составил множество сочинений, которые записывал по мере того как они возникали в его уме — таких как «Океан визуализированных слогов ха для устранения препятствий», а также тексты, где наставления из ламдре объединялись с шестичленной йогой.

Чаген

Следующий — это Чаген или Белый Знаток. Он получил полную передачу пути ламдре в традиции Шама и традиции Сакья от госпожи Мачик Ньитри.¹⁶¹ После восемнадцати лет однонаправленной практики, он обрёл достижение и воочию узрел Владыку Йогинов, который предстал перед ним с телом красного цвета и дал разрешение на написание полного собрания текстов по Пути и плоду объединённой традиции Шама и Сакья. Некоторые из этих работ пользуются исключительным авторитетом и известны как запечатанный Путь и плод.

Учеником Чагена стал Кунпанг Драгьял, а его учеником — Тай Ситу Джангьял, который всё время повторял: «Буду учить!» — но поскольку его неизменно отвлекали другие дела, этого так и не случилось.¹⁶² Так что передача по этой линии до наших дней не дошла.

Все эти передачи хотя и различны, они прослеживаются по линии преемственности и имеют достоверный источник. Так учил мой наставник.

Джонанг Кунпанг Ченпо

Джонанг Кунпанг Ченпо¹⁶³ получил передачу в традиции Сакья у Джамьянга Цангнака Пхукпа Шераба Озера и в традиции Шама — у Джангпа Чарпа Ринчена Озера. Получив во сне разрешение от Се Кхарчунгвы¹⁶⁴, Кунпанг Ченпо выполнил пересмотр «Ваджрных строк» на основе двух версий текста, на которые у него была передача, и в ходе этого пересмотра перекомпоновал существенную часть трактата. К получившемуся тексту он написал объяснение, куда включил много тайных наставлений традиции Дром, не имея соответствующих передач.

Латё Вангьял

Латёпа Вангьял, ученик Кунпанга Ченпо, объединил указанные три линии с шестичленной йогой, что дало четыре. Полагая, что в самадхи втягивания завершаются все пути, он приводил такие перечни, как три необходимых положения, три необязательных положения и так далее, уподобляясь, таким образом, китайцу Хэшану, очернявшему методы.¹⁶⁵

Соответственно, из объединённых передач, эти последние две являются ущербными. Так учил мой наставник.

Подобным же образом, Джангчуп Пал, наставник из Кхама (также известный как Кхамчен Генлхепа, поскольку жил в Генмодрок в Сакья) обладал восемнадцатью слегка отличавшимися передачами, которые называл восемнадцатью системами Пути и плода. Дзимпа Гьялцен Пал испросил их у него, а всеведущий Гангтрёпа испросил у Дзимпы. Поскольку Мати Панчен получил их у Гангтрёпы, в действительности линия передачи по традиции Шама также никогда не прерывалась. Так учил мой наставник.

Также, Лочен Джангце¹⁶⁶ испросил учение у владыки Ламы Дампы. Циприва Кашипа Намка Озер испросил его у Лочена Джангце и даже составил небольшой сборник, в котором привёл тексты Книги с многочисленными добавлениями и сокращениями.

Все эти традиции относятся к объединённым передачам. Так учил мой наставник.

Даже тончайший лучик его речи
Побуждает распуститься каждый из лотосов знания.
Едва взглянув на нас краем своих любящих глаз,
Он освобождает нас из огромного, ужасного океана сансары.

Лишь только услышишь звук его благого имени, подобный
барабанному бою,
Как сердце исполняется улаждающего всех плода.
Эти слова бесконечно доброго учителя
Проясняют основополагающую природу всех без исключения явлений.

Аха! Обладающий передачей наставник
Знает изумительные истории.
Радую сердце, истории эти
Доставляют всем удовольствие своим великолепием.

Несравненная слава, когда о ней слышишь,
Побуждает течение великого блаженства.
Течёт и пребывает долго —
Такова доброта наставника.

Не зная даже наследия даже своих отцов,
Те, кто горделиво полагают себя исключительными,
Способны лишь бормотать ерунду,
Восседая на почётном троне посреди дураков.

Учиться же у ног неистового отца —
Несравненного наставника, ваджрадхары в человеческом теле,
Наслаждаясь великолепием нектара высочайшей колесницы —
Поистине, это плод безграничных заслуг.

Так записал я то, что сохранила моя память из сущностных
объяснений об истории устных наставлений.

МАСТУ САРВА ДЖАГАТАМ

Кунга Палден и Лотер Вангпо
Ослепительное сияние сотни благословений
Приложение к тексту «Объяснение великого тайного учения: краткое
изложение истории устных наставлений»
По подробному объяснению драгоценного учения ламдре

Твоё сострадание — естественный ясный свет,
Подобный центру пространства —
Побуждает сгуститься облака великой любви,
И мягкий дождь изящного изложения
Изливается из них, услаждая всех сведущих.
Да охранит меня дхармовый стяг победы,
Что был поднят тобой!¹⁶⁷

Ради удостоверения подлинности
Наставников специального изложения
Объяснения для учеников
Здесь рассказана история этой традиции,
А также дано приложение к ней.

И до Нгорчена Дорджечанга существовали и Объяснение для собраний, и Объяснение для учеников, однако не было этих названий. Дакчен Дорджечанг, следуя обычаю владыки Семпа Ченпо, разделял и даровал по отдельности общие и специальные тайные наставления — с этого времени они и стали называться соответственно ламдре для собраний и ламдре для учеников. Передачи обеих этих традиций сохранились без ухудшения и существуют по сей день.

Дакчен Лодрё Гьялцен

Великий Дакчен Дорджечанг — источник Объяснения для учеников и тот учитель, который отделил Объяснение для учеников от Объяснения для собраний — родился в год дерева-мыши (1444). Этот владыка Лодрё Гьялцен поистине был самым Сакьяпой Кунга Ньингпо, намеренно принявшим ещё одно рождение ради распространения учений устных передач — таких, как драгоценное учение ламдре. В подтверждение тому можно привести следующие случаи. Во-первых, владыка Лодрё Гьялцен легко узнал рукописный текст Сачена, о

котором ему ничего не говорили. И далее, относительно текста, касающегося применения действий, о местонахождении которого никто не знал, владыка сказал, что его следует искать в амулете из носорожьей шкуры на изображении защитника¹⁶⁸, и что это терма, сокрытая самим Саченом. Когда же владыку спросили, откуда он знает об этом, он ответил: «На то есть очень важная причина, но больше я ничего не скажу, и вы тоже никому не говорите». Кроме того, он сам много раз тем или иным способом признавал, что является проявлением Сачена.

Уже с самого детства его мудрость была беспредельной. В возрасте между двумя-тремя и шестью годами он полностью получил от своего отца, Джамьянга Ченпо¹⁶⁹, все наставления устных передач, в том числе внутреннюю семейную передачу Пути и плода, а также циклы учений, связанные с Махакалой. И он овладел всем этим в точном соответствии со смыслом слов. В дальнейшем, вплоть до достижения тринадцатилетнего возраста, он учился у лотоса под ногами Джамьянга Кончока Санпо¹⁷⁰ и получил от него множество учений по сутре и тантре — в частности, один раз получил драгоценное учение.

После этого, согласно пророчеству Дакчена Кунга Вангчука¹⁷¹, Лодрё Гьялцен тайно отправился в Мю, где вместе со всеми собравшимися получил от Мючена Кончока Гьялцена учения о трёх явлениях и общее объяснение пути мантры, а наедине получил все без исключения специальные глубокие ключевые положения.

Следуя системе практики Мючена, Дакчен Лодрё Гьялцен придерживался разделения драгоценного учения на Объяснение для собраний и Объяснение для учеников. Он многократно даровал учение Путь и плод в различных монастырях Центрального Тибета, Цанга и Кхама — в частности, в великом оплоте монашества в Сакья и в монастыре Налендра¹⁷² в Пхеньюле — и в общей сложности передал драгоценное учение более двадцати раз.

Кроме того, Дакчен Лодрё Гьялцен составил множество важных текстов, необходимых для объяснения учения, таких как руководство по нераздельности сансары и нирваны, ритуал дарования посвящения пути, объяснение самай и руководство по изготовлению нектарных пилюль.¹⁷³

Лодрё Гьялцен напрямую видел глубокую мандалу тела, обладал беспрепятственными чудесными способностями и знаками достижения. Послужив распространению буддийского учения посредством объяснения, участия в диспутах и составления текстов, он в завершение явил вбирание своей рупакаи в дхармадхату на четвёртый день девятого месяца в год дерева-кролика (1495) в возрасте пятидесяти двух лет.

Почитаемый владыка Дорингпа

У владыки Дакчена Лодрё Гьялцена было бесчисленное множество учеников, но его главным учеником был почитаемый владыка Дорингпа¹⁷⁴. Этот наставник, родившийся в год земли-змеи (1449), был сыном правителя Дорингпы и сам правил вплоть до тридцати семи лет, помимо прочего, получив за это время множество различных циклов тайной мантры от духовного отца Нгорчена Дорджечанга и от духовного сына Мючена. Затем он попросил Дратхангпу Шераба Даву о посвящении в монахи.

Однажды во время практики в затворничестве у Дорингпы возник некоторый недостаток в пище. Он поднёс торму Курукулле и той же ночью получил пророчество: «В конце жизни обретёшь великое богатство. А завтра придёт человек и принесёт еду». Всё так и случилось.

И далее, во снах к нему чудесным образом являлись многочисленные проявления защитника и звали его в Сакья, но владыка не придавал этому значения. Однако вслед за этим то же самое стало происходить и с его близким помощником, который, будучи напуган видениями, сказал: «Определённо, тебе лучше всё же отправиться в Сакья. Если ты не пойдёшь туда, я больше не смогу служить тебе».

Настойчиво побуждаемый к путешествию, Дорингпа отправился в Сакья, и там сперва в течение четырёх месяцев он получал Путь и плод в традиции Объяснения для собраний от царя Дхармы Дакчена Лодрё Гьялцена, а вслед за этим за восемнадцать месяцев в качестве основанного на опыте руководства получил Объяснение для учеников вместе со связанными с ним наставлениями и в результате полностью избавился от сомнений в отношении смысла слов. Потом он ещё трижды получал Объяснение для собраний и, подобно пустому сосуду,

воспринимающему в себя всю влагу из полного, освоил его в совершенстве, а равным образом и все без исключения наставления устных передач, таких как тринадцать золотых дхарм и практика большого и малого защитников.

Трижды выполнив основополагающее затворничество по чтению *аиты*¹⁷⁵, Дорингпа затем исцелил многих людей от немоты, лишь даруя им свою слюну. И не только это. Когда он выполнял [ритуалы] устранения препятствий для многих людей, обезумевших от собирания сущностных компонентов, те немедленно исцелялись, хотя ничто иное не приносило им облегчения. Лишь сосредоточив свою визуализацию на злонамеренном [духе], он мог освободить его, отправив в дхармадхату. Поразительные дела его превосходили возможности воображения.

С того времени, когда Дорингпа впервые получил Путь и плод, и до самого конца жизни он выполнял «Период пути» по четыре занятия в день без пропусков, а также много раз сам передавал Путь и плод. Будучи уже близок к своей смерти, он передал все без исключения имевшиеся у него устные наставления Царчену Дорджечангу, сделав его своим преемником в Дхарме, и затем сказал: «Ученики, полные веры! Я не расстаюсь с вами. Владыка Дрогми говорил, что если даже учитель томится в аду Великих Мучений, то и тогда его ученик, продолжающий видеть его как будду и возносящий ему молитвы, воспримет благословение будды в поток своего ума. В своей истинной природе учитель и ученик неразрывно связаны независимо возникшей связью. Всё это так!»

Наконец, в пятнадцатый день десятого монгольского месяца года дерева-обезьяны (1524) Дорингпа, достигнув возраста семидесяти шести лет, посредством применения глубокой практики в момент умирания, перенёсся в Кхечару.

Горумпа и Царчен, владыки Объяснения для учеников, были духовными сыновьями Дорингпы.

Почитаемый владыка Горумпа

Первый из этих духовных сыновей, Горумпа¹⁷⁶, родился в год огня-птицы (1477) в роду великого Метона из Цангронга — духовного сына Марпы из Лходрака¹⁷⁷. В возрасте семнадцати лет Горумпа

получил полный путь ламдре у Дакчена Дорджечанга. На посвящении при нисхождении изначальной осознанности в потоке его ума проявилась символическая, иллюстративная изначальная осознанность. В дальнейшем он один раз получил Путь и плод в традиции Объяснения для учеников у великого владыки Дорингпы, дважды в традиции Объяснения для собраний у Джегьюрвы Сонама Сенге и ещё по одному разу, также в традиции Объяснения для собраний — у Сало Кунга Сонама и Шалупы Кончока Цултрима¹⁷⁸. Смысл всех слов он определённо постиг в полной мере.

Горумпа принял Путь и плод за основу своей медитативной практики, прочёл *ашту* два с половиной миллиона раз и так далее. Он говорил, что при ясном созерцании мандалы тела вхождение существ мудрости всякий раз вызывало у него переживание великого блаженства. Он обладал непостижимыми достоинствами опыта и реализации, такими как способность являть два тела и читать в темноте.

На двадцать девятый день шестого месяца года дерева-дракона (1544¹⁷⁹) Горумпа в возрасте шестидесяти восьми лет отошёл в великую Кхечару.

Царчен Дорджечанг

Второй духовный сын Дорингпы, владыка Царчен Дорджечанг, родился в год воды-собаки (1502) в клане Донг. Он был проявлением почитаемого владыки Вирупы, великого наставника, и единственной опорой учений устных передач. В монахи его посвятил всеведущий Гендун Гьяцо¹⁸⁰. Когда владыка Царчен находился в Таши Лхунпо¹⁸¹ и учился там, некоторые монахи стали говорить: «Этот владыка Дхармы Царпа вовсе не занимается учёбой!» Поэтому однажды владыка пришёл в место для публичных диспутов, вступил в диспут с каждым из присутствовавших и над каждым из них одержал победу, а после этого сказал: «Я тот самый Лосел Гьяцо, который только валяется и спит. Но кое-что я, как видите, знаю. Кто-нибудь хочет вызвать меня?» Но никто не осмелился вызвать его на диспут, и все преисполнились веры.

В другой раз владыка встретил у колодца женщину, которая сказала ему: «Тебя призывают к великому почитаемому владыке

Дорингпе. Вот тебе подарок от него!» С этими словами она вложила ему в руки книгу и исчезла. Открыв книгу, Царчен обнаружил в ней учения цикла Кхечари.

Он отправился к почитаемому владыке Дорингпе, поднёс ему книгу и рассказал о случившемся. Дорингпа сказал: «Это сама Кхечари приходила тебя пригласить и дала тебе учения своего собственного цикла. Однако пока тебе следует положить эту книгу на полку». Следуя указанию владыки, Царчен отправился в библиотеку и среди множества томов обнаружил свободное место, откуда как будто бы была извлечена книга. Он поставил свою книгу туда, и она в точности подошла по размеру. Это поразило его, и сердце его наполнилось необычайной верой.

С этого момента он стал учиться у лотоса под ногами почитаемого владыки Дорингпы. В качестве основанного на опыте руководства тот трижды передал ему драгоценное учение в традиции Объяснения для учеников, и ещё дважды — в традиции Объяснения для собраний. Смысл слов Царчен постиг в совершенстве, и, кроме того, он получил много других тайных наставлений, таких как золотые дхармы и практики большого и малого защитников. Коротко говоря, Царчен получил всю глубокую Дхарму, которой обладал владыка Дорингпа, тщательно изучил эти учения вплоть до второстепенных практик и сделался владыкой всех устных передач.

Что касается комментариев на драгоценное учение в традиции Объяснения для учеников, Царченом были составлены такие сочинения как незаменимый комментарий «Лучи солнца», а также «Драгоценная гирлянда» — дополнение к «Потоку посвящения».¹⁸²

Незадолго до своей кончины почитаемый владыка Дорингпа передал все учения, которые у него ещё оставались. Иногда он давал какие-либо из глубоких устных наставлений в своём маленьком чайном домике, а иногда говорил, что хочет погулять по лугам, обойти ступу или ещё что-нибудь в этом роде, и просил проводить его. Оставшись наедине с Царченом, он давал ему те или иные наставления, предназначавшиеся для него одного. Также он передал Царчену реликвии Пхакпа Ринпоче, пилюли Дакчена Ринпоче вместе с руководством по их изготовлению и собственный колокольчик владыки. Вручая Царчену колокольчик, владыка Дорингпа сказал:

«Владыка Дхармы! Звони в него и даруй посвящения!» — и таким образом утвердил его как владыку учения.

Кроме того, владыка Царчен получил много глубоких учений от владыки Горумпы, включая Путь и плод.

В ходе своей непрерывной практики он ежедневно, не допуская пропусков, читал по тысяче *ашты*, *ом сума*, *Ямараджи* и *шасаны*¹⁸³. Ещё в молодые годы он узрел землю сплошь заполненной во всех направлениях телами будд, так что не мог и ступить на неё. И далее, ему неоднократно были явлены лики многих мирных и гневных йидамов, таких как могучая Кхечари, великий наставник из Уддияны, Хеваджра и Шри Ваджрабхайрава. Он обладал столь невообразимой властью над океаном связанных обетом защитников, таких как Панджаранатха и Катурмукха, что они слушались его, словно рабы.

Царчен много раз даровал Путь и плод в различных монастырях Центрального Тибета и Цанга, благодаря чему слава учения ламдре в традиции Объяснения для учеников воссияла, как солнце.

На пятнадцатый день седьмого месяца года огня-тигра (1566) в возрасте шестидесяти пяти лет владыка Царчен отошёл в Кхечару, чтобы встать во главе собрания виров и дакини.

Хотя всех сведущих и реализованных учеников владыки Царчена не счесть, ниже будут рассказаны истории шести из них — тех, которым не было равных на земле.

Джамьянг Кьенце Вангчук

Первый [из этих учеников], Джамьянг Кьенце Вангчук, родился в год дерева-обезьяны (1524) в роду Аша. Он с детства жил при великом владыке Горумпе и получил от него множество глубоких учений — помимо прочего, дважды получил драгоценное учение. Позже Кьенце Вангчук отправился в Танак Тхуптен для изучения философии, и тогда же получил краткую передачу Пути и плода от Дакчена Нгакги Вангпо из Цедонга¹⁸⁴.

Позднее он пригласил в Палпук¹⁸⁵ властелина Дхармы Царчена и в качестве основанного на опыте руководства выслушал весьма пространное изложение Пути и плода. А вслед за этим он получил и освоил все без исключения наставления устных передач, таких как золотые дхармы, Панджаранатха и Катурмукха.

Когда Кьенце Вангчук выполнял основополагающее затворничество и прочёл *ашту* уже около трёхсот тысяч раз, он однажды слегка задремал при чтении на восходе и узрел в небе перед собой Шри Хеваджру с восемью ликами и шестнадцатью руками, вместе с матерью. Тело Хеваджры имело цвет небесной бирюзы, было ясным, прозрачным и чистым, обладающим природой света. Некоторое время Кьенце покоился в этом, свободный от цепляния.

Он также составил известные обобщающие заметки под названием «Распространение учения», — руководство по традиции Объяснения для учеников, где записаны безупречные слова Царчена Ринпоче. Таким образом, очевидно, насколько великой была доброта владыки Кьенце Вангчука по отношению ко всем будущим практикам и учителям Пути и плода традиции Объяснения для учеников.

Кьенце Вангчук служил настоятелем множества больших и малых монастырей, таких как Шалу. В доброте своей он неоднократно даровал драгоценное учение многим достойным ученикам. И также он владел большей частью устных наставлений новой и старой традиций и служил их распространению посредством слушания и объяснения. Ему были явлены лики многих йидамов, а дакини и защитники Дхармы повиновались ему, словно рабы. Его способность к чистому видению была невообразимой, и все сходились во мнении, что мудростью своей он равен самому Манджушри.

На двадцать первый день пятого месяца в год земли-дракона (1568¹⁸⁶) Кьенце Вангчук отошёл в Кхечару в возрасте сорока пяти лет.

Мангтхо Лудруп Гьяцо

Всеведущий Лудруп Гьяцо, которого называли лучшим из учеников Царчена, родился в год воды-овцы (1523) в семье смотрителей золотых шахт Ньяка. Совершенным образом изучив сутру и мантру, он получил Путь и плод у почитаемого владыки Кунга Дролчока¹⁸⁷ и затем у Царчена Дорджечанга — один раз в традиции Объяснения для собраний и другой раз в традиции Объяснения для учеников.

У Лудрупа Гьяцо постоянно возникали видения, подобные дыму и миру. А когда он составил краткое изложение наставлений Царчена Ринпоче по Объяснению для учеников¹⁸⁸ и поднёс этот текст

Царчену для прочтения, владыка был чрезвычайно доволен и воскликнул: «Ты понял Объяснение для учеников безукоризненно! Поистине, ты венец моих учеников!»

Также Лудруп Гьяцо непрерывно созерцал Хеваджру. Однажды случилось так, что его рука была поражена зловредным нагом. Лудруп Гьяцо стал читать мантру, сопровождая её тщательной визуализацией, и после этого увидел сон, в котором у него изо рта высовывалась чёрная змея; но когда он попытался вытащить её руками, она разорвалась посередине. Он продолжил чтение мантры с визуализацией, а когда задремал, ему приснилось, что большая часть змеи вышла наружу — за исключением хвоста. Проснувшись, он снова продолжил чтение и созерцание, и тогда ему приснилось, что всё оставшееся изверглось из него. После этого он проснулся исцелившимся. И подобных поразительных историй о нём столько, что и не счесть.

Множество достойных учеников, таких как Панчен Нгаванг Чёдрак¹⁸⁹, получили от него учение в традиции Объяснения для учеников вкупе со всей полнотой связанных наставлений.

Давая взвешенные и точные комментарии к трилогии тантр, владыка Мангтхо Лудруп Гьяцо проявлял исключительную заботу о цикле Хеваджры — родовом учении Сакья. Говоря в общем, его дела во благо учения были обширны и включали дарование объяснений, участие в диспутах и составление текстов в связи с океаном писаний сутры и мантры. Достигнув восьмого десятка, он отошёл в Кхечару.¹⁹⁰

Почитаемый владыка Бёкхарва

Великий и почитаемый владыка Бёкхарва¹⁹¹, совершенный в опыте и реализации, родился в год огня-свиньи (1527) в роду тибетских царей Дхармы. Уже с раннего возраста он был поразителен — на его языке можно было ясно видеть мерцающий слог а и так далее. Став чуть старше, он получил монашеское посвящение от Бумрампы Шераба Гьялцена и превосходным образом выучился в монастыре Кьецал, что в Дреюле.

В качестве приглашённого наставника Бёкхарва отправился в великий институт Дхармы Нгамринг, что в Джанге. Его сперва испугала многочисленность тамошней сангхи, но затем он подумал:

«Имея возможность учить в таком обширном собрании, непременно нужно воспользоваться ей, чтобы завершить два накопления!» Излагая учение, он представлял членов сангхи на макушке своей головы¹⁹², и при этом даже неясные ранее смыслы представляли совершенно отчётливо.

Вернувшись в Кьецал, Бёкхарва снова стал посещать там собрания, и однажды увидел, как сверху сквозь отверстие в крыше на собравшихся смотрит Царчен Ринпоче, одетый в красную шапку и жёлтые одеяния. Владыка Бёкхарва никогда прежде не видел Царчена, но лишь вид лица этого учителя наполнил его невыразимой верой. Как только наступил перерыв, они встретились, и Царчен, чтобы создать первоначальную связь в учении, передал Бёкхарве ритуальное разрешение на практику защитника Донга Ньенчена¹⁹³. Таким образом, была заложена благоприятная основа для последующей реализации Бёкхарвой гневных действий.

Позже Бёкхарва был оклеветан перед правителем, многие из его родственников по отцу были убиты, а самого его ограбили, лишив всех ценностей. Эти и другие несчастья послужили толчком. Бёкхарва отправился к Царчену Ринпоче, испросил у него весьма подробное учение Путь и плод в традиции Объяснения для учеников и невообразимое множество наставлений устных передач. Их умы слились воедино. Применяя пробуждённые действия Ваджра-махакалы, Бёкхарва смог одержать верх над всеми клеветниками, вредившими учению.

Всё духовенство Центрального Тибета и Цанга почитало Бёкхарву как главу духовных семейств. Непрестанно вращая колесо Дхармы драгоценного учения, он принёс невообразимую пользу учению и живым существам.

В год огня-свиньи (1587) Бёкхарва отошёл в Кхечару в возрасте шестидесяти одного года, сопровождаемый чудесными звуками, сиянием и цветочным дождём.

Нгакчанг Сонам Чопел

Нгакчанг Сонам Чопел, могущественный наставник из Дру, проявление славного и могучего врага времени с бычьим ликом, родился в год огня-свиньи (1527). Он получил монашеское

посвящение от Джамьянга Сонама Палджора и достиг совершенства в изучении и размышлении.

Испросив у повелителя Дхармы Царчена подробное учение Путь и плод традиции Объяснения для учеников, Сонам Чопел был приведён к созреванию этим учением и сразу же приступил к основополагающему затворничеству. Когда прошло около трёх месяцев, ему во снах стал являться владыка Дорингпа, предрекая что он станет владыкой устных передач.

Тогда же Царчен Дорджечанг сказал: «В твою хижину для медитации зачастил гьялпо Неньинг. Не возникает ли у тебя какого-нибудь препятствия? Этот дух дал клятву Дорингу Ринпоче, что не будет вредить держателям нашей линии. Сам я тоже буду выполнять наиболее подходящие к случаю созерцания и прочее. Но и тебе следует усердно подносить тормы этому духу и выполнять практику. Особенно ревностным будь в вознесении молитв на пути глубокой гуру-йоги, которая одна освобождает от препятствий и приводит к совершенству». После этого Сонам Чопел выполнил всё необходимое чтение.

Позднее он отправился ко всеведущему Кьенце Вангчуку и получил от этого владыки большую часть устно передаваемых циклов, которыми тот обладал. В частности, он дважды получил у него Путь и плод в традиции Объяснения для собраний и один раз в традиции Объяснения для учеников. При этом он достиг совершенного мастерства во всех практиках вплоть до мельчайших деталей. А поскольку он незамедлительно задавал вопросы, если у него возникали сомнения и тому подобное, то в итоге стал настоящим знатоком.

Давая учение в традиции Объяснения для учеников в Намгьял Це, что в Даре, Сонам Чопел, согласно предсказанному владыкой Дорингпой, он узрел лики владык Дорингпы и Царчена — духовных отца и сына. Когда он пожелал спросить их об имевшемся у него небольшом сомнении, они произнесли:

Эй! Прекрасный путь прекрасен — вот и всё.

Не нужно никаких утверждений.

Нигде не существует ни малейшего результата.

Что ещё нужно такому способному человеку, как ты?

Затем они исчезли.

И, таким образом, поскольку владыка Сонам Чопел распространял и объяснял устные передачи драгоценного учения и так далее, он проявил исключительную доброту к учениям устных передач. На двенадцатый день двенадцатого месяца года воды-кролика (1603¹⁹⁴) Сонам Чопел отошёл в Кхечару в возрасте семидесяти семи лет.

Кхенчен Шону Лодрё

Великий настоятель Шону Лодрё, столп учения, родился в год огня-свиньи (1527). Он достиг совершенства в изучении и постижении океана методов глубокой и обширной Дхармы. В частности, он получил от самого Царчена Дорджечанга драгоценное учение в традиции Объяснения для учеников, а также все устные наставления золотых дхарм — Наро Кхечари и остальные — и наставления по циклам защитников учения. Этим учениям он целиком посвятил свою медитативную практику.

Позднее, в год земли-колика (1579), Шону Лодрё основал монастырь Таши Чёде, установив, таким образом, столп учения Кхаупа¹⁹⁵. Вращая колесо надлежащих и сообразных учений для несомненно достойных ваджрных учеников и так далее, он принёс неописуемую пользу учению и живым существам.

На двадцать пятый день двенадцатого месяца в год земли-свиньи (1599) Шону Лодрё отошёл в Кхечару в возрасте семидесяти трёх лет, что сопровождалось различными чудесными знаками.

Дингмава Лапсум Гъялцен

Дингмава¹⁹⁶ родился в год огня-собаки (1526). Он был хребтом учений устных передач. Изучая ритуалы сутры под руководством сведущего и реализованного Лодрё Чопхака, когда они проходили раздел о заслугах, он видел в небе множество образов — временами божественные дворцы, а временами свисающие внутренности и органы. Эти переживания, объясняемые в традициях дзогчен и Калачакры как знаки высшего пути, возникали у него снова и снова.

В дальнейшем Дингмава получил у властелина Дхармы Царчена драгоценное учение в традиции Объяснения для учеников, связанные с

ним наставления, а также множество устных передач, таких как тринадцать золотых дхарм и циклы большого и малого защитников. В то время однажды вышло так, что Дингмава немного опаздывал на собрание слушателей Дхармы. Царчен Ринпоче сказал: «Мы должны подождать его, поскольку этот почтенный наставник принесёт учению большую пользу». Таким образом он предрёк, что Дингмава станет великим хребтом учения.

У ног всеведущего Кьенце Вангчука Дингмава получил океан наставлений новых и старых традиций, первейшими из которых были драгоценное учение в традиции Объяснения для собраний, полученное им единожды, и драгоценное учение в традиции Объяснения для учеников, полученное дважды.

Выполняя в Палпуке основополагающее затворничество по Хеваджре, Дингмава имел ясное переживание видения при смешении ясного света и сна: в ходе одного из занятий две молодые женщины поднесли ему по капале нектара. Когда он выпил этот нектар, в его уме родилась невыразимая изначальная осознанность великого блаженства. Джамьянг Кьенце Вангчук, услышав от Дингмавы рассказ об этом происшествии, сказал, что это был знак обретения семи ветвей объединения.

Когда Дингмава в ходе передачи драгоценного учения даровал причинное посвящение своим многочисленным достойным и удачливым ученикам, таким как Япдже Кунга Лодрё и Вангчук Раптен, духовный отец Царчен и духовный сын Кьенце Вангчук до самого конца посвящения пребывали в небе перед ним, также выполняя ритуал дарования посвящения. И Дингмава восклицал: «Я наставляю вас в точном соответствии с тем, что говорили при посвящении отец и сын. Как это радостно!» Подобные этому чистые видения, которые у него бывали, невозможно охватить умом.

На третий день десятого месяца года огня-быка (1577) владыка Дингмава, достигнув возраста пятидесяти двух лет, удалился в высшую твердыню, сопровождаемый радугами и цветочным дождём. Как и великий Нгакчанг из Дру¹⁹⁷, он был учеником и Царчена, и Кьенце Вангчука.

Панчен Нгаванг Чёдрак

Панчен Нгаванг Чёдрак, духовный сын великого Нгакчанга Сонама Чопела и Лудрупа Гьяцо, родился в год воды-обезьяны (1572). Дженга Кончок Гьяцо, посвящая его в монахи, сказал: «Я назову тебя именем своего учителя». Он назвал его Нгавангом Чёдраком и в дальнейшем очень заботливо за ним присматривал.

Когда Нгаванг Чёдрак закончил изучать традицию сутры, всеведущий Лудруп Гьяцо даровал ему руководство по драгоценному учению в традиции Объяснения для учеников и связанные с ним наставления, а кроме того — обширное объяснение трилогии Шри Хеваджры, приводящее к созреванию. В дальнейшем Панчен Нгаванг Чёдрак составил много глубоких и обширных текстов, таких как краткое руководство по ламдре с сопряжёнными наставлениями, полный свод объяснительных текстов к трилогии тантр и комментариев на двухчастную тантру Хеваджры ¹⁹⁸.

Когда Нгаванг Чёдрак получал Путь и плод, ему приснился сон, в котором он вошёл в верхние воды великой реки, поток понёс его и доставил в Лхасу. Там он увидел множество монахов, читавших писания в храме Джово Ринпоче. Каждый из них читал по золотой книге, где была записана лишь *ашта*. Как говорил сам Нгаванг Чёдрак, этот сон указывал на то, что ему предстояло возглавить сангху в Сакья и передавать циклы учений традиции Объяснения для учеников.

Позже он получил от великого настоятеля Вангчука Палсанга полный путь драгоценного учения в традиции Объяснения для собраний.

Невозможно охватить умом всех дел, предпринятых Нгавангом Чёдраком в объяснении и изучении сутры и мантры — в первую очередь, драгоценного учения. Таким образом, он проявил чрезвычайную доброту к буддийскому учению вообще и к данному учению в частности.

На восьмой день четвёртого месяца в год железа-змеи (1641) в возрасте семидесяти лет владыка Нгаванг Чёдрак отошёл в Кхечару, что сопровождалось различными чудесными знаками.

Вангчук Раптен

Дорджечанг Вангчук Раптен родился в год земли-овцы (1559). На седьмой день после его рождения Царчена Ринпоче попросили дать

ему имя, и владыка нарёк его Намкха Дёндрупом Вангпо. Той же ночью, покоясь в ясном свете своей медитации, Царчен трижды услышал слова: «Этот ребёнок — перерождение Цултрима Гьялцена».

В возрасте тридцати одного года Вангчук Раптен принял полное монашеское посвящение от великого настоятеля Нгаванга Раптена. И до этого, и позднее он получил множество циклов учений устных передач — от духовного отца Царчена, духовного сына Къенце Вангчука, а также от Нгакчанга Сонама Чопела и владыки Лапсумпы¹⁹⁹. В особенности, он был приведён к созреванию глубоким Объяснением для учеников, которое ему с большой основательностью передал Лапсумпа.

Выполняя в Чёлунге, что в Нупе, великое затворничество по чтению *ашты*, Вангчук Раптен воочию узрел лики девяти божеств Хеваджры, и при этом опорная мандала вместе с поддерживаемыми божествами предстала перед ним величиной примерно с одноэтажный дом. Также он как-то вечером узрел всех трёх почитаемых владык в белом²⁰⁰. В том видении они сидели на чём-то вроде деревянной ограды и улыбались.

А вечером того дня, когда Вангчук Раптен прибыл в Палпук, ему было видение, подобное сну, в котором Царчен, властелин Дхармы, даровал ему посвящения, благословения и наставления по драгоценному учению.

Невообразимый дождь глубоких учений, и в первую очередь драгоценного учения, был излит Вангчуком Раптенем на множество монастырей Центрального Тибета и Цанга, и множество достойных людей стали его учениками.

Незадолго до своей кончины Вангчук Раптен пожелал целиком посвятить себя практике Падмасамбхавы из Уддияны, поскольку был уже в преклонных годах и с трудом мог выполнять полные практики великих мандал. Той же ночью ему приснился сон, в котором он ясно увидел Хеваджру с восседающим у него в сердце великим Гуру Падмасамбхавой. Осознав, что сокращение практики не принесёт хорошего результата, Вангчук Раптен до самой смерти, не допуская пропусков, выполнял практику «Периода пути» в два занятия ежедневно.

На второй день десятого монгольского месяца в год огня-мыши (1636) владыка Вангчук Раптен, достигнув возраста семидесяти

восьми лет, отошёл в Кхечару, что сопровождалось сиянием, чудесными звуками и цветочным дождём.

Кхьяпдак Кангьюрва

Великий Кхьяпдак Кангьюрва²⁰¹ родился в год воды-кролика (1603). С ранних лет он слушал учение у лотоса под ногами владыки Вангчука Раптена, и, подобно тому, как пустой сосуд наполняется от полного, получил все без исключения наставления из устных передач Сакья — прежде всего, драгоценное учение традиции Объяснения для учеников и затем бессчётные приводящие к созреванию посвящения и освобождающие наставления новых и старых традиций мантры.

Кангьюрва разыскивал и получал из чистых источников всевозможные устные передачи текстов слова Победителя согласно всем переводам, когда-либо выполнявшимся в Стране Снегов, и распространял эти передачи. Поистине, тот факт, что устная передача всего кангьюра сохранилась до наших дней — это единственно результат доброты владыки Кангьюрвы.

Он был чрезвычайно усерден в медитации и выполнил затворничества по чтению мантр ста восьми йидамов четырёх классов тантры согласно количеству мантр и согласно продолжительности. Также при его покровительстве были изготовлены полные копии собрания текстов драгоценного кангьюра и собраний сочинений духовного отца Царчена, духовного сына Кьенце Вангчука и Вангчука Раптена.

Что касается проявлений чистой явленности, Кангьюрва имел ясные видения огромных образов Вирупы и великого владыки Сакьев в сверкающих синих одеждах и с ярко-красным лицом. Также он наблюдал видения великого Гуру Падмасамбхавы из Уддияны с мандалой девяти божеств Хеваджры в сердце. Эти и подобные чудесные страницы его духовной жизни неохватны для мысли. Поскольку же Кангьюрва достиг совершенства в бодхичитте, он осуществил бессчётное множество деяний во благо других.

На четырнадцатый день девятого месяца в год земли-свиньи (1659) Кангьюрва в возрасте пятидесяти семи лет, отошёл в Кхечару посредством медитации на процессе умирания.

Владыка Кангьюрва имел множество духовных сыновей, но особенную доброту к держателям традиции Кхаупа проявили двое:

Шалу Кхенчен и всевидящий Пятый Далай-Лама.

Шалу Кхенчен

Шалу Кхенчен, первый из этих духовных сыновей владыки Кангьюрвы, родился сыном правителя Менгхангпы в год воды-тигра (1602)²⁰² и с самых ранних лет проявлял чрезвычайное усердие в учёбе. Он получил много общих и специальных глубоких учений, но, в частности, в год дерева-овцы (1655) от Цултрима Таши из Ньима Линга он получил все посвящения, благословения, объяснения трактата, устные передачи текстов и тайные наставления ламдре традиции гонгкар²⁰³.

После этого Шалу Кхенчен в течение трёх месяцев и восемнадцати дней получал у великого Кхьяпдака Кангьюрвы основанное на опыте руководство по драгоценному учению в традиции Объяснения для учеников и в совершенстве освоил все без исключения глубокие ключевые положения. В благодарность за Дхарму он поднёс учителю несколько восхитительных имений — среди прочего, прекрасную резиденцию, которую он имел в Рипхуке. Затем он перебрался в Шалу и там совершал обширные деяния во благо учения.

В год земли-свиньи (1659) Шалу Кхенчен приступил к великому затворничеству по чтению [мантр] Хеваджры. Когда он читал на счёт *дэватицу*²⁰⁴, ему во сне явился Дорджечанг Вангчук Раптен, схватил рукой гирлянду мантры, выходящую из его рта, и сказал: «Если тебе это не нужно, отбрось это!» В другой вечер он увидел, как из его левой руки течёт кровь, но хотя её вытекло очень много, некий человек сказал: «Это не всё. Кое-что осталось внутри». Эти видения можно было понять как знамения, указывающие на то, что ему придётся оставить затворничество незавершённым. Но когда Шалу Кхенчен рассказал об этом почитаемому владыке Кангьюрве, тот лишь ответил, что даст объяснение позже.

Знаки оказались верны. Почитаемый владыка Кангьюрва отошёл в чистую землю, и всевидящий великий Пятый Далай-лама вызвал Шалу Кхенчена письмом, так что ему пришлось прервать затворничество и отправиться выполнять кремацию. Тем не менее, позже в Гонгкаре он смог выполнить весьма продолжительное великое затворничество по чтению, а после этого стал широко распространять

Путь и плод в традиции Объяснения для учеников и другие циклы устных передач. Благодаря тому, что он давал много учений по этим линиям, слава Объяснения для учеников воссияла, подобно солнцу.

В год железа-мыши (1681)²⁰⁵ Шалу Кхенчен в возрасте восьмидесяти лет явил погруженные своей рупакаи обратно в пространство.

Пятый Далай-лама

Великий Пятый Далай-лама²⁰⁶ родился в год огня-змеи (1617) в клане Захор. Он обладал большой склонностью к философии, и с особой благожелательностью относился к учению традиции Цар. Выслушав у великого и почитаемого владыки Кангьюрвы чрезвычайно подробное изложение Пути и плода в традиции Объяснения для учеников вместе с полной передачей циклов пути, он сделал эти учения основой своей медитации.

Он составил приложение к руководству по Объяснению для учеников, а что касается жизнеописаний учителей линии Пути и плода, в дополнение к уже имевшимся жизнеописаниям ранних наставников традиции Цар Пятый Далай-лама по своей великой доброте составил ещё четыре: Царчена, Кангьюрвы, Ванграпа и Шалупы. В общей сложности он подготовил ксилографы для печати четырнадцати жизнеописаний и также множества текстов по циклу Хеваджры, таких как «Лучи солнца» и приложение к «Потоку посвящения».

Подобно тому, как пустой сосуд наполняется от полного, Пятый Далай-лама получил от Кангьюрвы, Шалу Кхенчена и Сурчена²⁰⁷ все устные передачи славной традиции Сакья, такие как тринадцать золотых дхарм и циклы большого и малого защитников, а также все глубокие учения, такие как собрание сочинений Царчена Дорджечанга. Поистине, он был опорой учений традиции Кхаупа.

Поскольку Пятый Далай-лама реализовал трёх красных божеств, которые подчиняют три мира, он смог привести под свою власть всё духовенство во главе с восточным императором²⁰⁸ и весь народ. В то время как мелкие вожди Центрального Тибета и Цанга стремились одолеть друг друга и в своей злобе непрестанно замыслили разгромить других и возвыситься, Далай-лама взял в свои руки

духовную и политическую власть над Тибетом, Страной Снегов, чтобы оградить его от нескончаемой череды конфликтов, споров и прочего зла. Подчинив себе всё обширное царство, он правил им бережно, словно разворачивая шёлк, и всё богатство четырёх направлений стекалось к нему естественным образом.

На двадцать пятый день второго месяца в год воды-собаки (1682) великий Пятый Далай-лама, достигнув возраста шестидесяти шести лет, явил метод временного возвращения ума в дхармадхату.

Кхьенрап Джампа

Дорджечанг Кхьенрап Джампа Нгаванг Лхундруп родился в год воды-птицы (1633) в клане Че, ведущем своё начало от богов ясного света. С ранних лет он жил у Дорджечанга Тензина Сангпо, который приходился ему дядей по отцовской линии, и совершенным образом изучил у него сутру и тантру. Также он выполнил затворничества по чтению мантр ряда мирных и гневных божеств — кроме прочего, основополагающее затворничество по чтению [мантр] Хеваджры.

Говоря в общем, Кхьенрап Джампа воспринял много глубоких и обширных учений, а в частности многократно выслушал изложение Пути и плода под названием Синяя Книга²⁰⁹, где были собраны воедино три линии, проходящие через Тонгра — дядю и племянника. Две из этих трёх линий представляли собой передачи Пути и плода, полученные всеведущим Ронгтоном от Тхекчена Чёдже и Дордже Гёнпо из Латё, что в западном Цанге, а третья передача была получена Дорджечангом Кхьенрап Чёдже от духовного отца Нгорчена и духовного сына Мючена.²¹⁰

Когда Кхьенрап Джампа, получая свою вторую передачу, слушал учение о трёх явленностях, а именно объяснение страданий, продолжительности жизни и прочего в холодных адах, ему приснилось, что он в действительности отправился в холодные ады и видит там много жестоко страдающих существ — такие у него были исключительные переживания очищения соответствующих рождений. Во время причинного посвящения он поистине узрел своего коренного учителя Тензина Сангпо как отца и мать Хеваджру. С того момента он думал: «Мой учитель — совершенный будда!» — и зародившаяся у него глубокая вера была такова, что он уже ни на мгновение не

возвращался к восприятию наставника как своего дяди или вообще обычного человека.

Однажды Кхьенрап Джампа сильно отравился и, мучимый недугом, имел весьма ясное видение, в котором наблюдал Сачена посреди радужного сияния и сотканный из радужного света дворец Хеваджры — всю опорную и поддерживаемую мандалу — многочисленных юных небожителей, подносявших победные знамёна, стяги и тому подобное, а вокруг — кладбищенские ступы, скелеты, радужные облака, кшетрапал и прочее. Узрев это, он исцелился от своей болезни. И подобных чистых видений у него было множество.

Получая от владыки Она Ринпоче²¹¹ Путь и плод в традиции Объяснения для собраний, в день дарования основной части причинного посвящения, Кхьенрап Джампа воочию узрел явленную мандалу над мандалой из цветного песка. Исполнившись безграничной преданности, он подумал: «Поистине, мой учитель — сам Хеваджра!»

У Кхьяпдака Шалупы²¹² он выслушал весьма обширное изложение Пути и плода в традиции Объяснения для учеников. Когда это учение было закончено, Шалупа поднёс владыке Кхьенрапу Джампа тексты Объяснения для учеников и сказал: «Ты владыка этого учения. Твой долг распространять его объяснение и практику!»

Достойным ученикам, таким как Морчен Дорджечанг, владыка Кхьенрап Джампа также давал весьма обширные и точные изложения руководства по Пути и плоду в традиции Объяснения для учеников, а также руководства по Пути и плоду по Синей Книге, полученные им от Ронгтона.²¹³ Однажды вечером, когда Кхьенрап Джампа даровал посвящения, благословения и устные передачи текстов, притом не смешивая линий даже в малейших аспектах практики, ему, словно во сне, был явлен лик великого и почитаемого владыки Дракпа Гьялцена. Почитаемый владыка держал в руках ваджру и колокольчик, а среди его окружения были Шуче и Сангца²¹⁴. Это видение доставило Кхьенрапу Джампа чрезвычайно большую радость, и у него проявились знаки полученного благословения.

И до, и уже после того владыка Кхьенрап Джампа в общей сложности двадцать пять раз передал Путь и плод в традиции Объяснения для учеников, семнадцать раз — Ваджрные чётки и около трёхсот раз — двенадцать мандал очищения.²¹⁵ Кроме того, он даровал

порядка шестисот причинных посвящений и пятисот посвящений пути, передал бесчисленное множество всевозможных учений, посвящений, благословений и разрешений на практику. Следует понимать, что самым фактом сохранения вплоть до настоящего времени непрерывной передачи всех этих общих и специальных глубоких учений Сакья мы обязаны единственно доброте владыки Кхьенрапа Дзампа. Таким образом, невозможно исчислить всю пользу, которую он принёс учению и живым существам.

На заре второго удвоенного тридцатого дня пятого месяца года воды-овцы (1703) Кхьенрап Дзампа отошёл в Кхечару в возрасте семидесяти одного года.

Морчен Дорджечанг

Великий Морчен Дорджечанг, владыка океана устных наставлений, родился в год дерева-лошади (1654). В возрасте пяти лет он встретился в Рава Ме с Дзамгоном Амешапом²¹⁶, пожелавшим посетить Центральный Тибет. Поднеся этому учителю узел волос со своей головы, Морчен принял у него начальное монашеское посвящение и получил имя Кунга Лхундруп. Затем он испросил у Дзамгона Амешапа посвящение долгой жизни, ритуальное разрешение десяти гневных, «Руководство по шести передачам праджняпарамиты», высшие действия Ваджракилы и «Сто методов достижения».

После этого Морчен перебрался в Мор, где достиг совершенства в выполнении ритуалов. В Рава Ме он совершенным образом изучил философию. Затем в качестве приглашённого наставника Морчен отправился в Сакья, и, поскольку он свободно давал объяснения, участвовал в диспутах, и так далее, Дакчен и его сын²¹⁷ окружили его исключительной заботой.

В возрасте двадцати пяти лет Морчен принял полное монашеское посвящение у Рикзина Пема Тринлея. Спустя несколько лет трое его младших братьев умерли от болезни, которая вызывала чрезвычайно сильные головные боли. Сам владыка также был поражён этой болезнью. Но, когда он был уже близок к смерти, некий верующий поднёс ему немного нектара, и ему стало лучше. Тем же вечером ему приснилось, что его проглотил великий Рикзин Пема Тринлей, и что некоторое время он находился у него в желудке, а затем вышел наружу

через канал драгоценности. Когда же он проснулся, оказалось, что болезнь сошла с него, словно старая кожа со змеи. «Не продолжаю ли я грезить? — подумал Морчен. — Ведь я мог перемещаться лишь на носилках!»

Он быстро поднялся, сделал пять или шесть шагов и обнаружил, что не испытывает при этом никаких неудобств. Это наполнило его радостью, и он подумал: «Как замечательно было бы встать теперь же, с самым рассветом!» Он не стал больше спать, и, дождавшись зари, встал со своей постели и легко пошёл, преодолев без каких-либо затруднений даже спуск по лестнице в девять ступенек, которая была в его доме. Отец, мать и все прочие его домочадцы были поражены и обрадованы и испытали огромное облегчение.

Когда ранее великий Рикзин Пема Тринлей даровал драгоценное учение, Морчен был болен и не мог его испросить. Теперь он осознал, что величайшим источником учения Путь и плод был Дорджечанг Кхьенрап Джампа из монастыря Налендра в Пхеньюле. Сначала он отправился туда с просьбой, а в следующий визит, продолжавшийся более года, получил основанное на опыте руководство по ламдре обеих традиций — Объяснения для собраний и Объяснения для учеников.

Позже он прожил у Кхьенрапа Джампа ещё тринадцать лет, спал с ним в одной спальне, руководил подношениями, когда тот даровал учения, и даже в течение семи лет был наставником для его племянника, Нгаванга Кьенце. Коротко говоря, он получал все учения, как пустой сосуд воспринимает влагу из полного. В общей сложности он двенадцать раз получил Путь и плод традиций Объяснения для Собраний и Объяснения для учеников и восемь раз Ваджрные чётки.

В дальнейшем Морчен был настоятелем многих больших и малых монастырей, таких как Мор, Рава Ме и Таши Чёде. Он неустанно распространял учение, и, прежде всего, Путь и плод в традиции Объяснения для учеников. Благодаря его трудам преемственность в передаче вообще учения Победителя и, в частности, великого тайного Объяснения для учеников не прервётся, пока не прейдёт этот мир.

На двенадцатый день одиннадцатого месяца в год земли-обезьяны (1728) Морчен, достигнув возраста семидесяти пяти лет, удалился в великую Кхечару.

Кхьяпдак Несарва

Кхьяпдак Несарва²¹⁸, великий ваджрадхара этой Кали-юги, родился в год дерева-обезьяны (1704) в царском роду Аша. В детстве он жестоко страдал от болей в животе, и по этой причине к нему пригласили оракула, в которого входил Дордже Лекпа²¹⁹. Оракул при помощи ножа извлёк из тела Несарвы поражённые ткани и съел их, а затем возложил руки на его одежду. Нанесённая им рана спустя непродолжительное время зажила, и болезнь также бесследно ушла.

После этого Несарву позвали в Таши Чёде. Там, он изучал сутру и мантру. От Морчена Дорджечанга он получил передачу трёх белых божеств, внешней, внутренней и тайной Каменной Крепости, Ваджрные чётки и дважды — Путь и плод в традиции Объяснения для учеников. Кроме того, он полностью получил глубокие учения традиции Цар, такие как Наро Кхечари, цикл золотых дхарм и практики большого и малого защитников.

Несарва провёл полные затворничества по чтению мантр многих божеств новых и старых традиций мантры с заданной продолжительностью и количеством повторений мантры по — в том числе основополагающее затворничество по чтению [мантр] Хеваджры. Непрестанно совершенствуясь в практиках порождения и завершения, он даже во время разговора с кем-либо мог ясно визуализировать опорную и поддерживаемую мандалы Хеваджры внутри зрачков своего собеседника.

Владыка Несарва передал драгоценное учение в общей сложности семь раз. Когда в Сакья он даровал Япдже Дорджечангу²²⁰ тайное руководство по Катурмукхе, Хеваджра и Катурмукха в форме брамина явились к нему воочию. И много других историй также известно о том, как он узревал лики различных йидамов.

Всё без исключения тибетское духовенство почитало Несарву, склоняясь макушками к его ногам. Благодаря его деяниям, чистая и нерушимая передача глубокой и обширной Дхармы разлилась, подобно озеру в летнюю пору, так что охватила собой весь Центральный Тибет, Цанг и Кхам.

На шестнадцатый день шестого месяца в год железа-дракона (1760) Несарва, достигнув возраста пятидесяти семи лет, явил вбирание совокупности своих рупакай.

Кунга Лодрё из Сакья

Владыка Несарва имел великое множество духовных сыновей, одним из которых был Япдже Дорджечанг Кунга Лодрё из Сакья. Этот совершенный во всех отношениях, сведущий и реализованный учитель Объяснения для учеников родился в год земли-птицы (1729) в роду Кхон, украшенном тремя высшими наименованиями²²¹. Уже с ранних лет он получал от своего отца, Япдже Сонама Ринчена, множество учений, включая Путь и плод.

Некоторые страницы жизни Кунга Лодрё столь чудесны, что их не охватить мыслью. Так, он имел видение ликов Арьи Нагарджуны и пяти ранних патриархов Сакья, многократно видел восемь божеств Панджаранатхи и защитника Ньен, а также мог сидеть прямо в воздухе, опираясь всем своим телом на одну лишь благовонную палочку.

Кунга Лодрё принял в качестве своего духовного наставника Несара Дорджечанга и получил от него все устные наставления родовых учений Сакья: драгоценное учение в традиции Объяснения для учеников с приводящими к созреванию ключевыми аспектами, все посвящения, ритуальные разрешения и устные передачи текстов к циклу золотых дхарм, а также все посвящения, ритуальные разрешения, наставления и устные передачи текстов по Панджаранатхе и Катурмуке. Всем этим Кунга Лодрё овладел в совершенстве. И благодаря тому, что он трижды выполнил основополагающее затворничество по чтению [мантр] Хеваджры, ему неоднократно, воочию и в видениях, являлись опорная мандала и поддерживаемые божества.

Кунга Лодрё много раз даровал учение в традиции Объяснения для собраний, а в год железа-быка (1781) также изложил весьма подробное и обширное руководство по учению в традиции Объяснения для учеников. Когда во время этого курса он даровал благословение Найратмьи, внутреннее подношение закипело и начало выплёскиваться через край, а когда Кунга Лодрё стал разливать его в ладони учеников, оно оказалось таким горячим, что едва можно было вытерпеть. Также он имел видение, в котором Нгорчен Дорджечанг даровал ему пророчество о его четырёх будущих учениках, потомках по крови и так далее.

Однажды Кунга Лодрё собирался даровать внешнюю и внутреннюю защиту Вирупы в тринадцатый день лунного месяца, но все местные и приглашённые астрологи сошлись в том, что в этот день должно было произойти солнечное затмение. Они даже вывесили соответствующее объявление. Но владыка сказал: «Хотя нет сомнений в том, что сегодня должно произойти солнечное затмение, этот старик намерен проявить себя Владыкой Йогинов. Всем вам следует посмотреть, что выйдет из этого затмения и объявления астрологов». Из-за его благословения Раху не смог приблизиться к солнцу. Он демонстрировал также и другие невообразимые знаки достижения.

Совершенным держателям учения он даровал всевозможные необходимые им посвящения, разрешения и устные передачи текстов. А чтобы учение сохранялось, пока не прейдёт этот мир, он осуществлял обширные деяния во благо его распространения.

На второй день второго пятого месяца в год воды-кролика (1783) Кунга Лодрё, достигнув возраста пятидесяти пяти лет, вобрал свои рупакаи обратно в дхармадхату.

Джампа Намкха Чиме

Великий настоятель Джампа Намкха Чиме был высочайшим учеником Кунга Лодрё. Он был рождён в семействе, где начиная ещё с Дрангти Гьяльньена Кхарпхука, одного из девяти придворных лекарей добродетельного царя Сонгцена Гампо — то есть с весьма давних времён — являлись исключительные личности, обретавшие достижение. Джампа Намкха Чиме также был украшен невообразимыми благими достоинствами, такими как воспоминания о своих прошлых жизнях.

Совершив путешествие во дворец Тхарце в славном Эвам²²², Джампа Намкха Чиме в совершенстве овладел всеми внешними и внутренними областями знания, а также многочисленными писаниями сутры и мантры, такими как семь трактатов необходимых каждому, и четыре малых тантрических текста.²²³ У великого кхангсарского настоятеля Нгаванга Чёкьонга Сангпо²²⁴ он получил драгоценное учение ламдре в традиции Объяснения для собраний.

Джампа Намкха Чиме получил обеты полного монашеского посвящения от Джинпа Таши — настоятеля славного монастыря

Сакья. От Джамгона Нгаванга Кунга Лодрё²²⁵ он получил все украшенные четырьмя качествами подлинности наставления устных линий, важнейшим из которых были Путь и плод для собраний и для учеников. Посредством слушания, размышления и медитации Джампа Намкха Чиме укоренил все эти учения в своём уме. Также он получал глубокие и обширные, как океан, наставления от более чем пятидесяти превосходных учителей, таких как дядя и племянник Пхенканг и Кьоода Лама. И каждую из традиций он практиковал в чистоте, не смешивая даже малые практики.

Он имел видения ликов различных йидамов, таких как великий наставник Падмакара²²⁶, и открыто являл знаки достижения, например, был способен пронзить камень своим ритуальным кинжалом. Впоследствии он взошёл на трон настоятеля, который прежде занимал владыка Дорджечанг²²⁷, и в течение многих лет приводил достойных существ к созреванию и освобождению.

Джампа Намкха Чиме служил придворным жрецом у великого правившего в Дерге царя Дхармы. И, если говорить о больших и малых монастырях той области, в которых следуют традиции Нгор Эвам, то только благодаря доброте этого учителя наследие подлинных объяснений и практик (то есть посвящения, устные передачи текстов, объяснения тайных наставлений, а также ритуалы и йоги двух этапов) полностью и без искажений сохранилось в них вплоть до настоящего времени.

За свою жизнь Джампа Намкха Чиме даровал бессчётные наставления глубокой и обширной Дхармы, много раз изложил учение в традиции Объяснения для собраний и дважды в традиции Объяснения для учеников, воспитав, таким образом, многих хранителей Дхармы. Узрев, что количество его учеников в этом мире достигло отведённой меры, он тайно сообщил свою последнюю волю своему племяннику, йогину Джампалу Сангпо и Савангу Лачену²²⁸.

В возрасте пятидесяти шести лет Джампа Намкха Чиме явил вбирание совокупности своих пробуждённых тел, что сопровождалось многочисленными чудесными знаками. Исполнившись веры и преданности даже более прежнего, царь Дхармы, наставник и ученики выполнили для него погребальные церемонии.

Джампа Кунга Тензин

Дорджечанг Джампа Кунга Тензин, духовный сын и племянник владыки Джампа Намкха Чиме, наш защитник и единственный повелитель, родился в год огня-обезьяны тринадцатого цикла (1776) в семействе сведущих Дрангти. Уже с юных лет он был украшен многочисленными благими качествами, и его поведение не было похоже на поведение ребёнка.

Прибыв во дворец Тхарце в Нгор Эвам Чёден, Джампа Кунга Тензин сперва изучил регулярно отправлявшиеся ритуалы, а затем без затруднений овладел великими писаниями сутры и мантры, такими как семь трактатов необходимых каждому. Дорджечанг Намкха Чиме в доброте своей передал ему три обета, и он сделался владыкой всего учения Муни. Поскольку он не был загрязнён скопившимися за много жизней нарушениями, куда бы он ни пошёл, его повсюду сопровождал восхитительный аромат нравственности, ощутимый для каждого, кому случалось оказаться поблизости.

От двадцати пяти разных наставников он получил океан наставлений и малых практик из устных передач почитаемых владык Сакья, и при этом безошибочно понимал смысл слов каждого из этих учений.

Дважды выполнив затворничество по чтению [мантр] Хеваджры, а также таких божеств как большой и малый защитники, он обрёл достижения от своих йидамов, и в потоке его ума возникло множество знаков пробуждённой активности защитников Дхармы. Ему были явлены улыбки ликов владыки мудрецов Шакьямуни в окружении шестнадцати архатов, Гуру Падмасамбхавы, что был вторым Буддой, и так далее.

За девять лет, что Джампа Кунга Тензин провёл на троне настоятеля, прежде занимаемом владыкой Дорджечангом, он ещё больше, распространил учение этого второго Победителя посредством объяснения, участия в диспутах и составления текстов, а также посредством пробуждённых действий знания, любви и могущества. Его дважды приглашал великий дергесский царь Дхармы, и он осуществлял пробуждённые дела, малейшая связь с которыми имела важный смысл. Он даровал великому царю Дхармы обеты полного монашеского посвящения.

Всю свою жизнь Джампа Кунга Тензин неустанно вращал колесо Дхармы, даровав Путь и плод десять раз в традиции Объяснения для собраний, четыре раза в традиции Объяснения для учеников, дважды Ваджрные чётки и так далее. В доброте своей он даровал своим духовным сыновьям, держателям тайны его учения, все приводящие к созреванию посвящения и освобождающие наставления, в которых те нуждались. Эти ученики были подобны золотой гирлянде драгоценностей короны учёных и совершенных практиков. Среди них были Сакья Дакчен, Ярлунг Чоктрул вместе со своим племянником, всеведущий Кьенце Вангпо, Джамгон Нгаванг Лекдруп, Кхуна Шераб Гьялцен (великий пандит, сведущий в пяти областях знания), Саванг Лачен, сведущий и могущественный Кунга Палден, а также прочие.²²⁹ Он правил, подобно второму Будде, восседая на макушках хранителей учений славных традиций Сакья, Нгорпа и Царпа.

Он принёс великую пользу живым существам, помимо прочего, улучшив светское и духовное законодательство в княжествах Дерге.

Вполне ясно, что стремительное возвышение дворца Тхарце после возвращения владыки Дорджечанга Джампа Кунга Тензина в Нгор Эвам Чёден было связано именно с заслугами владыки. С момента своего возвращения и до достижения им возраста восьмидесяти семи лет владыка почти всё своё время проводил в Эвам, отдавая всё время учению и практике, за исключением лишь нескольких случаев дарования учения в Сакья или выездов к горячим источникам.

Затем Джампа Кунга Тензин узрел, что заслуги живых существ на этой земле истощились, и, также, видя потенциальных учеников в ином мире, начиная с первого монгольского месяца года воды-собаки (1862), то есть, когда ему было восемьдесят семь лет, начал проявлять постепенное ухудшение здоровья. Однажды он сказал, что отсутствие паразитов в теле и на его поверхности есть признак достижения вершины на пути применения, а после достижения терпения на пути применения уже невозможно пасть в нижние миры. В связи с этим он неоднократно задавал вопросы [ученикам], каковы признаки достижения ступеней пути применения.

Когда наш собственный ваджрадхара, Джампа Кунга Тенпе Гьялцен, принёс владыке на рассмотрение несколько страниц комментария на «Украшение сутр», тот отнёсся к этому с большой

заинтересованностью и сосредоточенно их читал. Таким образом, можно с определённой уверенностью утверждать, что владыка признавал себя достигшим одной из ступеней пути применения.

На пятнадцатый день третьего месяца того же года Джампа Кунга Тензин сказал, что по случаю пятнадцатого дня ему необходимо принять преумножившуюся кремационную реликвию Будды. Ему поднесли реликвию, и он принял её с молитвами. Той же ночью он принял позу со скрещенными ногами и прямой спиной, а на семнадцатый день, когда взошло солнце, указал на небо, что значило: «Я более не останусь тут».

Когда наш совершенный наставник Джампа Кунга Тенпе Гьялцен трижды сказал: «Теперь, когда ты мирно отходишь, пожалуйста, не оставляй своей медитации», — владыка лишь кивнул головой, а затем выбрал совокупность своих рупакай в пространство. При этом появилось много удивительных знаков, таких как разноцветные радуги в небе.

В продолжение трёх следующих дней блеск его тела не мерк, но был даже ярче обычного, кожа имела белый цвет, а лицо стало очень юным, совсем без морщин. Когда же прошло три дня, лицо владыки потускнело, а голова чуть склонилась. Из правой его ноздри истекло немного красного сущностного компонента, и затем он восстал из ясного света в пробуждённом теле единения. Неисчислимы, как песчинки в Ганге, виры и йогини преподнесли ему множество различных подношений, и он отправился в высшую твердыню, сопровождаемый бесчисленными буддами и бодхисаттвами, которые выполняли для него благоприятные ритуалы. Нет сомнений, что Джампа Кунга Тензин поистине достиг джнянакаи ваджрадхары.

Во время кремации из самого его тела изошло пламя изначальной осознанности, а поднимающийся от тела дым соединился в небе с вихрями разноцветных радуг и совершенно рассеялся. При виде этого сердца всех присутствовавших исполнились веры и преданности. Все были глубоко поражены и тронуты.

В согласии с устоявшимися обычаями великих дворцов Нгор, последующие погребальные церемонии были обстоятельно и с надлежащей пышностью исполнены нашим высочайшим наставником, несомненным и истинным ваджрадхарой, почитаемым Джампа Кунга Тенпе Гьялценом.

Джампа Кунга Тенпе Гьялцен

Наш коренной учитель, несомненный и истинный ваджрадхара, Джампа Кунга Тенпе Гьялцен, был племянником и духовным сыном владыки Джампа Кунга Тензина. Этот цветок больших и малых знаков распустился в семействе сведущих Дрангти в год земли-быка (1829) четырнадцатого цикла, каковое событие сопровождалось многими замечательными знаменами.

Уже в раннем детстве глаза Джампа Кунга Тенпе Гьялцена наполнялись слезами великого сострадания, когда он видел плоть и кровь убитых живых существ. Он любил пребывать в уединённых местах и обладал большой склонностью к учению, сохранившейся от прошлых посвящений, слушанья Дхармы и тому подобного. И от особой склонности к монашеской жизни он уже в возрасте четырёх лет пришёл в славный Нгор Эвам Чёден.

Он начал с алфавита и затем за короткое время и без особых трудностей выучил и в совершенстве освоил принятое в Нгор Эвам собрание декламаций, семь трактатов необходимых каждому и так далее. Что же касается мирской роскоши, то она вызывала в нём сильное отвращение и была им отвергнута. Чтобы обрести полноту благих достоинств устойчивости и учения, он принял полное монашеское посвящение посредством трёх последовательных ступеней²³⁰ от своего дяди, великого наставника Джампа Кунга Тензина. При этом дядя исполнял роль настоятеля, йогин Джампал Сангпо руководил церемониями и так далее.

Джампа Кунга Тенпе Гьялцен хранил все надлежащие монашеские атрибуты и как зеницу ока оберегал все основные и второстепенные предписывающие и запрещающие обеты, не допуская никаких нарушений. Ради пробуждения бодхичитты он непрестанно принимал обеты трёх систем махаяны. В традиции Джово Кадампа²³¹ он получил все существующие циклы писаний, устные наставления и тайные наставления по тренировке ума и сосредоточил на них свою медитацию.

От таких наставников, как его дядя Кхенчен Дорджечанг он получил все существующие циклы посвящений, руководств и тайных наставлений четырёх классов тантры, которые наполнили поток его

ума. Таким образом он сделался великим ваджрадхарой, украшенным тремя обетами.

От Джамьянга Кьенце Вангпо, великого пандита, сведущего в десяти областях знания, и от Джампаянга Нгаванга Лекдрупа — учителей, прославленных, как луна и солнце — Джампа Кунга Тенпе Гьялцен получил наставления по внешним областям знания, таким как грамматика, эпистемология, поэтика, метрика, синонимика и медицина, а также по сопряжённым с ними темам. Его слава «великого пандита сведущего в десяти областях знания» достигла вершины мироздания.

Джампа Кунга Тенпе Гьялцен получил устные передачи всего кангьюра и тех текстов тенгьюра, для которых сохранилась непрерывная линия передачи; объяснения таких тантр как «Калачакра», двухчастная тантра «Хеваджра» и «Речение имён Манджушри»; восемнадцать знаменитых трактатов²³² и прочее; а также многочисленные устные наставления, трактаты и сборники текстов новой и старой традиций Кадам. Таким образом, он стал несравненным вместилищем учений сутры и мантры.

Все эти учения он не только получил, но также каждодневно и еженощно, без отвлечений обдумывал и исследовал все изложения глубокой и обширной Дхармы, не смешивая их. Он ясно понимал, как каждая из философских систем формулирует своё воззрение и устанавливает свой подход к медитации, каковы соответствующие практические подходы, сокровенные ключевые положения тайных наставлений, теоретические положения, классификации основы, пути и плода и так далее. Обретя бесстрашную уверенность в диспутах на предметы вызывавших сомнения положений, он сделался превосходным учителем.

От своего дяди, Кхенчена Дорджечанга, Джампа Кунга Тенпе Гьялцен получил все наставления, сопровождавшиеся четырьмя устными передачами и качествами подлинности, такие как драгоценное учение в традициях Объяснения для собраний и Объяснения для учеников, и дошёл до совершенства в размышления над ними. И более того, он не только получил эти учения, но и овладел ими превосходным образом вплоть до малых практик. И поскольку в стремлении к обретению в них опыта он никогда не оставлял йоги, выполняемой в четыре ежедневных занятия, за исключением того

времени, когда был занят объяснениями, участием в диспутах или составлением текстов, он достиг и реализации тепла и двух этапов. Он познал обнажённую и неподдельную, истинную природу явлений, вместорождённую изначальную осознанность. Все явленности вещей предстали для него как мандала божества. Ваджрные защитники Дхармы прислуживали ему, словно рабы.

Джампа Кунга Тенпе Гьялцен неустанно трудился, распространяя учения глубокой и обширной Дхармы. Важнейшими из дарованных им глубоких наставлений были учение в традиции Объяснения для собраний, которое он даровал восемь раз, и дарованное пять раз Объяснение для учеников. Кроме того, он даровал множество общих и специальных руководств, таких как «Сто систем руководства», восемь великих систем руководства согласно нашей собственной традиции, этапы пути и тренировка ума. Он даровал великое множество посвящений — дважды семь мандал Нгор, дважды Ваджрные чётки и дважды очистительные тантры, а различных отдельных учений передал столько, что и не счесть. Также он даровал множество различных ритуальных разрешений, в том числе трижды «Океан методов достижения». Он давал объяснения основных философских трактатов, а равным образом общие руководства по грамматике, поэтике и тому подобному. Кроме того, им было передано бесчисленное множество циклов вспомогательных устных передач собраний текстов, собраний сочинений и так далее, в том числе текстов тенгюра и собраний сочинений тибетских учителей. Также есть порядка пяти томов его собственных замечательных сочинений. Таким образом Джампа Кунга Тенпе Гьялцен упрочил в Стране Снегов великие колесницы всех классов драгоценной тантры.

От его речи родилось много учеников, которые стали хранителями учения, обрели достижения и мастерство. В свою очередь, от них также произошло множество учеников, и так далее, так что теперь уже вся земля наполнена ими. Эти ученики повсюду распространяли драгоценное учение и стремились всех без исключения живых существ привести в высшие миры и ввести в высочайшую твердыню несомненно совершенного пробуждения.

В общей сложности около сотни драгоценностей короны учёных и совершенных практиков стали духовными сыновьями Джампа Кунга Тенпе Гьялцена, получившими от него учение в традиции Объяснения

для учеников. Среди них лучшими были следующие: великий настоятель Кхангсара Джампаянг Нгаванг Сонам Гьялцен; великий настоятель и солнце речи Джамьянг Шераб Гьяцо; драгоценный настоятель Пхенкханга и великий неотступающий бодхисаттва Палден Лодрё Гьялцен; великий настоятель Джамьянг Ринчен Дордже — родственник владыки, всю свою жизнь почитавший его тремя подношениями; благородный и возвышенный Тхуптен Джигме Чёкьи Вангчук — несравненный учитель и Гьятрул Ринпоче Чамдо; Ринчен Лосанг Кхьенрап — наставник Рисура, держателя учения всеведущего Бутона Ринпоче; Кунга Джамьянг — опора устно передаваемых учений и владыка учения в Нгари; и, наконец, Джикме Палден — великий пандит, сведущий в пяти областях знания. И даже мне, столь невежественному в отношении духовного и мирского, посчастливилось сидеть в конце ряда его учеников.²³³ Некоторые из этих удачливых посредством медитации обрели достижение. Те же, кто были хранителями учения, преумножили славу Объяснения для учеников настолько, что она воссияла, как восходящее солнце.

В ту пору во всех направлениях были слышны восклицания учеников Джампа Кунга Тенпе Гьялцена, заполнивших уже три княжества Нгари на западе Тибета, четыре «рога» Центрального Тибета и срединную область Цанг, а на востоке — шесть хребтов До и Кхама: «О! Отведав этого нектара из уст того, кто подобен Будде, явленному на земле во плоти, мы словно те пятеро удачливых из свиты Благословенного! Как восхитительно!»

Таким образом, Джампа Кунга Тенпе Гьялцен всю свою жизнь повсеместно распространял драгоценное учение посредством его объяснения и практики. Достигнув возраста сорока двух лет, он увидел, что пришло время позаботиться о существах вне пределов этого мира. Ради них, а также чтобы склонить к Дхарме тех учеников, которые не сознавали непостоянства, ранним утром четвёртого дня второго девятого месяца в год железа-лошади (1870) он сел в позу Гуру Ратнасамбхавы, явил дакини особые знаки четырёх посвящений и вобрал свои рупакаи в пространство. При этом его лицо сияло больше, чем ранее, кожа блестела и так далее в соответствии с представлениями о полном преображении прошлых условий, когда чувства обретшего нектар несравненной изначальной осознанности

становятся совершенно ясными, цвет лица очищается, кожа белеет, и так далее.

Внезапно пролился небольшой дождь и собрались дивные радужные облака. В восточном направлении возникло облако в форме ступы.

Когда утром восьмого дня тело Джампа Кунга Тенпе Гьялцена осмотрели, оказалось, что из обеих его ноздрей истёк белый сущностный компонент, и им же было наполнено внутри всё тело. Это было несомненным указанием на то, что из ясного света смерти, из дхармакаи он восстал в теле единения, самбхогакае, и приступил к нескончаемому вращению колеса Дхармы махаяны для бодхисаттв десятого бхуми.

Когда в подходящий день десятого месяца тело было предано кремации, из него спонтанно вспыхнуло пламя изначальной осознанности, а также возникли и другие невообразимые мирские и запредельные знамения и чудеса, такие как радужные облака, принявшие форму предметов подношения, и изумительный аромат во всех направлениях.

Согласно устоявшимся обычаям великих дворцов Нгор, последующие погребальные церемонии были обстоятельно и с надлежащей пышностью проведены под руководством Джамьянга Ринчена Дордже, духовного сына Джампа Кунга Тенпе Гьялцена. Все участники, вспоминая доброту учителя, действовали с большой сосредоточенностью, преданностью и верой, выполняя погребальные ритуалы самым тщательным образом.

В силу заслуг от записывания кратких жизнеописаний
Ради подтверждения подлинности наставников учения
Традиции Объяснения для учеников
Да обрету я освобождение путём моего учителя!

Начиная с жизнеописания Дакчена Дорджечанга и приблизительно до середины жизнеописания Дорджечанга Джампа Кунга Тензина данное приложение с жизнеописаниями наставников линии преемственности Объяснения для учеников особой традиции Нгор составлено восточным владыкой Дхармы Кунга Палденом²³⁴, превосходным учителем сутры и тантры. Оставшуюся часть

жизнеописания Дорджечанга Джампа Кунга Тензина, краткое жизнеописание Джампа Кунга Тенпе Гьялцена, подлинного и несомненного ваджрадхары, а также название, посвящение и колофон добавил в этот текст я, Лотер Вангпо, дабы послужить восстановлению устной передачи этого текста. Благодаря этой заслуге, да будут все живые существа, и я в их числе, во всех своих жизнях благословлены почитаемым владыкой ваджрадхарой!

САРВА МАНГАЛАМ

Да пребудет со всеми благая удача!

Примечания

[←1]

Коренной учитель автора, Царчен Лосел Гьяцо (*tshar chen blo gsal rgya mtsho*, 1502–1566).

[←2]

Заслуг и мудрости.

[←3]

Васубандху, «Сокровищница абхидхармы», 24а3.

[←4]

Три тренировки (*bslab pa gsum*) — это нравственная дисциплина (*tshul 'khrims*), медитативное сосредоточение (*ting nge 'dzin*) и мудрость (*shes rab*).

[←5]

Владыка Дорджечанг (*rje rdo rje 'chang*) — это Нгорчен Кунга Сангпо (1382–1456).

[←6]

Ваджрасанапада. Молитва восьмидесяти четырём махасиддхам. *grub thob bgyad cu rtsa bzhi'i gsol 'debs*. Toh 3758, *rgyud tshu*, 110b3. P4578, *nu*.

[←7]

Ваджрасанапада. Молитва восьмидесяти четырём махасиддхам. *grub thob bgyad cu rtsa bzhi'i gsol 'debs*. Toh 3758, *rgyud tshu*, 110a7. P4578, *nu*.

[←8]

Ваджрасанапада. Молитва восьмидесяти четырём махасиддхам. *grub thob bgyad cu rtsa bzhi'i gsol 'debs*. Toh 3758, *rgyud tshu*, 110b3. P4578, *nu*.

[←9]

Ваджрасанапада. Молитва восьмидесяти четырём махасиддхам. *grub thob bgyad cu rtsa bzhi'i gsol 'debs*. Toh 3758, *rgyud tshu*, 110b6. P4578, *nu*.

[←10]

Ваджрасанапада. Молитва восьмидесяти четырём махасиддхам. *grub thob bgyad cu rtsa bzhi'i gsol 'debs*. Toh 3758, *rgyud tshu*, 110b2. P4578, *nu*.

[←11]

Śrīhevajrasādhana (*dpal dgyes pa rdo rje'i sgrub thabs*, Toh 1218, тeнгбюр, rgyud
nya)

[←12]

Ваджрасанапада. Молитва восьмидесяти четырём махасиддхам. *grub thob bgyad cu rtsa bzhi'i gsol 'debs*. Toh 3758, *rgyud tshu*, 110b7. P4578, *nu*.

[←13]

«Тайные наставления по ступеням непостижимого» (*bsam gyis mi khyab pa lngas lam rdzogs pa*) Куддалы (*tog rtse pa*) обычно называют просто «Непостижимым» (*bsam mi khyab*, Toh 2228, тенгьюр, *rgyud wi*).

[←14]

Как санскритское имя Кришна, так и разнообразные его пракритские формы — Канха, Кахна и т.п. — на тибетский переводились одинаково — Нагпопа.

[←15]

Ваджрасанапада. Молитва восьмидесяти четырём махасиддхам. *grub thob brgyad cu rtsa bzhi'i gsol 'debs*. Toh 3758, *rgyud tshu*, 110a4. P4578, *nu*.

[←16]

«Четыре ступени» (*rim pa bzhi pa*) или «Олапати», *o la pa ti*, Toh 1451, тенгьюр, *rgyud wa*.

[←17]

Ваджрасанапада. Молитва восьмидесяти четырём махасиддхам. *grub thob bgyad cu rtsa bzhi'i gsol 'debs*. Toh 3758, *rgyud tshu*, 110b6. P4578, *nu*.

[←18]

Тиб. *rlung dbu mar 'jug pa'i tshigs bcad*) — это всего одна строфа.

[←19]

Ваджрасанапада. Молитва восьмидесяти четырём махасиддхам. *grub thob brgyad cu rtsa bzhi'i gsol 'debs*. Toh 3758, *rgyud tshu*, 110b7. P4578, *nu*.

[←20]

Коренная тантра Манджушри. Āryamañjuśīmūlatantra. *'phags pa 'jam dpal gyi rtsa ba'i rgyud*. Toh 543, *rgyud 'bum na*, 308b6.

[←21]

Коренная тантра Манджушри. *Āryamañjuśrīmūlatantra*. *'phags pa 'jam dpal gyi rtsa ba'i rgyud*. Toh 543, *rgyud 'bum na*, 308b1.

[←22]

Четыре устных передачи (*snyan brgyud bzhi*) имеют принципиальную важность для практики Пути и плода и раскрыты в предшествующих абзацах. Это не пресечённый поток посвящения, непрерывность передачи благословений, не нарушенный порядок устных наставлений и удовлетворение ума преданностью.

[←23]

Хеваджра в мандале окружён восемью богинями, а Найратмья в своей мандале — четырнадцатью.

[←24]

Частично процитированный в тибетском тексте отрывок дополнен С. Стирнсом по «Прояснению чудесного» Дампа Сонама Гьялцена.

[←25]

Частично процитированный в тибетском тексте отрывок дополнен С. Стирнсом по «Прояснению чудесного» Дампа Сонама Гьялцена.

[←26]

С. Стирнс: у Дампа Сонома Гьялцена в «Прояснении чудесного» находим эту песнь из одной строки: «Ужасающий одиночный герой ужасает Гангу!»

[←27]

Т.е. Авалокитешвары.

[←28]

Соманатха — имя Шивы, или иначе, Махешвары, в одной из его форм.

[←29]

В индуистском пантеоне Кумар Картикея — это сын Шивы и бог войны.

[←30]

Коренная тантра Манджушри. Āryamañjuśīmūlatantra. *'phags pa 'jam dpal gyi rtsa ba'i rgyud*. Toh 543, *rgyud 'bum na*, 325b3.

[←31]

Владыка Гаядхара (*rje ga ya dha ra*, умер в 1103 году).

[←32]

Kṛiyāsatisāya (*bya ba kun las btus pa*) Ачарьи Дарпаны (*'gro ba'i me long*). Toh 3305, тенгьюр, *rgyud bu*.

[←33]

Согласно С. Стирнсу, работа Вирапрабхасвары носит название «Суть реализации восьмидесяти четырёх сиддхов» (*Caturaśītisiddhasambodhiḥṛdaya, grub thob brgyad cu rtsa bzhi'i rtogs pa'i snying po*), Toh 2292, тенгьюр, *rgyud shi*. Комментарий принадлежит Абхаядатташри и озаглавлен «Изложение реализации восьмидесяти четырёх сиддхов, в дохах, с комментарием» (*Dohāvṛttisahitacaturaśītisiddhā-vadāna, grub thob brgyad cu rtsa bzhi'i rtogs brjod do ha 'grel pa dang bcas pa*), P5092, *lu*.

[←34]

Viśeṣatsavaṭīkā (*khyad par du 'phags pa'i bstod pa'i rgya cher bshad pa*)
Праджнявармана (*shes rab go cha*). Toh 1110, тенгьюр, *bstod tshogs ka*.

[←35]

Согласно винае, при посвящении монаха должно присутствовать не менее пяти уже посвящённых монахов.

[←36]

Чом Рал (*bcom ral*) — это сокращённое имя Чомдена Рикпе Лардри (*bcom ldan rig pa'i ral gri*, 1227–1305), выдающегося пандита традиции Кадам.

[←37]

Великий переводчик Ринчен Сангпо (*lo chen rin chen bzang po*, 958–1055).

[←38]

Джово Лхачик (*jo bo lha gcig*) — это Атиша (982–1055).

[←39]

Пацап-лоцава (*pa tshab nyi ma grags*, родился в 1055 году).

[←40]

Согласно С. Стирнсу, Путь Падмаваджры — это Девять глубоких средств (*zab mo'i tshul dgu*).

[←41]

Об этом пророчестве сказано ниже, в рассказе о раннем периоде жизни Дрогми-
лоцавы.

[←42]

См. Пятьдесят строф благочестивого почитания Учителя (Гурупаньчашика) /
Ашвагхоша. Санкт-Петербург: Ясный свет, 1995. 48 с. ISBN 5-87761-008-2.

[←43]

Ученик Гё-лоцавы.

[←44]

Гё-лоцава в описании Кьенце Вангчуга выглядит честолюбивым и анекдотическим персонажем, однако в действительности произошедшая от него тибетская передача традиции Гухьясамаджи Арьи позднее стала наиболее значимой для основателя Гелуг Цонкапы.

[←45]

Сур Шакджунг (*zur shāk 'byung*) — Сурпоче Шакья Джунгне (*zur po che shākya 'byung gnas*, 1002–1062), ученик Дрогми-лоцавы.

[←46]

Передав Дрогми-лоцаве учение Ламдре, Гаядхара пообещал больше никому не передавать его.

[←47]

Ваджрасанапада. Молитва восьмидесяти четырём махасиддхам. *grub thob bgyad cu rtsa bzhi'i gsol 'debs*. Toh 3758, *rgyud tshu*, 112a4. P4578, *nu*.

[←48]

Се и Рок — это ученики Дрогми-лоцавы Гьергом Сево (*gyer sgom se bo*) и Шенгом Рокпо (*gshen sgom rog po*).

[←49]

К тому же самому изваянию приходил Вирупа, как рассказано в его жизнеописании.

[←50]

На посохе буддийского монаха есть кольца, которые позвякивают, если посох встряхнуть, что используется для испрашивания подаяния.

[←51]

Панджаранатха (*gur gyi mgon po*) — форма Махакалы, в которой он является защитником учения Ламдре.

[←52]

Ратнаджвала (*rin chen 'bar ba*, Тон 1251, тенгьюр, *rgyud nya*) — метод реализации Хеваджры согласно традиции Домби Херуки.

[←53]

Согласно С. Стирнсу, переводчик Ньян-ло Дарма Трак (*gnyan lo dar ma grags*) принёс в Тибет учения, связанные с дхармапалой Катурмукхой (*mgon po zhal bzhi pa*). В некоторых источниках в этом эпизоде фигурирует не Ньян-лоцава, а Ра-лоцава (*rwa lo tsā ba rdo rje grags pa*).

[←54]

С. Сирнс пишет, что Защитник здесь — это Махакала.

[←55]

Кхон Кончок Гьялпо (*'khon dkon mchog rgyal po*, 1034–1102) — отец Сачена Кунга Ньингпо, основавший в 1073 году монастырь Сакья. Двадцать восемь Вангчукма — это защитницы из мандалы Ваджракилаи.

[←56]

«Собрание уроков» (*Śikṣāsamuccaya, bslab pa kun las btus pa*, Toh 3939/3940) — см. Шантидева. Собрание практик (Шикшасамуччая). М., Фонд «Сохраним Тибет», 2014, 536 с. ISBN 978-5-905792-05-2.

[←57]

Тиб. *spyod phyogs* — это тексты, описывающие правильное поведение.

[←58]

Бодхисаттва Ваджрагарбха (*rdo rje snying po*) составил один из наиболее важных санскритских комментариев на тантру «Хеваджра». Его работа носит название Неважрапиṇḍārthaṭīkā (*kye'i rdo rje bsdus pa'i don gyi rgya cher 'grel pa*, Toh 1180, тенгьюр, *rgyud ka*). Этот комментарий входит в Трилогию бодхисаттв (*sems 'grel skor gsum*).

[←59]

Более известная под именем Намкха Еше (*nam mkha' ye shes*), эта женщина также была ученицей Дрогми-лоцавы. Её история рассказана ниже, в разделе о главных ученицах Дрогми, где она идёт четвёртой по списку.

[←60]

Мамо Бётонг (*ma mo rbod gtong*) — согласно традиции Ньингма, одно из трёх мирских божеств из числа восьми великих йидамов махайоги.

[←61]

Кхечара (*mkha' spyod*) — чистая страна дакини.

[←62]

Се Кхарчунгва (*se mkhar chung ba*) — другое имя Сетона Кунрика (*se ston kun rig*, 1025–1122).

[←63]

Как объяснялось выше, Дрогми-лоцава следовал обычаю передавать три посвящения, из которых второе было посвящением для восстановления самай.

[←64]

Ранее Дрогми сказал Кончоку Гьялпо, что обещал одному из своих учителей не объяснять писаний полностью получившим наставления и не объяснять устных наставлений полностью получившим передачу писаний.

[←65]

Это трилогия тантр Хеваджры, состоящая из тантры «Хеваджра», тантры «Ваджрапанджара» и тантры «Сампута».

[←66]

Мера (*bre*) — это одна двадцатая поклажи (*khal*), что составляет 1,35 фунта или 650 г.

[←67]

Поклажа (*khal*) — это единица измерения, эквивалентная 25-30 фунтам или 12-14 килограммам.

[←68]

Т.е. супруги Дрогми-лоцавы.

[←69]

Сачен Кунга Ньингпо в «Объяснении Трактата для Ньяка» пишет: «Три вида собирания таковы: естественное собирание сущностных компонентов у обладающего остаточной кармой, собирание сущностных компонентов посредством благословения — у преданного, а также собирание сущностных компонентов посредством усилия — у упорного». Однако Джамьянг Кьенце Вангчук перечисляет здесь четыре вида, соотнося их с примерами четырёх женщин.

[←70]

Куддала, «Тайные наставления по ступеням Непостижимого», Toh 2228,
тенгьюр, *rgyud wi*, 101a1.

[←71]

Подразумеваются Мачик Шама (*ma gcig zha ma*, 1062–1149) и её брат Кхумбува Чёгьял (*khut bu ba chos rgyal*, 1069–1149), о которых рассказывается ниже.

[←72]

Накгъял (*nags rgyal*) — это одновременно название местности близ Джонанг и имя богини этой местности.

[←73]

Братьев Шангтонов (*zhang ston sku mched*) звали Сиджибар (*gzi brjid 'bar*) и Чёбар (*chos 'bar*, 1053–1135). Старший из братьев, Шангтон Чёбар, стал главным держателем линии Пути и плода, а впоследствии передал это учение Сачену Кунга Ньингпо.

[←74]

Китайская царица Онгджо (*rgya bza' ong jo*) — это китайская принцесса, взятая в жёны царём Сонгценом Гампо (*srong btsan sgam po*, 569?–649?) Этот царь послал Тхёнми Самбхоту (*thon mi sam bho ta*) в Индию изучать там письменный язык, и считается, что по возвращении в Тибет Тхёнми разработал письменность для тибетцев. Ма-лоцава Чёбар (*rma lo tsā ba chos 'bar*, 1044–1089) — тибетский переводчик, учившийся в Индии у кашмирского наставника Джаянанды, тибетского наставника Цами Сангье Дракпа (*rtswa mi sangs rgyas grags pa*), настоятеля Наланды и великого переводчика, а также индийского наставника Абхаякарагупты.

[←75]

Дампа Гьягар (*dam pa rgya gar*) — другое имя Падампы Сангье (*pha dam pa sangs rgyas*, ум. в 1105 г.), основателя тибетской традиции Умиротворения (*zhi byed*).

[←76]

Выражение «трёхчастная чистота» (*'khor gsum yongs dag*) указывает на выполнение действия с полной осознанностью несубстанциальности самого действия, его субъекта и объекта.

[←77]

Метод достижения Сарорухи (*sgrub thabs mtsho skyes*) — это «Садхана Шри Хеваджры» (*dpal dgyes pa rdo rje'i sgrub thabs*, Toh 1218, тенгьюр, rgyud nya). Четыре состояния или категории (*gnas pa bzhi*) часто упоминаются в объяснениях «Метода достижения Сарорухи» в контексте четырёх ступеней этапа порождения, связанных с четырьмя телами пробуждения, четырьмя типами личностей и так далее.

[←78]

Тибетский учитель и переводчик Цами Сангье Дракпа (*rtswa mi sangs rgyas grags pa*) был настоятелем Наланды.

[←79]

Джецун Дракпа Гьялцен (*rje btsun grags pa rgyal mtshan*). Восхваление жизни наставника. *bla ma'i rnam thar bstod pa khyod nyi ma*. В Собрании сочинений великих наставников тибетской школы Сакья (*sa skya pa'i bka' 'bum*), vol. 3, Collected Works *cha*, 166a1. Tokyo: The Toyo Bunko, 1968.

[←80]

Джамьянг Доньо Гьялцен (*'jam dbyangs don yod rgyal mtshan*, 1310–1344) — старший брат владыки Ламы Дампы (*rje bla ma dam pa bsod nams rgyal mtshan*, 1312–1375).

[←81]

Бари-лоцава Ринчен Дракпа (*ba ri lo tsā ba rin chen grags pa*, 1040–1111).

[←82]

«Точность эпистемологии» (Pramāṇaviniśaya, *tsad ma rnam nges*) принадлежит индийскому учителю Дхармакирти и входит в его «Семь сборников по эпистемологии».

[←83]

«Сто методов достижения» (*sgrub thabs brgya rtsa*), иначе называемые «Ста методами Бари» (*ba ri brgya rtsa*), — это собрание методов достижения, полученное Бари-лоцавой от индийского учителя Ваджрасанапады. Это собрание содержится в двенадцатом томе *sgrub thabs kun btus*, Dehra Dun: G. T. K. Lodoy, N. Gyaltzen, and N. Lungtok, 1970.

[←84]

Кхон Дралхабар (*'khon dgra lha 'bar*) также известен как Шераб Бар (*shes rab 'bar*) и Гьичува (*sgyi chu ba*).

[←85]

Наставник Нгарипа — это ученик Дрогми Салве Ньингпо (*gsal ba'i snying po*), от которого Гьичува получил трилогию тантр Хеваджры и много других передач.

[←86]

Почитаемые братья (*rje btsun sku mched*) — это сыновья Сачена Сонам Цемо (*bsod nams rtse mo*, 1142–1182) и Дракпа Гьялцен (*grags pa rgyal mtshan*, 1147–1216), которые никогда не появились бы на свет, если бы Сачен стал монахом.

[←87]

Учения Наро Кхечари (*nā ro mkha' spyod ma*) являются частью необычного объяснения для учеников по циклу Чакрасамвары. Особые учения Ракта Ямари (*gshin rje'i gshed dmar*) восходят к Вирупе. Линия Панджаранатхи (*gur gyi mgon po*), проходящая через великого переводчика Лочена Ринчена Сангпо (*lo chen rin chen bzang po*, 958–1055), в традиции Сакья является важнейшей из линий передач Махакалы.

[←88]

Цикл брамина — это собрание нингмапинских тантр класса атийоги, которое было принесено в Тибет Падмасамбхавой и Вималамитрой.

[←89]

Главы трёх духовных семейств (*rigs gsum tgon po*) — это бодхисаттвы Авалокитешвара, Манджушри и Ваджрапани.

[←90]

Пещера Манджугхоши (*'jam dbyangs phug pa*) — это та пещера, где Сачен в двенадцатилетнем возрасте получил от Манджугхоши учение об отсечении четырёх привязанностей. Получив благословение от своего учителя Шанга Гонпавы (*zhang dgon pa ba*), Сачен составил хвалу, в которой сказано, что состраданием Шангтона он был исцелён от болезни.

[←91]

Балдрок (*'bal grog*) и Мондрок (*mon grog*) — это названия горных хребтов, расположенных с двух сторон от белой области на достаточно большом расстоянии друг от друга.

[←92]

С. Стирнс: Коталипа (Kotalipa) — другая форма имени Куддала (*tog rtse pa*).
Написание Куддала можно найти в сохранившихся санскритских текстах.
Винапа (в тибетском тексте искажённое написание *bi na sa*) предшествовал
Куддале в линии преемственности Непостижимого (*bsam mi khyab*).

[←93]

Главный духовный сын — это кровный сын и одновременно ученик Сачена Дракпа Гьялцен, который, как считается, обрёл окончательное пробуждение в чистой земле Сердокчен (*gser mdog can*), о чём говорится далее в тексте.

[←94]

Дакчен Ринпоче (*bdag chen rin po che*) — это Дакчен Лодрё Гьялцен (*bdag chen blo gros rgyal mtshan*, 1444–1495).

[←95]

Шуче Нгёдруп (*zhu byas dngos grub*) — один из главных учеников Сачена, испросивший один из одиннадцати комментариев.

[←96]

С. Стирнс: Ярлунгпа (*yar lung pa*) — это или Ярлунгпа Джангчуп Гьялцен (*yar lung pa byang chub rgyal mtshan*), или Ярлунгпа Дракпа Гьялцен (*yar lung pa grags pa rgyal mtshan*). Период активной деятельности обоих приходился на вторую половину тринадцатого века.

[←97]

Глубокий путь (*lam zab*) — термин ламдре, означающий медитации гуру-йоги.

[←98]

Джецун Дракпа Гьялцен, «Сны почитаемого владыки», *rje btsun pa'i mnal lam*. В Собрании сочинений великих наставников тибетской школы Сакья (*sa skya pa'i bka' 'bum*), vol. 4, Collected Works nya, 199b4. Tokyo: The Toyo Bunko, 1968. Приведённая цитата отличается от соответствующего пассажа в сохранившейся версии текста.

[←99]

Почитаемые братья — это Джецун Дракпа Гьялцен и Лопон Сонам Цемо. Храм Горум (*sgo rut*) — старейший из храмов Сакья.

[←100]

Ньяк Вангчук Гьялцен (*gnyags dbang phyug rgyal mtshan*), которому было дано «Объяснение Трактата для Ньяка».

[←101]

Дурджаячандра (*mi thub zla ba*) — учитель Вираваджры, который, в свою очередь, был учителем Дрогми-лоцавы.

[←102]

Джецун Дракпа Гьялцен, «Восхваление жизни наставника», *bla ma'i rnam thar bstod pa khyod nyi ma*. В Собрании сочинений великих наставников тибетской школы Сакья (*sa skya pa'i bka' 'bum*), vol. 3, Collected Works *cha*, 166b3. Токуо: The Toyo Bunko, 1968.

[←103]

Джецун Дракпа Гьялцен, «Сны почитаемого владыки, *rje btsun pa'i mnal lam*. В Собрании сочинений великих наставников тибетской школы Сакья (*sa skya pa'i bka' 'bum*), vol. 4, Collected Works nya, 198b–199a. Tokyo: The Toyo Bunko, 1968.

[←104]

За исключением работы «Применительно к данному писанию» (*lung 'di nyid dang sbyar ba*), которую можно найти в одиннадцатом томе, *da*, серии «Литература ламдре, школа Сакья», прочие тексты находятся среди других работ Сонама Цемо в «Собрании сочинений великих наставников тибетской школы Сакья». Под «данным писанием» подразумевается тантра «Хеваджра».

[←105]

Великий кашмирский пандит — это Шакьяшрибhadра (1140?–1225?).

[←106]

Около 1244 года Сакья Пандита был призван ко двору монгольского хана Кодана. В 1258 году Кублай Хан (1215–1294), который позднее стал в Китае первым императором династии Юань, испросил у Чёгьяла Пхакпа (*chos rgyal 'phags pa*, 1235–1280), племянника Сакья Пандиты, полное посвящение Хеваджры, в благодарность за которое, как считается, поднёс Пхакпа три области Тибета.

[←107]

Все эти строки — из «Прояснения смысла посредством символов» Сакья Пандиты Кунга Гьялцена, *brda don gsal ba*. В серии Литература ламдре, школа Сакья (*sa skya lam 'bras*), vol. 13, *pa*, 103a–106b. Dehra Dun: Sakya Centre, 1983.

[←108]

Ваджрадхара и Найратмья рассматриваются здесь как нераздельные, поэтому считаются за одно.

[←109]

Джецун Дракпа Гьялцен, «Краткое изложение», *rgyud sde spyi'i rnam gzhag dang rgyud kyi mngon par rtogs pa'i stong thun sa bcad*. В Собрании сочинений великих наставников тибетской школы Сакья (*sa skya pa'i bka' 'bum*), vol. 3, *Collected Works cha*, 161b3. Tokyo: The Toyo Bunko, 1968.

[←110]

К десяти направлениям относятся четыре главных, четыре промежуточных, верх и низ. Согласно традиции Калачакры, Меру окружена семью другими горами.

[←111]

Жёлтая книга (*pod ser*), см. т. 11, *da*, серии «Литература ламдре, школа Сакья».

[←112]

См. Сакья Пандита Кунга Гьялцен, «Объяснение пяти зависимо возникших связей», *rten 'brel lnga'i bshad pa*. В серии Литература ламдре, школа Сакья (*sa skya lam 'bras*), vol. 13, *pa*, 110a–114a. Dehra Dun: Sakya Centre, 1983. И «Объяснение печати четырёх мандал», *'khor bzhi'i rgya'i bshad pa*. В серии Литература ламдре, школа Сакья (*sa skya lam 'bras*), vol. 13, *pa*, 115b–117a. Dehra Dun: Sakya Centre, 1983.

[←113]

С.Стирнс: непонятная ссылка. Вопросы наставника Кадам Докорвы (*do skor ba*) и ответы на них Сакья Пандиты можно найти в собрании сочинений Сакья Пандиты, *na*, 217a–220a; однако там нет комментариев Пхакпа Ринпоче.

[←114]

Йонтен Пал (*grub thob yon tan dpal*, 1237–1323).

[←115]

328 Цокгом Ринчен Пал (*tshogs sgom rin chen dpal*, 1210–1307).

[←116]

Гьялва Янгонпа Гьялцен Пал (*rgyal ba yang dgon pa rgyal mtshan dpal*, 1213–1258) получал передачу Пути и плода в традиции Сакья от Сакья Пандиты, а в традиции Шама — от Гьялвы КоДракпа (*rgyal ba ko brag pa*, 1170–1249).

[←117]

Сангца Сонам Гьялцен (*zangs tsha bsod nams rgyal mtshan*, 1184–1239) — младший брат Сакья Пандиты, отец Чёгьяла Пхакпа.

[←118]

Дзо — помесь яка и коровы. Эти животные передвигаются неспешно, часто останавливаясь пощипать травы.

[←119]

Шанг Кончок Пал (*zhang dkon mchog dpal*, 1240–1307).

[←120]

Дракпхукпа Сонам Пал (*brag phug pa bsod nams dpal*, 1277–1346).

[←121]

Махасиддха Ньенченпа (*grub chen nyan chen pa*) — это Ньенчен Сонам Тенпа (*nyan chen bsod nams brtan pa*, 1222–1317).

[←122]

Лама Дампа Сонам Гъялцен (*bla ma dam pa bsod nams rgyal mtshan*, 1312–1375).

[←123]

Ритрёпа Лодрё Тенпа (*ri khrod pa blo gros brtan pa*, 1316–1358).

[←124]

Учитель ламдре Еше Пал (*lam 'bras pa ye shes dpal*, 1281–1365).

[←125]

Лосанг Кармо (*blo bzang dkar mo*) передал учение Путь и плод Бодонгу Панчену Чоле Намгьялу (*bo dong pan chen phyogs las rnam rgyal*, 1376–1451).

[←126]

Палден Цултрим (*dpal ldan tshul khriṃs*, 1333–1399).

[←127]

Махасиддха Буддашри (*grub chen buddha shrī*, 1339–1419).

[←128]

Шарчен Еше Гъялцен (*shar chen ye shes rgyal mtshan*, ?–1406).

[←129]

Семпа Ченпо (*sems dpa' chen po*) — прозвание Мючена Кончока Гьялцена (*mis chen dkon mchog rgyal mtshan*, 1388–1469).

[←130]

Дакчен Дорджечанг (*bdag chen rdo rje 'chang*) — Дакчен Лодрѐ Гьялцен (*bdag chen blo gros rgyal mtshan*, 1444–1495).

[←131]

Ла — это Ларува Сонам Сенге (*la ru ba bsod nams seng ge*), который был приглашён императором Сиддхипалой (1303–1323) в Китай, где в возрасте восьмидесяти семи лет и скончался. Ньен — это Ньенчен Сонам Тенпа (*nyan chen bsod nams brtan pa*, 1222–1317), немаловажная фигура среди учеников Цокгома Кунга Пала. Шанг — Шанг Кончок Пал (*zhang dkon mchog dpal*, 1240–1307), главный ученик Пхакпа Ринпоче.

[←132]

Гангтрёпа Дракпа Пал (*gangs khrod pa grags pa dpal*, 1292–?), также известный как всеведущий Пангкхангпа (*kun mkhyen sprang khang pa*), был третьим настоятелем монастыря Нгамринг.

[←133]

Мати Панчен (*ma ti paṅ chen 'jam dbyangs blo gros rgyal mtshan*, 1294–1376).
Втягивание или обращение вспять (*so sor sdud pa*) — это первая из шести ветвей йоги Калачакры. Всеведущий Джонангпа — это Долпопа Шераб Гьялцен (*dol po pa shes rab rgyal mtshan*, 1292–1361).

[←134]

Период пути (*lam dus*) — распространённое название ежедневно выполняемой садханы (*sgrub thabs*) Хеваджры. Тхекчен Чёдже (*theg chen chos rje kun dga' bkra shis*, 1349–1425).

[←135]

Почитаемый отец (*rje btsun yab*) — это Джамьянг Намкха Гьялцен (*jam dbyangs nam mkha' rgyal mtshan*, 1398–1472).

[←136]

Лачен Кунга Гьялцен (*bla chen kun dga' rgyal mtshan*, 1348–1418) из рода Кхон (*'khon*). Он был племянником Ламы Дампы и отцом Дакчена Джамьянга Намкха Гьялцена (*bdag chen 'jam dbyangs nam mkha' rgyal mtshan*, 1398–1472), который, в свою очередь, был отцом Дакчена Лодрё Гьялцена (*bdag chen blo gros rgyal mtshan*, 1444–1495).

[←137]

Махасиддха Кюнло (*grub chen kun dga' blo gros*, 1365–1443). Нья Он (*nya dbon kun dga' dpal*, 1285–1379) также был одним из главных учеников наставника школы Джонанг Долпопы Шераба Гьялцена. Якдепа (*g.yag sde pa nam mkha' bsod nams*, 1299–1378).

[←138]

Джамьянг Кончок Сангпо (*'jam dbyangs dkon mchog bzang po*, 1398–1475).

[←139]

Кунпанг Ченпо (*kun spangs chen po kun bzang chos kyi nyi ma*, 1449–1524), чаще называемый Кунпангом Дорингпой (*kun spangs rdo ring pa*), был главным учеником Дакчена Дорджечанга (*bdag chen rdo rje 'chang blo gros rgyal mtshan*, 1444–1495) и коренным учителем Царчена Лосела Гьяцо (*tshar chen blo gsal rgya mtsho*, 1502–1566).

[←140]

Коренной учитель автора, Царчен Лосел Гьяцо.

[←141]

Дакчен Дорджечанг Лодрё Гьялцен.

[←142]

«Хеваджра». Невajratantrarājanāma. *kye rdo rje zhes bya ba rgyud kyi rgyal po / kye'i rdo rje mkha' 'gro ma dra ba'i sdom pa'i rgyud kyi rgyal po / brtags pa gnyis pa*. Toh 417/418, *rgyud 'bum nga*, 27a7. P10, ka. С.Стирнс: поскольку предполагалось, что читатель помнит данный пассаж наизусть, в оригинальном тексте даны только первая и последняя строка, но в переводе приводится весь фрагмент целиком.

[←143]

«Хеваджра». Hevajratantrarājanāma. *kye rdo rje zhes bya ba rgyud kyi rgyal po / kye'i rdo rje mkha' 'gro ma dra ba'i sdom pa'i rgyud kyi rgyal po / brtags pa gnyis pa*. Toh 417/418, *rgyud 'bum nga*, 27b1. P10, *ka*.

[←144]

Критика, адресованная преимущественно последователям линии дзонгпа (*rdzong pa*) в рамках ламдре.

[←145]

«Хеваджра». Hevajratantrarājanāma. *kye rdo rje zhes bya ba rgyud kyi rgyal po / kye'i rdo rje mkha' 'gro ma dra ba'i sdom pa'i rgyud kyi rgyal po / brtags pa gnyis pa*. Toh 417/418, *rgyud 'bum nga*, 12b5. P10, *ka*.

[←146]

Вирупа, «Ваджрные строки» *rdo rje'i tshig rkang / lab 'bras bu dang bcas pa'i rtsa ba rdo rje'i tshig rkang*. Toh 2284, *rgyud zhi*, 139b1. P3131, *tsi*.

[←147]

Сачен Кунга Ньингпо, «Краткое изложение всего в стихах», *thams cad kyi don bsdus pa'i tshigs su bcad pa*. В серии Литература ламдре, школа Сакья (*sa skya lam 'bras*), vol. 11, *da*, 95a. Dehra Dun: Sakya Centre, 1983.

[←148]

См. Джецун Дракпа Гьялцен, «Ясный ответ на просьбу» / Стихотворное руководство по ведению учеников в точном соответствии с трактатом о пути и плоде. *zhus lan gsal ba / lam 'bras gzhung ji lta ba bzhin tu dkri ba'i khrid yig tshigs bcad ma*. В серии Литература ламдре, школа Сакья (*sa skya lam 'bras*), vol. 13, pa, 8a–10a. Dehra Dun: Sakya Centre, 1983.

[←149]

Нгорчен Кунга Сангпо (*ngor chen kun dga' bzang po*, 1382–1456).

[←150]

«Сутра белого лотоса превосходной Дхармы». Saddharmapuṇḍarīkānāma mahāyānasūtra. *dam pa'i chos pad ma dkar po zhes bya ba theg pa chen po'i mdo*. Toh 113, *mdo sde ja*, 181b2. P781, *chu*. Приведённая цитата несколько отличается от того, как эта строка выглядит в тексте сутры.

[←151]

Āryakuśalamūlasamparigrahanāma mahāyānasūtra. *'phags pa dge ba'i rtsa ba yongs su 'dzin pa zhes bya ba theg pa chen po'i mdo*. Toh 101, *mdo sde nga*, 94a2. P769, *gu*.

[←152]

«Сутра белого лотоса превосходной Дхармы». *Saddharmapuṇḍarīkānāma mahāyānasūtra. dam pa'i chos pad ma dkar po zhes bya ba theg pa chen po'i mdo.* Toh 113, *mdo sde ja*, 181b3. P781, *chu*. Кхедруп Делек Палсанг (*mkhas grub dge legs dpal bzang*, 1385–1438) был одним из величайших учеников и наследником Дхармы Цонкапы Лосанга Дракпа (*tsong kha pa blo bzang grags pa*, 1357–1438).

[←153]

«Сутра белого лотоса превосходной Дхармы». Saddharmapuṇḍarīkānāma mahāyānasūtra. *dam pa'i chos pad ma dkar po zhes bya ba theg pa chen po'i mdo*. Toh 113, *mdo sde ja*, 181b3. P781, *chu*.

[←154]

Мючен Кончок Гьялцен (*mus chen dkon mchog rgyal mtshan*, 1388–1469).

[←155]

Кхьенрап Чёдже (*mkhyen rab chos rje rin chen mchog grub*, 1436–1497).

[←156]

Пхакмодрупа (*phag mo gru pa rdo rje rgyal po*, 1110–1170).

[←157]

Дакпо Лхадже (*dwags po lha rje*) — Гампопа Сонам Ринчен (*sgam po pa bsod nams rin chen*, 1079–1153).

[←158]

См. Сакья Пандита Кунга Гьялцен (1182–1251). Подробный анализ трёх обетов. Обет ваджраяны. [505-506] Dharmabooks.ru 011bo09/2022. ISBN 978-5-6048717-0-6. В тибетском тексте только первая строка стихотворного отрывка из этой знаменитой работы Сакья Пандиты. В переводе он приведён целиком.

[←159]

Гьялца Талпхукпа (*rgyal tsha tal phug pa rin chen mgon*, 1118–1195) — основатель традиции Тропху Кагью (*khro phu bka' brgyud*).

[←160]

Кодракпа (*ko brag pa bsod nams rgyal mtshan*, 1170–1249).

[←161]

Чаген — это Вангчук Гьялцен (*dbang phyug rgyal mtshan*). С. Стирнс: в других источниках также сказано, что Путь и плод традиции Шама он получил от госпожи Мачик Ньитри (*ma gcig nyi khri*), однако относительно Пути и плода традиции Сакья обычно утверждается, что он получил его от всеведущего Пхурангпы Сангье Драка (*kun mkhyen phu hrangs pa sangs rgyas grags*), ученика Сакья Пандиты. Кроме того, Чаген был учеником Чёгьяла Пхакпа (*chos rgyal 'phags pa blo gros rgyal mtshan*, 1235–1280).

[←162]

Кунпанг Дракгьял — также известен как Бесподобный Наставник (*bla ma tnyam med pa*). Тай Ситу Джангьял (*ta si byang rgyal*) — это Тай Ситу Джангчуп Гьялцен (*ta'i si tu byang chub rgyal mtshan*, 1302–1364), в чьих руках была сосредоточена величайшая политическая власть в Тибете.

[←163]

Джонанг Кунпанг Ченпо (*jo nang kun spangs chen po*) также известен как Тхукдже Цёндрю (*thugs rje btson 'grus*, 1243–1313), Кунту Сангпо (*kun tu bzang po*) и Микьо Дордже (*mi bskyod rdo rje*). Он основал монастырь Джонанг.

[←164]

Се Кхарчунгва (*se mkhar chung ba*) — Сетон Кунрик (*se ston kun rig*, 1025–1122), главный ученик Дрогми-лоцавы.

[←165]

Втягивание или обращение вспять (*sor sdud*) — первая из шести ветвей йоги Калачакры этапа завершения. Китайский учитель Хэшан (*hva shang mā ha yā na*) вступил в диспут с индийским учителем Камалашилой в тибетском монастыре Самье в конце восьмого века. Хэшан отстаивал мгновенный способ реализации, а Камалашила — постепенный.

[←166]

Лочен Джангце — это Лочен Джангчуп Цемо (*lo chen byang chub rtse mo*, 1302–1380).

[←167]

В этот стих вплетено имя Джампа (любовь) Кунга (услаждать всех) Тенпе (дхарма) Гьялцен (стяг победы). Джампа Кунга Тенпе Гьялцен (*byams pa kun dga' bstan pa'i rgyal mtshan*, 1829–1870) был пятьдесят четвёртым настоятелем монастыря Нгор и учителем одного из авторов данного текста, Джамьянга Лотера Вангпо (*'jam dbyangs blo gter dbang po*, 1847–1914).

[←168]

Наиболее известное сакьяпинское изображение Махакалы Панджаранатхи. Сачен получил его от своего учителя Мал-лоцавы (*mal lo tsā ba blo gros grags pa*).

[←169]

Джамьянг Ченпо Намкха Гьялцен (*'jam dbyangs chen po nam mkha' rgyal mtshan*, 1398–1472).

[←170]

Джамьянг Кончок Сангпо (*jam dbyangs dkon mchog bzang po*, 1398–1475) был учеником махасиддхи Кунга Лодрë (*grub chen kun dga' blo gros*, 1365–1443).

[←171]

Дакчен Кунга Вангчук (*bdag chen kun dga' dbang phyug*, 1418–1462), из рода Кхон из Сакья.

[←172]

Налендра (*nā len dra*), один из главных монастырей Сакья, был основан Ронгтоном Шеджа Кунриком (*rongs ston shes bya kun rig*, 1367–1449) в 1437 году.

[←173]

За исключением текста по дарованию посвящения пути, все эти работы можно найти в серии «Литература ламдре, школа Сакья», том 18, *tsha*.

[←174]

Дорингпа (*rdo ring pa*) — Кунсанга Чёкьи Ньима (*kun bzang chos kyi nyi ma*, 1449–1524).

[←175]

Коренная мантра (*rtsa sngags*) Хеваджры иначе называется aṣṭā.

[←176]

Горумпа (*sgo rum pa*) — Горум Кунга Лекпа (*sgo rum kun dga' legs pa*, 1477–1544).

[←177]

Марпа из Лодрака (*mar pa lho brag pa*) — Марпа-лоцава Чёкьи Лодрë (*mar pa lo tsā ba chos kyi blo gros*, 1000?–1081?).

[←178]

Держатель трона Сакья Сало Джамьянг Кунга Сонам (*sa lo 'jam dbyangs kun dga' bsod nams*, 1485–1533) и Кончок Цултрим (*kun mchog tshul khrims*, 1445–1517), настоятель монастыря Шалу.

[←179]

Согласно С. Стирнсу, год огня-дракона (*me 'brug*, 1556) в переводе исправлен на год дерева-дракона (*shing 'brug*, 1544).

[←180]

Гендун Гьяцо (*dge 'dun rgya mtsho*, 1475–1542) — Второй Далай-лама.

[←181]

397 Таши Лхунпо (*bkra shis lhun po*), знаменитый монастырь школы Гелуг, был основан в 1447 году Первым Далай-ламой, Гендуном Друпом (*dge 'dun grub*, 1391–1474).

[←182]

«Лучи солнца» (*nyi ma'i 'od zer*) Царчена — наиболее полный комментарий на этап порождения Хеваджры согласно традиции Объяснения для учеников. См. в серии «Литература ламдре, школа Сакья», том 10, *tha*. «Драгоценные чётки» (*nor bu'i phreng ba*) — комментарий Царчена на посвящение Хеваджры, дополняющий более раннюю работу Лопона Сонома Цемо (*slob dpon bsod nams rtse mo*, 1142–1182), называемую «Поток посвящения» (*dbang chu*), — см. в серии «Литература ламдре, школа Сакья», том 18, *tsha*.

[←183]

Это краткие названия длинных мантр Хеваджры, Кхечари, Ваджрабхайравы и Махакалы: aṣṭa, oṃ gsum ma, yamaṅja, śāsana.

[←184]

Дакчен Нгакги Вангпо (*bdag chen ngag gi dbang po*) — возможно, Дакчен Нгакги Вангчук (*bdag chen ngag gi dbang phyug*, ?–1544) из рода Кхон.

[←185]

Палпук (*dpal spug*) — уединённое жилище Бутона Ринчендуба (*bu ston rin chen grub*, 1290–1364) в монастыре Шалу.

[←186]

В тибетском оригинале имеется следующее примечание: «Хотя в своей автобиографии Друпа указывает год земли-кролика (1579), однако Ванграп, Япдже и Пятый Далай-лама в своих работах согласно утверждают, что это был год земли-дракона (1568)». Друпа (*'bru pa*) — это Нгакчанг Сонам Чопел (*sngags 'chang Bsod nams chos 'phel*, 1527–1603), Ванграп (*dbang rab*) — это Вангчук Раптен (*dbang phyug rab brtan*, 1558–1636), Япдже (*yab rje*) — держатель трона Сакья Япдже Кунга Лодрө (*yab rje kun dga' blo gros*, 1729–1783), а Пятый Далай-лама — Нгаванг Лосанг Гьяцо (*ngag dbang blo bzang rgya mtsho*, 1617–1682).

[←187]

Кунга Дролчок (*kun dga' grol mchog*, 1507–1566) — великий учитель несектантского движения Рима, специализацией которого были учения Джонанг, Сакья и Шангпа Кагью. В то время он возглавлял школу Джонанг.

[←188]

Работы Лудрупа Гяцо представлены в серии «Литература ламдре, школа Сакья», том 15, *ba*.

[←189]

Панчен Нгаванг Чёдрак (*paṅ chen ngag dbang chos grags*, 1572–1641).

[←190]

На тибетском имеется следующее примечание: «Япдже Дорджечанг утверждает, что Лудруп Гьяцо скончался в возрасте семидесяти одного года, в год воды-змеи (1593), но поскольку из его биографии с очевидностью можно заключить, что к пятому месяцу года дерева-лошади (1594), когда ему должно было быть семьдесят два, он ещё был жив, точно указать дату его смерти не можем». Теперь известно, что Мангтхо Лудруп Гьяцо умер в 1596 году. Япдже Дорджечанг — это держатель трона Сакья Япдже Кунга Лодрё (*yab rje kun dga' blo gros*, 1729–1783).

[←191]

Бёкхарва (*dod mkhar ba*) — прозвание Майтри Дёндрупа Гьялцена (*mai tri don grub rgyal mtshan*, 1527–1587).

[←192]

Представляя членов сангхи на макушке своей головы, Бёкхарва почитал их как высших по отношению к себе.

[←193]

С. Сирнс: Донг Ньенчен (*gdong brnyan can*) — это эпитет дхармапалы Катурмукхи.

[←194]

В тибетском оригинале имеется следующее примечание: «В приложении к автобиографии указывается год земли-кролика (1639), но здесь, видимо, ошибка, поскольку получается неувязка с годами. Безупречным следует считать утверждение Япдже Дорджечанга о том, что это был год воды-кролика (1603)».

[←195]

Термин Кхаупа (*kha'u pa*) — сокращённая форма термина Кхау Драгцонгпа (*kha'u brag rdzong pa*), служащего для обозначения линии Царпа (*tshar pa*) традиции Объяснения для учеников (*slob bshad*). Термин этот происходит от того, что древнее уединённое жилище близ Сакья, называемое Кхау Драгцонг, служило резиденцией Кунпангу Дорингпе (*kun spangs rdo ring pa*, 1449–1524) — главному ученику Дакчена Дорджечанга и коренному учителю Царчена.

[←196]

Дингмава Лапсум Гъялцен (*sding ma ba bslab gsum rgyal mtshan*, 1526–1577).

[←197]

Нгакчанг из Дру (*'bru 'i sngags 'chang*) — это Нгакчанг Сонам Чопел (*sngags 'chang bsod nams chos 'phel*, 1527–1603).

[←198]

Работы Панчена Нгаванга Чёдрака по Пути и плоду представлены в серии «Литература ламдре, школа Сакья», том 25, *ra*, а его же комментарий на тантру «Хеваджра» — в томе 10, *tha*.

[←199]

Лапсумпа (*Bslab gsum pa*) — это Дингмава Лапсум Гьялцен (*sding ma ba bslab gsum rgyal mtshan*, 1526–1577).

[←200]

Трое почитаемых владык в белом (*rje btsun dkar po rnam gsum*) — это Сачен Кунга Ньингпо и его сыновья Сонам Цемо и Дракпа Гьялцен, которые носили белое, поскольку были мирянами.

[←201]

Кангьюрва (*bka' gyur ba*) — Сонам Чокден (*bsod nams mchog ldan*, 1603–1659).

[←202]

Шалу Кхенчен (*zha lu mkhan chen*), Великий Настоятель Шалу — это Ринчен Сонам Чокдруп (*rin chen bsod nams mchog grub*, 1602–1681). Ошибочное написание «вода-лошадь» (*chu rta*, 1582) исправлено С. Стирнсом на «вода-тигр» (*chu stag*, 1602), согласно той дате, которая указана в подробном жизнеописании Шалу Кхенчена.

[←203]

Традиция Гонгкар (*gong dkar*) — это ответвление линии Дзонгпа (*rdzong pa*), восходящей к Дзонгпе Кунга Намгьялу (*rdzong pa kun dga' rnam rgyal*, 1432–1496), который в 1469 году основал монастырь Гонгкар Дорджеден (*gong dkar rdo rje gdan*).

[←204]

Дэваницу — сердечная мантра (*snying po 'i bsngags*) Хеваджры.

[←205]

«Железо-птица» (*lcags bya*) исправлено С. Стирнсом на «железо-мышь» (*lcags byi*).

[←206]

Пятый Далай-лама носил имя Нгаванг Лосанг Гьяцо (*ngag dbang blo bzang rgya mtsho*, 1617–1682).

[←207]

Сурчен (*zur chen*) — это Сур Чойинг Рангдрол (*zur chos dbyings rang grol*, 1610–1657).

[←208]

Три Красных (*dmar po skor gsum*) — это Курукулла (*ku ru ku lle, rig byed ma*), Ганапати (*tshogs bdad*) и Таккираджа (*'Dod rgyal*). Восточный император — китайский император.

[←209]

Тексты Синей Книги (*pod sngon*) — особые учения ламдре монастыря Налендра — см. в серии «Литература ламдре, школа Сакья», том 31, *e wat*.

[←210]

Ронгтон Шеджа Кунрик (1367–1449), Тхекчен Чёдже Кунга Таши (1349–1425), Нгорчен Кунга Санпо (1382–1456), Мючен Кончок Гъялцен (1388–1469) и Кхьенрап Чёдже Ринчен Чокдруп (1436–1497).

[←211]

Владыка Он Ринпоче (*rje dbon rin po che*) — это Владыка Он Нгаванг Тензин Лхундруп (*rje dbon ngag dbang bstan 'dzin lhun grub*).

[←212]

Кхьяпдак Шалупа (*khyab bdag zha lu pa*) — Шалу-кхенчен (*zha lu mkhan chen*, великий настоятель Шалу), Ринчен Сонам Чокдруп (*rin chen bsod nams mchog grub*, 1602–1681).

[←213]

Морчен Дорджечанг (*rmor chen rdo rje 'chang*) — Морчен Кунга Лхундруп (*rmor chen kun dga' lhun grub*, 1654–1728). Ронгтон Шеджа Кунрик (1367–1449).

[←214]

Шуче Нгёдруп (*zhu byas dngos grub*) — один из главных учеников Сачена. По его просьбе был дарован один из одиннадцати комментариев Сачена на «Ваджрные строки». Сангца Сонам Гьялцен (*zangs tsha Bsod nams rgyal mtshan*, 1184–1239) — младший брат Сакья Пандиты, отец Чёгьяла Пхакпа.

[←215]

Ваджрные чётки (*Vajrāvalī*, *rdo rje pheng ba*, Toh 3140, тенгьюр, *rgyud phu*) — собрание текстов тантрических посвящений и практик, составленное индийским наставником Абхаякарагуптой. Мандалы для очищения — это мандалы Сарвавид (*kun rig*).

[←216]

Держатель трона Сакья Джамгон Амешап (*'jam mgon a mes zhabs ngag dbang kun dga' bsod nams*, 1597–1659).

[←217]

Дакчен (*bdag chen*) из Сакья — держатель трона Джамьянг Сонам Вангчук (*'jam dbyangs bsod nams dbang phyug*, 1638–1685); его сыном был держатель трона Нгаванг Кунга Таши (*ngag dbang kun dga' bkra shis*, 1656–1711).

[←218]

Кхьяпдак Несарва (*khyab bdag gnas gsar ba*) — Кунга Лекпе Джунгне (*kun dga' legs pa'i 'byung gnas*, 1704–1760).

[←219]

Дамчен Дордже Лекпа (*dam can rdo rje legs pa*) — один из главных дхармапал традиции Ньингма.

[←220]

Япдже Дорджечанг — это держатель трона Сакья Япдже Кунга Лодрё (*yab rje kin dga' blo gros*, 1729–1783).

[←221]

Род Кхон (*'khon*) из Сакья известен под тремя особыми названиями: божественное семейство (*lha rigs*), род Кхон (*'khon gdung*) и Сакьяпа (*sa skya pa*).

[←222]

В монастыре Нгор Эвам Чёден было четыре дворца (*bla brang*), которые назывались соответственно Кхангсар (*khang gsar*), Пхенде (*phan bde*) или Пхенкханг (*phan khang*), Тхарце (*thar rtse*) и Лудинг (*klu sdings*).

[←223]

Одно из требований к кандидату в настоятели Нгор, состояло в сдаче четырёх малых экзаменов (*rgyugs chung bzhi*) по четырём малым тантрическим текстам (*rgyud chung bzhi*) своей традиции.

[←224]

Нгаванг Чёкьонг Сангпо (*ngag dbang chos skyong bzang po*, 1723–?) был сороковым настоятелем монастыря Нгор.

[←225]

Джамгон Нгаванг Кунга Лодрѐ (*'jam mgon ngag dbang kun dga' blo gros*) — это держатель трона Сакья Япдже Кунга Лодрѐ (*yab rje kun dga' blo gros*, 1729–1783).

[←226]

Падмакара — одно из имён Гуру Падмасамбхавы.

[←227]

То есть на трон Нгорчена Дорджечанга Кунга Сангпо в монастыре Нгор.

[←228]

Саванг Лачен (*sa dbang bla chen*) — правитель Дерге (*sde dge*), более известный как Дерге Япчен (*sde dge yab chen*). Позднее принял постриг и стал уважаемым учёным. Саванг Лачен был тем самым правившим в Дерге царём Дхармы, о котором говорится абзацем ниже.

[←229]

Всеведущий Къенце Вангпо — Джамьянг Къенце Вангпо (*'jam dbyangs mkhyen brtse'i dbang po*, 1820–1892). Саванг Лачен (*sa dbang bla chen*) — правитель Дерге. Кунга Палден (*kun dga' dpal ldan*) — автор предшествующих разделов данного текста.

[←230]

Три ступени: мирянин, послушник и полностью посвящённый монах.

[←231]

Джово Кадампа (*jo bo bka' gdams pa*) — традиция Кадам, основанная на учениях индийского учителя Джово Атиши (*jo bo a ti sha*, 982–1055) Дромтоном Гьялве Джунгне (*'brom ston rgyal ba'i 'byung gnas*, 1005–1064).

[←232]

Восемнадцать знаменитых трактатов (*grags chen bco brgyad*) иногда группируются в следующие шесть сборников. Шесть трактатов о совершенствах: *Abhisamayālaṅkāra (mngon rtogs rgyan)*, *Mahāyānasūtrālaṅkāra (mdo sde rgyan)*, *Madhyāntavibhāga (dbus mtha' rnam 'byed)*, *Dharmadharmatāvibhāga (chos dang chos nyid rnam 'byed)*, *Ratnagoṭravibhāṅga (rgyud bla ma)* и *Bodhisattvacaryāvatāra (byang chub sems dpa'i spyod pa la 'jug pa)*. Два писания винаи: *Pratimokṣasūtra (so thar pa'i mdo)* и *Vinayamūlasūtra ('dul ba mdo rtsa)*. Три трактата по мадхьямаке: *Mūlamadhyamakakārika (dbu ma rtsa ba shes rab)*, *Catuḥśataka (dbu ma bzhi brgya pa)* и *Madhyamakāvatāra (dbu ma la 'jug pa)*. Два трактата по абхидхарме: *Abhidharmasamuccaya (mngon pa kun btus)* и *Abhidharmakośa (mngon pa mdzod)*. Четыре трактата по эпистемологии: *Pramāṇasamuccaya (tshad ma kun btus)*, *Pramāṇavārttika (tshad ma rnam 'grel)*, *Pramāṇaviniścaya (tshad ma rnam nges)* и «Сокровищница эпистемологии» Сакья Пандиты (*tshad ma rigs gter*). Один трактат по трём обетам: «Подробный анализ трёх обетов» Сакья Пандиты (*sdom gsum rab dbye*).

[←233]

Джампаянг Нгаванг Сонам Гьялцен (*'jam pa'i dbyangs ngag dbang bsod nams rgyal mtshan*, ок. 1830-х–1890-х) был пятьдесят пятым настоятелем монастыря Нгор, Джамьянг Шераб Гьяцо (*'jam dbyangs shes rab rgya mtsho*, ?–1873?) — пятьдесят шестым, Палден Лодрѐ Гьялцен (*dpal ldan blo gros rgyal mtshan*, 1840–1900) — пятьдесят седьмым, Джамьянг Ринчен Дордже (*'jam dbyangs rin chen rdo rje*, 1837–1901) — пятьдесят восьмым. Автор данного раздела — Джамьянг Лотер Вангпо (*'jam dbyangs blo gter dbang po*, 1847–1914).

[←234]

Кунга Палден именуется восточным владыкой Дхармы (*shar chos rje*) в силу поста, который он занимал в великом монастыре Дерге, где имелись восточный учитель (*shar bla ma*) и западный учитель (*nub bla ma*).